

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2012. № 4

Научно-практический журнал

Выходит четыре раза в год

Сведения, касающиеся изданий и публикаций включены в базу данных ИНИОН РАН.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199178,
Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс.: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал
«Управленческое консультирование» обязательна

- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2012
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2012
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета;
- Артамонов В. С.** — доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (Санкт-Петербург);
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Гуторов В. А.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Двас Г. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Журавлев В. П.** — председатель избирательной комиссии Ленинградской области, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург);
- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва);
- Киричук С. М.** — доктор социологических наук (Москва);
- Михеев Ю. А.** — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации (Москва);
- Понеделков А. В.** — доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Ростов-на-Дону);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Суслов В. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук (Новосибирск);
- Филиппов Г. Г.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Шевченко В. Я.** — доктор химических наук, профессор, действительный член Российской академии наук, лауреат премии Совета министров СССР, Государственных премий Российской Федерации (Санкт-Петербург)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — *главный редактор*;
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Елфимов Г. М.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель главного редактора*;
- Клюев А. В.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Курзнев В. А.** — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Чимаров С. Ю.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Яновский В. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 7 Ю. М. РЕЗНИК**
Основные направления социоинженерной подготовки специалистов
- 13 А. Н. САВЛУК**
Роль политической элиты в формировании кадрового резерва государственной службы

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 18 В. В. ПЫЛИН**
Анализ правовых основ Советов народных депутатов РСФСР и муниципальных представительных органов Российской Федерации
- 25 М. Н. КИМ**
Портретные очерки о государственных деятелях: технология создания
- 33 М. Н. ГРИГОРЬЕВ, А. Е. ОЗОЛИНГ**
Влияние управленческих и технологических инноваций в таможенно-логистической сфере на реализацию транзитного потенциала Российской Федерации
- 39 С. П. МУРЛАНОВ**
Понятие «элита» в условиях модернизации российского государства
- 45 Д. И. ПЕТИКОВ**
К вопросу о политизации религии в РФ: современные угрозы и модернизация

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 50 А. Х. КУРБАНОВ, В. А. ПЛОТНИКОВ**
Влияние уровня экономического развития регионов России на трансформацию механизмов материально-технического обеспечения с использованием аутсорсинга
- 60 Г. А. ЕВДОНИН, А. Д. ЕРШОВ**
Модель взаимоотношений таможни и бизнеса
- 68 Е. В. ФЕДОРОВА**
Развитие конгрессно-выставочной деятельности в России

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 73 А. Ф. ИЗМАЙЛОВ**
Антропологическая журналистика
- 83 В. В. ДЯДИК**
Взаимодействие муниципальных образований с региональными органами государственной власти: институциональный аспект

- 92 В. А. АЧКАСОВА**
Технологический комплекс медиарилейшнз: особенности реализации в GR-деятельности
- 99 С. М. ВИНОГРАДОВА**
Медиарилейшнз в контексте взаимодействия публичной дипломатии, PR и GR: концептуальные аспекты
- 108 Г. С. МЕЛЬНИК**
Взаимодействие PR-структур и СМИ: формы, принципы, зоны ответственности
- 117 А. Н. ГРИШАНИНА, В. Б. УГРЮМОВ**
Телевидение и общество: ценностный аспект новых форм медиарилейшнз
- 124 А. И. ПАВЛОВ**
Имидж руководителя как фактор повышения эффективности деятельности учреждения здравоохранения
- 128 Н. А. БОРИСОВ**
О типологии и видах экологической политики

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 132 Е. Г. СЕРЕБРЯКОВА**
Мир глазами диссидента (по книге В. Буковского «И возвращается ветер...»)
- 139 Я. Ю. ИЛЬЯШЕНКО**
Модели культуры и их отражение в современной литературе

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 147 Г. Н. БОЕВА**
Культурология как искусство чтения

POLICY AND A LAWFUL STATE

- 7 YU. M. REZNIK**
Main Directions of Socioengineering Training of Specialists
- 13 A. N. SAVLUK**
The Role of Political Elite in Formation of a Personnel Reserve of Civil Service

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 18 V. V. PYLIN**
Analysis of Legal Bases of Councils of People's Deputies of RSFSR and Municipal Representative Bodies of the Russian Federation
- 25 M. N. KIM**
Portrait Sketches about Statesmen: Technology of Creation
- 33 M. N. GRIGORIEV, A. E. OZOLING**
The influence of managerial and technological innovations in the field of customs and logistics in the process of implementing the transit potential of the Russian Federation
- 39 S. P. MURLANOV**
The concept "elite" in the conditions of modernization of the Russian state
- 45 D. I. PETIKOV**
On the Question of Religion Politicization in the Russian Federation: Modern Threats and Modernization

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 50 A. KH. KURBANOV, V. A. PLOTNIKOV**
Influence the level of economic development of Russia in the changing forms of logistics with outsourcing
- 60 G. A. EVDONIN, A. D. ERSHOV**
Model of Relationship of Customs and Business
- 68 E. V. FEDOROVA**
Development of congress and exhibition in Russia

POWER AND ECONOMY

- 73 A. F. IZMAILOV**
Anthropological Journalism
- 83 V. V. DYADIK**
Interaction between municipalities and regional government authorities: institutional aspect
- 92 V. A. ACHKASOVA**
Technological complex of media realization in GR-activity
- 99 S. M. VINOGRADOVA**
Media relations in the context of interaction of public diplomacy, PR and GR: conceptual aspects
- 108 G. S. MELNIK**
The interaction of PR-agencies and the media: forms, principles, areas of responsibility

- 117 A. N. GRISHANINA, V. B. UGRYUMOV**
Television and society: new forms of value aspect relationship with the media
- 124 A. I. PAVLOV**
The image of the head as a factor in increasing the efficiency of hospital
- 128 N. A. BORISOV**
On the Typology and Types of Ecological Policy

HISTORY AND CULTURE

- 132 E. G. SEREBRYAKOVA**
World through the eyes of a dissident (about the book of V. Bukovsky «The wind returns...»)
- 139 YA. YU. ILYASHENKO**
Models of Culture and Their Reflection in Modern Literature

SCIENTIFIC LIFE

- 147 G. N. BOEVA**
Cultural science as the art of reading

Основные направления социоинженерной подготовки специалистов

Main Directions of Socioengineering Training of Specialists

Резник Юрий Михайлович

Москва
Институт философии РАН, главный научный
сотрудник
Российский институт культурологии, заместитель
директора по научной работе
Доктор философских наук, профессор

Ключевые слова:

инженерное дело, социальное управление,
инженерный анализ, социальная диагностика,
социальная инженерия, социальные технологи-
гии, управленческое консультирование

Автор выделяет в рамках социоинженерной деятельности такие направления, как социоинженерные исследования (анализ, диагностика и экспертиза), социальное конструирование (проектирование, программирование и планирование), организационно-технологическая деятельность, управленческое консультирование. Они же выступают основаниями для специализации будущих работников сферы управления социальными процессами.

По мере развития социальной инженерии в ней происходит разделение труда. Это приходится учитывать при определении основных направлений специализации будущих специалистов по социальной инженерии (социологов). В рамках социоинженерной деятельности можно выделить условно четыре направления: социоинженерные исследования (инженерный анализ социальных систем), проектно-конструкторская, организационно-технологическая и консультативно-управленческая деятельность.

Следует отметить, что некоторые авторы рассматривают социоинженерную деятельность в более узком смысле, ограничивая ее рамки деятельностью практического социолога, работающего

Reznik Yury Mikhailovich

Moscow
The Institute of Philosophy of the Russian Academy
of Sciences, senior scientific researcher
The Russian Institute for Cultural Research, Deputy
Director on Scientific Work
Doctor of Science (Philosophy), Professor

Key words:

engineering, social management, social engineering, an engineering analysis, social diagnosis, social technologies, management consulting

The author marks out within social engineering activity areas such as social engineering studies (analysis, diagnosis and expertise), social engineering (design, programming and planning), organizational and technological activities, management consulting. They are the bases for specialization of future employees in the management of social processes.

в организации. Тем самым ее содержание значительно сужается. Из нее фактически исключают такие виды деятельности, как инженерные исследования, проектно-конструкторские разработки и управленческое консультирование. Наиболее развитой формой социальной инженерии признается практическая (прикладная) деятельность социолога, включенного в систему управления организацией и несущего всю полноту ответственности, а значит, и прав за принимаемые решения [3].

Соглашаясь в принципе с тем, что социальная инженерия имеет управленческий статус, автор не может признать правомерным сужение ее предметных границ. В функциональном смысле она представляет собой разноплановую

деятельность, направленную на сохранение и воспроизводство целостности социальных систем, исходя из знания внутренней логики их развития. Каждая из сторон социоинженерной деятельности ориентирована на обеспечение этой целостности системы в каком-либо из ее проявлений. Поэтому нельзя противопоставлять проектно-конструкторскую деятельность инженерной практике на том основании, что они являются результатом обособления и специализации различных видов инженерного труда.

Точно так же нельзя противопоставлять социоинженерную деятельность на предприятии управленческому консультированию как более развитую менее развитой форме деятельности социолога-практика в сфере управления. Каждая из этих сторон социоинженерной деятельности имеет свои достоинства и недостатки, определяемые во многом их местом в системе управления. Вряд ли можно отказать экспертам консультативно-управленческих фирм в праве называться социальными инженерами по той причине, что они не вписаны в полном объеме в структуру управления конкретной организации. Они представляют собой тот род деятельности и услуг, который получил название инжиниринга. Социальный инжиниринг как комплекс услуг, оказываемых на коммерческих основах, по исследованию, проектированию и обслуживанию новых социальных объектов признается во всем мире составной частью процесса управления. За качество предоставляемых услуг консультанты по управлению несут не меньшую ответственность (финансовую и юридическую), чем работники данной организации.

Таким образом, каждое из направлений социоинженерной деятельности связано в той или иной мере с управлением социальными объектами или системами. Вместе с тем они характеризуются некоторыми отличительными особенностями, обусловленными, с одной стороны, их ролью в процессе управления, а, с другой, — конкретным содержанием и спецификой инженерного труда.

Социоинженерные исследования (социоинженерный анализ) следует рассматривать как особую разновидность прикладных социальных (социологических) исследований. Как и другие прикладные исследования, они направлены на решение практических социальных проблем и в первую очередь — проблем управления. В то же время их необходимо отличать от фундаментальных исследований.

Во-первых, различие между фундаментальными (научно-теоретическими) и инженерными исследованиями состоит, прежде всего, в том, что первые ориентированы на познание и раскрытие сущности социальных явлений и процессов, тогда как вторые стремятся описать и объяснить конструктивные возможности и характеристики конкретных социальных систем в соответствии с логикой их развития. Поэтому инженерные исследования характеризуются в большей степени прагматической ориентацией и интерпретацией социальных объектов, чем исследования фундаментального типа. Посредством такой интерпретации, как отмечает Г. А. Антонюк, представления об этих объектах приводятся в соответствии с представлением об операциях по их изменению или преобразованию [1, с. 120].

Во-вторых, инженерные исследования призваны обеспечить процесс создания и реализации социальных проектов. Поэтому они включают в себя и нормативные аспекты. В ходе этих исследований понятия социологической науки переводятся на язык решений, нормативов, предписаний, регламентирующих поведение людей по целенаправленному изменению социальных объектов.

Примером социоинженерных исследований являются диагностические, проективные, инновационные и экспертные исследования социальных систем (объектов). Им соответствуют четыре типа исследовательских задач: 1) описание реального состояния социального объекта, выявление социальных противоречий и проблем и постановка социального диагноза; 2) определение конструктивных свойств и параметров социального объекта и возможных путей их практического использования; 3) определение

путей и форм реализации социальных проектов и внедрения социальных новшеств; 4) проведение экспертизы принятых проектов и решений.

Для реализации указанных задач широко применяются методы инженерного анализа и моделирования социальных объектов. Содержание этих инженерных методов конкретизируется при помощи следующих инвариантных процедур: обоснование проблемы и характеристика проблемной ситуации; формулирование целей и задач исследования; построение модели (аналитической, дескриптивной, или нормативной, прескриптивной, или экспериментальной) социального объекта; эмпирическая проверка принятых гипотез и допущений на основе обобщения и анализа (оценки) данных, полученных посредством моделирования; уточнение и оптимизация моделей социального объекта, представление и выдача практических рекомендаций.

Социоинженерные исследования следует рассматривать как одно из направлений специализации в области социальной инженерии. Специалист, получивший инженерно-исследовательскую подготовку, может работать в различных организациях в качестве аналитика, диагноста, эксперта по социальным (социологическим) вопросам. Этому соответствует квалификация социального инженера-исследователя, т. е. инженера, ориентированного на изучение социальных объектов и систем с точки зрения возможностей их создания и преобразования в заданном направлении.

Назначение второго направления специализации социальных инженеров — инженерно-конструкторской деятельности — состоит в создании качественно новых или изменении уже существующих социальных объектов и систем. Этот вид социоинженерной деятельности отличается от предыдущего (социоинженерных исследований) в содержательном и формальном плане. С точки зрения содержания социоинженерное конструирование представляет собой научно-практическую деятельность, связанную с построением новых социальных объектов или их состояний. Со стороны формальных це-

лей и задач эта деятельность включает в себя разработку не только самих проектов развития социальных систем, но и средств их практической реализации (социальных технологий).

Основная задача инженерного конструирования формулируется, по мнению Дж. Диксона, следующим образом: «Разработать при некоторых ограничениях, обусловленных способом решения, элемент, систему или процесс, обеспечивающие оптимальное выполнение поставленной задачи при некоторых ограничениях, налагаемых на решение» [2, с. 16]. Ограничения, имеющие место в процессе инженерного проектирования, подразделяются на ограничения, относящиеся к методу решения задачи (наличие необходимых знаний и средств решения задачи), и ограничения, связанные с выполнением этой задачи (естественные и социальные факторы, финансовые издержки, наличие необходимых материалов и пр.).

Социальное конструирование как разновидность социоинженерной деятельности непосредственно включено в систему управления. Оно осуществляется в основном на стадии подготовки управленческих решений и выступает в разных формах (социальное проектирование, программирование и планирование). Разработка социальных проектов и технологий их реализации представляет достаточно высокие требования к профессиональным качествам конструкторов и проектировщиков. По своему интеллектуальному содержанию инженерно-конструкторская деятельность близка к научному творчеству. Инженер-конструктор должен обладать богатым творческим воображением и фантазией, гибкостью и вариативностью мышления, развитым эстетическим вкусом, склонностью к новаторству.

Деятельность по социальному конструированию предполагает реализацию трех важных функций — экономической, эстетической и морально-этической. Экономическая функция состоит в создании качественно нового продукта, обладающего свойствами товара и выгодно отличающегося от всех других това-

ров. Выполнению этой функции подчинен социальный инжиниринг, стремящийся в целях создания изобилия удовлетворить различные потребности и запросы людей в новых услугах и ресурсах.

Эстетическая функция социального конструирования заключается в создании эстетической привлекательности социальных конструкций, призванных формировать у людей чувство прекрасного. Социальные проекты, разрабатываемые инженерами-конструкторами, должны, помимо всего прочего, пробуждать и развивать вкус у людей, являющихся потребителями их продукции. Эстетическим оформлением социальных проектов занимаются специалисты по социальному дизайну.

Морально-этическая функция социального проектирования ориентирована на гуманизацию социальных отношений, складывающихся между людьми в процессе и в результате проектировочной деятельности. Она направлена также на предотвращение и предупреждение социальных конфликтов, возникающих в ходе создания и внедрения нового. Морально-этический смысл социального конструирования реализуется прежде всего в деятельности специалистов по анализу управленческих систем и проектированию организационных структур управления.

Организационно-технологическая деятельность охватывает собой процесс реализации социальных проектов и технологий, а также внедрения социальных новшеств. Специалистов, работающих в этой сфере социоинженерной деятельности, чаще всего называют социальными технологами. Между социальными конструкторами (проектировщиками) и социальными технологами существует четкое разделение функций. Первые создают социальные проекты и технологии, а также разрабатывают методические средства, связанные с их реализацией, вторые обеспечивают процесс их внедрения. Конечно, социальные технологи могут участвовать в создании средств социоинженерной деятельности и выработке практических рекомендаций по их внедрению. Однако их главная задача за-

ключается в том, чтобы «вдохнуть жизнь» в социальные проекты и программы, реализовать их на практике.

Социальные технологи чаще всего выступают в качестве основных пользователей проектных и технологических средств, созданных инженерами-конструкторами. Но для того чтобы пользоваться этими средствами, они должны обладать достаточно высокой квалификацией и обширными научными знаниями. Для сравнения отметим, что труд инженера-технолога на производстве включает в себя множество творческих элементов. Его деятельность протекает, как правило, в условиях неопределенности и дефицита ресурсов. В ней значительно больше места (чем в деятельности инженера-конструктора) занимает работа с людьми. Поэтому социальный технолог, как и инженер вообще, должен иметь хорошие навыки организационного и делового общения. Кроме того, от него как практикующего специалиста по социальной инженерии требуется «умение следовать образцам, предписываемым технологическими стандартами, соблюдать технологическую дисциплину» [2, с. 32]. Наличие этих качеств является обязательным условием его профессионализма и инженерного мастерства.

Следует отметить также, что социальные технологи — самый многочисленный отряд специалистов, работающих в социальной инженерии. До недавнего времени ими являлись многие заводские (промышленные) социологи и психологи, использующие в своей практической деятельности методы и средства социальной инженерии. Наряду с ними социоинженерной деятельностью занимались специалисты кадровых служб и подразделений организаций (ведомств). В условиях усиления экономического кризиса и спада производства в нашей стране значительная часть этих специалистов перешла в другие отрасли народного хозяйства и прежде всего в коммерческие организации, государственные учреждения, учебные заведения и консалтинговые фирмы.

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что для эффективного развития социальной инженерии в нашей стране требуются высокообразованные социальные технологи, являющиеся полноценными участниками процесса управления в организации, предприятии или фирме. И здесь следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что социально-инженерная деятельность на предприятии должна стать составной частью системы функционального управления наряду с экономическим и технико-технологическим регулированием производственной деятельности.

Консультативно-управленческая деятельность (управленческое консультирование) является самой распространенной у нас и за рубежом формой социоинженерной деятельности. Данный вид практики настолько детально описан в научной литературе, что нет необходимости останавливаться на нем подробно. Отметим лишь, что квалификация консультанта по управлению требует всесторонней подготовки.

Консультативно-управленческая деятельность предполагает весь комплекс услуг по диагностике, проектированию, планированию и внедрению социальных технологий. Поэтому она включает в себя элементы инженерно-исследовательской, проектно-конструкторской и организационно-технологической деятельности. Как правило, услуги консультантов по управлению предоставляются клиентам на договорной, коммерческой основе.

В целом управленческое консультирование имеет как свои сильные, так и слабые стороны с точки зрения эффективности оказываемых услуг. Преимущество этой деятельности по сравнению с деятельностью «внутренних» специалистов и консультантов, являющихся постоянными (штатными) работниками организации, заключается в большей объективности и беспристрастности полученных оценок и результатов. К числу же ограничений этой деятельности следует отнести недостаточное знание специфики обслуживаемой организации.

Управленческое консультирование как форма социоинженерной деятельности

приобретает в нашей стране все более широкие масштабы. Количество консультативных (консалтинговых) фирм непрерывно увеличивается. Однако не все из них являются рентабельными и самоокупаемыми организациями. Некоторые консультанты по управлению не обладают в полной мере профессиональной культурой и квалификацией. Кроме того, до сих пор отсутствуют профессиональные кодексы и стандарты консультативно-управленческой деятельности. Профессиональные ассоциации консультантов по управлению находятся еще в стадии становления. Все это обуславливает настоятельную необходимость более качественной подготовки специалистов по управленческому консультированию и другим направлениям социоинженерной деятельности.

Итак, специализация социологов в области социальной инженерии должна осуществляться, с нашей точки зрения, по четырем основным направлениям: инженерно-исследовательской, проектно-конструкторской, организационно-технологической и консультативно-управленческой деятельности [4; 5]. Им соответствуют четыре профессиональные квалификации социального инженера, а именно: инженер-исследователь (социальный аналитик, диагност и эксперт), инженер-конструктор (социальный конструктор), инженер-технолог (социальный технолог) и инженер-консультант (консультант по управлению). Каждая из этих квалификаций предполагает в ходе подготовки специалистов тот или иной набор учебных дисциплин, израсходованную продолжительность их изучения и соответствующий объем часов.

В перспективе было бы целесообразно выделить социальную инженерию в отдельную специальность или группу специальностей, которая бы объединила возможности социологического, социально-психологического, социально-антропологического и инженерно-технического образования. Появление новых профессий и специальностей (на-

пример, социальный дизайн или управленческое консультирование) требует усиления прикладной направленности гуманитарного образования, расширения и изменения перечня специальностей в системе высшего профессионального образования. Будущее социально-экономических преобразований в нашей стране будет зависеть во многом от профессиональной компетентности и мастерства социальных инженеров, работающих в самых разных сферах научной и производственной деятельности.

Зачем же нужны социоинженерные знания специалисту, в том числе гума-

нитарию или инженеру? Такой вопрос часто возникает не только у студентов, приступающих к изучению социально-гуманитарных дисциплин, но и у руководителей-практиков, управленцев.

Они нужны тем, кто желает посвятить себя служению обществу и решению множества социальных и гуманитарных проблем. Такие знания составляют фундамент мировоззрения будущего специалиста по проблемам социального управления. Они же позволяют ему реализовать гражданскую позицию в реальной управленческой практике.

Литература

1. *Антонюк Г. А.* Социальное проектирование и управление общественным развитием. Минск: Наука и техника, 1986. 205 с.
2. *Диксон Дж.* Проектирование систем: изобретательство, анализ и принятие решений. М.: Мир, 1969. 430 с.
3. *Щербина В. В.* Средства социологической диагностики в системе управления. М.: Изд-во МГУ, 1993. 116 с.
4. *Социальная инженерия: Курс лекций. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Резника и В. В. Щербины.* М.: Союз, 1994. 148 с.
5. *Резник Ю. М.* Социальная инженерия в системе социологического образования // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 14–34.

References

1. *Antonyuk G. A.* Social design and management of social development. Minsk: Science and equipment, 1986. 205 p.
2. *Dickson J.* Design of systems: invention, analysis and decision-making. M.: World, 1969. 430 p.
3. *Shcherbina V. V.* Tools of sociological diagnostics in a control system. M.: Moscow State University publishing house, 1993. 116 p.
4. *Social engineering: Course of lectures. P. 1 / under the editorship of Yu. M. Reznik and V. V. Shcherbina.* M.: Union, 1994. 148 p.
5. *Reznik Yu. M.* Social engineering in system of sociological education // Sociological researches. 1994. N 5. P. 14–34.

Роль политической элиты в формировании кадрового резерва государственной службы

The Role of Political Elite in Formation of a Personnel Reserve of Civil Service

Савлук Андрей Николаевич

Санкт-Петербург
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС
Аспирант кафедры политологии
savlukszfo@mail.ru

Ключевые слова:

государство, государственная служба, кадровая политика, кадровый резерв, политические элиты

Кадровый резерв государственной службы является одним из важных механизмов, обеспечивающих ее эффективное функционирование. За счет кадрового резерва происходит выявление и заполнение стратегически значимого кадрового потенциала для замещения вакансий в аппарате государственного управления. Современная модернизация государственной службы вызвала существенную трансформацию в характере кадровой политики, а также в принципах формирования кадрового резерва, в том числе в составе правящих политических элит.

Кадровый резерв государственной службы в Российской Федерации рассматривается как важнейший элемент в системе стратегического планирования экономического и социального развития. Само по себе такое понятие, как «кадровый резерв» вызывает теоретический и, что еще важнее, практический интерес. В советские времена это понятие именовалось «номенклатурной элитой» и включало в себя, по сути, сообщество влиятельных политиков, постоянно участвующих в жизни общества

Savluk Andrew Nikolaevich

Saint-Petersburg
North-West Institute of Administration of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration
Graduate student of Chair of Political Science
savlukszfo@mail.ru

Key words:

government, Russian Federation, government service, manpower policy, employment pool, power elite

Governmental employment pool forming is one of the most important processes of government service. It provides elicitation of potential employees and occupation the vacancies of state power apparatus. Current modernization of the government service leads to essential transformation of the manpower policy pattern as of the principles of the employment pool forming, including ruling establishment structure.

и государства в различных качествах (должностях). Эта «скамейка запасных» характеризует качество того государства, той политической системы, которые сформированы в обществе.

Чем больше в состав кадрового резерва входит влиятельных политиков, профессионально подготовленных людей, выделяющихся своими лидерскими качествами, компетентностью и человеческим потенциалом, тем активнее политико-экономическая жизнь этого государства, а само оно может считаться сильным.

Корпус государственных служащих тесно примыкает к лидирующей политической элите [2]. В связи с этим подготовке топ-менеджеров XXI в. уделяется повышенное внимание. В развитых странах в связи с этим имеется наработанный годами опыт. Известно, что Гарвардский университет окончили восемь американских президентов, а во Франции, например, действует 240 учебных заведений управленческого профиля.

Элита в подлинном смысле — творческая, научная, политическая — самая ценная составляющая общества. Как сердцевина живого социального организма, она концентрирует в себе лучшие его качества [6]. Личностные и профессиональные качества представителей власти, деятелей науки, искусства, бизнеса во все времена определяли успех той или иной страны. Руководители государства, творческая, научная, бизнес-элита — это визитная карточка своей страны, своего народа на мировой арене. В этой связи подготовке топ-менеджеров для госслужбы из числа политической элиты должно уделяться особое внимание. При решении данной задачи необходимо, по мнению автора, активно использовать зарубежную практику.

Изучение проблем формирования кадрового резерва, включающего представителей политической элиты, целесообразно строить на основе теории политического лидерства и теории политических элит.

Теория политического лидерства позволяет раскрыть личностные двигатели кадровых процессов. Общество, структурируясь в соответствии с потребностями и возможностями своих членов, порождает лидеров этих структур, которые в концентрированном виде выражают потребности своих социальных групп. Явление лидерства является базовым понятием в понимании социального генезиса органов власти.

На первом уровне социальных связей между людьми в процессе их взаимодействия выявляются индивидуальные субъекты власти. На втором уровне социальных взаимодействий между соци-

альными субъектами власти рождаются группы (элиты) правящих, их объединения, организации, партии, которые в процессе своего воспроизводства превращаются в стабильные институты власти. На третьем уровне взаимодействия социальных институтов и организаций продуцируются в общественный строй (социальное устройство общества). Каждый новый уровень представляет собой качественно своеобразные социальные феномены со своими системными характеристиками, закономерностями [1].

Таким образом, в системе государственной власти сначала выявляются лидерские качества, необходимые для той или иной сферы государственной службы, а затем происходит процесс трансформации неформального лидера в формального политического лидера или государственного служащего.

Теория правящих элит указывает на то, что в своей совокупности лидеры, благодаря своему культурному и интеллектуальному превосходству над массами, образуют особую прослойку (элиту). Таким образом, политическая элита формируется в своей среде лидеров более высокого ранга [5].

Истоки теории правящих элит можно найти еще в платоновском «Государстве» и аристотелевской «Политике», где впервые были поставлены вопросы о власти правящей элиты. В дальнейшем эту теорию развили Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс и др. Всех их объединяет одно общее положение, а именно: в любом организованном обществе элита составляет незначительное меньшинство, в то время как большинство населения не участвует в управлении и подчиняется власти элиты. Проблемы политической элиты в истории и в современных условиях России раскрываются в трудах А. Кивы, О. Крыштановской, С. Кургиняна, А. Магамедова, Р. Медведева, Е. Охотского, А. Понеделкова, Л. Швецово́й и других авторов.

В современных элитологических исследованиях делаются противоречивые высказывания относительно качественного состава российских элит и эффективности их социально-политической дея-

тельности, что, по мнению А. Понеделкова и А. Старостина, связано не только с идеологической позицией экспертов, но и существованием значительных разночтений в методике оценки состава и деятельности российских элит, сводящихся в основном к рассмотрению социально-управленческих действий [4]. Сегодня уделяется недостаточное внимание оценке и анализу масштабов и значимости происходящих в переходный период процессов, таким их аспектам, которые сопряжены с качественными характеристиками обновления элитных групп.

Опыт многих стран указывает на несколько путей оптимизации системы отбора политико-административной элиты. Прежде всего, это выборность и конкурсы претендентов на государственные посты; квалификационные экзамены и работа с существующим кадровым резервом; конструктивное взаимодействие с политическими партиями, профсоюзами и другими общественными организациями.

В нашей стране формирование кадрового резерва государственной службы в составе политической элиты реализуется на федеральном и региональном уровнях в рамках Федерального проекта «Кадровый резерв — профессиональная команда страны», предусматривающего своей стратегической целью поиск, формирование и эффективное использование кадрового резерва для нужд государственной и муниципальной службы, партийного строительства, приоритетных сфер экономики Российской Федерации.

Государственные кадровые резервы (президентский резерв, резерв правительства, резерв губернаторов, мэров), по мнению Ю. Котлера, представляют «более или менее длинный список, составленный экспертами», включенным в него лицам предлагаются следующие формы востребованности: карьерный рост, переход на государственную, муниципальную службу, в госкорпорации, структуры партии «Единая Россия», общественная проектная работа [7].

Каналом кадровых перемещений, предусматривающим обновление админист-

ративно-политических элит и пополнение их элитным человеческим потенциалом, стал сформированный резерв управленческих кадров. За период с декабря 2009 г. по август 2011 г. 189 «резервистов» (37,9%) получили повышение по службе (работе) или были назначены на должности с большим объемом полномочий:

- в федеральных органах государственной власти — 58 человек, из них 15 человек заняли должности заместителей руководителей федеральных министерств, служб и агентств;
- в региональных органах государственной власти и органах местного самоуправления — 38 человек, 5 «резервистов» стали заместителями губернаторов;
- в организациях бизнеса — 60 человек, из них 27 человек назначены или избраны руководителями крупных российских компаний;
- в учреждениях науки, образования и общественных организациях — 33 человека, из которых 5 «резервистов» избраны ректорами государственных учреждений высшего профессионального образования [8].

Из «президентской тысячи» резерва управленческих кадров, находящихся под патронатом Президента Российской Федерации, 38 человек были отобраны в «первую сотню» резерва управленческих кадров («Сотню-2010») [9]. Новый список «президентской тысячи» включает в себя представителей федеральных органов государственной власти — 139 человек (в прежнем составе было 162), региональных органов власти и органов местного самоуправления — 165 человек (было — 94), организаций бизнеса — 156 человек (было — 150), учреждений науки, образования и общественных организаций — 90 человек (было — 94).

Полученные данные позволяют отметить, что самые высокие показатели резерва управленческих кадров первой сотни «Сотня-2010» имеют представители в возрасте до 35 лет, молодые люди с большим новаторским и творческим потенциалом. Среди представителей бизнеса, науки и образования, общественных организаций больше 56% име-

ют средний возраст 45 лет, что характерно для периода экономической независимости и профессиональной компетенции.

Исследователи считают, что «федеральная элита должна подпитываться провинцией, а ее подготовка и рекрутирование осуществляться на возможно более широкой территориально-географической основе» [3].

Эффективность государственной кадровой политики в элитной сфере во многом определяется уровнем ее открытости, опорой на широкую социальную базу. В условиях демократии это ориентирует на качественную элиту, учет воли и интересов всех наиболее перспективных социальных слоев — носителей прогрессивных политических и социально-экономических отношений — «средний класс» в лице предпринимателей, научной и творческой интеллигенции, квалифицированных рабочих и крестьян, служащих учреждений образования, медицины и сферы обслуживания.

Что касается новой конфигурации российской политической элиты, просматривающейся в последнее время, следует отметить, что она способна усилить российскую государственность и управляемость общества и одновременно поддерживать проводимую в стране модернизацию социально-экономической системы.

Если говорить о политической элите в регионах, то следует указать на то, что она является социальной группой, члены которой контролируют административно-правовые, финансово-экономические, информационно-идеологические каналы влияния на местах. В кон-

тексте продолжающихся преобразований в сфере укрепления государственной вертикали власти и ее централизации особенно актуальным является исследование процессов формирования кадрового резерва государственной службы из числа административно-политических региональных элит, механизма их взаимодействия с федеральной элитой, анализ их качества, деятельности и компетентности в соответствующем этническом сообществе и регионе в целом.

Вместе с тем, следует отметить, что наличие авторитарной позиции ряда политиков и одновременное стремление формировать демократические нормы противоречат друг другу и неизбежно приводят к проблемам и конфликтам, что свидетельствует об отсутствии отлаженной системы пополнения элиты. Очевидно, что важнейшим моментом в создании и преобразовании политической элиты в высококвалифицированную и высокоморальную является процесс образования и воспитания, создание условий для становления качественной российской элиты.

Мировой опыт убедительно показывает, что создание адекватной, четкой модели подготовки госслужащих и формирования кадрового резерва в государственном аппарате управления имеет ключевое значение для эффективного функционирования всей системы управления государством. Страна только тогда может стабильно и успешно развиваться, когда обладает компетентным, высокопрофессиональным и ответственным корпусом администраторов-управленцев на всех уровнях.

Литература

1. *Анискевич А. С.* Массы и лидеры в условиях перехода от диктатуры к демократии // Вестник МГУ. 2004. № 2. С. 24–29.
2. *Ильин И.* Предпосылки творческой демократии / Ильин И. Родина. Русская философия. Православная культура. М., 1992. С. 153–154.
3. *Новикова О. С., Горбунов Ю. В.* Региональные политические элиты России. М., 2005. 259 с.
4. *Понеделков А., Старостин А.* Формирование путей рекрутации административно-политических элит в современной России // Власть. 2007. № 6. С. 6.
5. *Понеделков А. В.* Политико-административные элиты России в середине 90-х гг. и 10 лет спустя (теоретический и прикладной аспекты анализа). Ростов н/Д, 2005. С. 381.

6. *Симонян Р. Х.* Элита или все-таки номенклатура? (Размышления о российском правящем слое) // *Общественные науки и современность.* 2009. № 2 С. 114–124.
7. *Котлер Ю.* Наш проект — важная составляющая систематизации власти: [сайт]. URL: <http://profkomanda.edinros.ru/article/40226> (дата обращения: 20.05.2012).
8. *Об обновлении* президентского резерва управленческих кадров («президентской тысячи»): Официальный сайт Администрации Президента РФ. URL: <http://state.kremlin.ru/commission/3/news/12456> (дата обращения: 10.05.2012).
9. *Список «первой сотни»* президентского резерва управленческих кадров: Официальный сайт Администрации Президента РФ. URL: <http://state.kremlin.ru/face/9002> (дата обращения: 10.05.2012).

References

1. *Anishevich A. S.* Masses and leaders in the conditions of transition from dictatorship to democracy // *Vestnik of the Moscow State University.* 2004. N 2. P. 24–29.
2. *Ilyin I.* Creative democracy / Ilyin I. Homeland. Russian philosophy. Orthodox culture. M., 1992. P. 153–154.
3. *Novikova O. S., Gorbunov Yu. V.* Regional political elite of Russia. M., 2005. 259 p.
4. *Ponedelkov A., Starostin A.* Formation of ways of a recrutation of administrative and political elite in modern Russia // *Power.* 2007. N 6. P. 6.
5. *Ponedelkov A. V.* Political and administrative elite of Russia in the mid-nineties and 10 years later (theoretical and applied aspects of the analysis). Rostov, 2005. P. 381.
6. *Simonyan R. H.* Elite or nomenclature? (Reflections about the Russian ruling layer) // *Social sciences and the present.* 2009. N 2. P. 114–124.
7. *Kotler Yu.* Our project — an important component of ordering of the power: [site]. URL: <http://profkomanda.edinros.ru/article/40226>. (date: 20.05.2012).
8. *About updating* of a presidential reserve of civil service («presidential one thousand»): official site of Presidential Administration of the Russian Federation. URL: <http://state.kremlin.ru/commission/3/news/12456> (date: 10.05.2012).
9. *List of «the first hundred»* presidential reserve of civil service: official site of Presidential Administration of the Russian Federation. URL: <http://state.kremlin.ru/face/9002> (date: 10.05.2012).

В. В. Пылин

V. V. Pylin

Анализ правовых основ Советов народных депутатов РСФСР и муниципальных представительных органов Российской Федерации

Analysis of Legal Bases of Councils of People's Deputies of RSFSR and Municipal Representative Bodies of the Russian Federation

Пылин Владимир Васильевич

Санкт-Петербург
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС
Профессор кафедры конституционного права
Доктор юридических наук, профессор
vpylin@mail.ru; gospravo@szags.ru

Ключевые слова:

местные Советы народных депутатов, представительные органы, местное самоуправление, муниципальные образования, демократия

В статье на основе сравнительно-правового анализа правовых основ Советов народных депутатов РСФСР и муниципальных представительных органов Российской Федерации исследовалось общее и различие между указанными органами. Сделан вывод, что местные Советы народных депутатов гармонично сочетали в себе государственную народную власть и основные черты местного самоуправления. Вследствие этого между ними в части указанных полномочий и порядка избрания существенных отличий нет.

В начале 1990 г. в публикациях отдельных авторов нередко утверждалось, что СССР и КПСС не признавали местное самоуправление. Будто бы в советский период с 1917 по 1990 гг. в стране не было местного самоуправления, оно практически было ликвидировано в силу того, что решительно отвергалось как порожденное теорией и практикой «буржуазного муниципализма», термин «местное самоуправление» официально не употреблялся [3, с. 297, 299; 9].

Pylin Vladimir Vasylievich

Saint-Petersburg
North-West Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Professor of the Chair of Constitutional Law
Doctor of Science (Juridical Science), Professor
vpylin@mail.ru; gospravo@szags.ru

Key words:

local Councils of people's deputies, representatives of authorities, local self-government, municipal education, democracy

In article on the basis of the comparative-legal analysis of the legal foundations of the Soviets of people's deputies of the RSFSR and the municipal representative bodies of the Russian Federation examined the general and the difference between these bodies. The conclusion is made that the local Soviets of people's deputies-the tats are harmoniously combined in itself the state of people's power and the os-the basic features of the local self-government. Due to this, between them in the part of these authorities and the procedure of the election of the material is no difference.

Подобные утверждения встречаются подчас и в современных работах. Например, М. В. Баглай отмечал, что «социалистическое государство уничтожило местное самоуправление, установив жесткую централизованную систему управления. Его возрождение началось с принятием в 1990 г. союзного, в 1991 г. российского законов о местном самоуправлении» [1].

На самом деле в советский период местного самоуправления было значи-

тельно больше, чем у земских и городских учреждений, а также чем у современных российских муниципальных органов. Только в советский период соответствующие органы именовались местными Советами народных депутатов, и в отличие от земских органов избирались не узким кругом избирателей, а почти всеми гражданами, проживающими на территории, закрепленной за Советом.

Наименование муниципальных представительных органов Советами широко распространено и в настоящее время. В соответствии с Европейской хартией местного самоуправления во многих странах коллегиальные органы, осуществляющие местное самоуправление, именуются советами или собраниями.

Не только в законодательстве РСФСР, но и в законодательстве дореволюционной России термин «местное самоуправление» почти не употреблялся. Но в СССР широко применялось понятие «самоуправление народа», как в научных работах, так и в нормативных актах, планах и программах различного назначения. Развитию самоуправления народа большое значение придавал В. И. Ленин. Он подчеркивал, что «политика должна быть делом народа» [6, с. 17]. Первые шаги Советской власти по вовлечению трудящихся в управление В. И. Ленин рассматривал как «путь к обучению народа управлять самим собой», как «немедленный приступ к настоящему народному самоуправлению» [7, с. 316].

КПСС никогда не противопоставляла советскую государственную власть и самоуправление народа. Она высоко ценила Советы за то, что они сочетают в себе оба эти качества, являются государственными органами власти народа и обеспечивают его объединение, сплочение, самоуправление.

Если рассматривать отрицание местного самоуправления в советский период не с формальных позиций, а по существу, то здесь больше мифов, чем реальности. Влияние органов политических партий как на местные Советы, так и на органы местного самоуправления было всегда и теперь имеет место во всех демо-

кратических странах. Ведь политические партии создаются в целях участия граждан в политической жизни общества, представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления. КПСС не подменяла Советы. Она опиралась на Советы народных депутатов и постоянно уделяла им внимание. Это подтверждается большим многообразием форм работы, и в частности рядом постановлений ЦК КПСС об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами [13, с. 23], постановлением апрельского Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении работы Советов народных депутатов» (1984 г.) [8] и другими документами.

Местные Советы и их исполкомы в пределах своей компетенции всегда были самостоятельны. Но самостоятельность не бывает безграничной. Жить и успешно трудиться обособленно в одном обществе, в одном государстве нельзя. Необходимы тесное взаимодействие, помощь и поддержка друг друга. В советский период местные Советы обладали реальной независимостью в решении вопросов местного значения по отношению к центральным органам государственной власти.

Не следует забывать, что земские и городские учреждения России, особенно в конце XIX века и в начале XX века, в отличие от местных Советов, находились под строгим контролем государственных органов, что ставило их самостоятельность в жесткие ограничительные рамки. Избранный председатель уездной и губернской управы утверждался соответственно губернатором и министром внутренних дел. Значительная часть действий и решений земских учреждений, в том числе земские сметы, подлежали утверждению и наблюдению правительственных властей. Министр внутренних дел, а также губернатор имели право остановить исполнение всякого постановления земских учреждений, противоречащее не только законам, но и общим государственным пользам, а также по нецелесообразности. Это позволило А. А. Кизеветтеру в своем труде «Местное само-

управление в России» отметить, что земские учреждения были «с компетенцией, но без власти» [5, с. 146]. Отметим, что конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления в России нередко нарушается и сегодня государственными органами власти и управления.

Имеются ли существенные отличия между современными отечественными органами местного самоуправления и местными Советами народных депутатов? Существенных отличий, по мнению автора, между ними нет. В соответствии с Европейской хартией местного самоуправления, под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения (ст. 3).

В соответствии с Конституцией 1993 г. местное самоуправление в России обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления (ст. 130).

Конституции РСФСР 1918, 1925, 1937 гг. неизменно устанавливали, что РСФСР есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в РСФСР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся. Конституция РСФСР 1978 г. установила, что РСФСР есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей республики (ст. 1). Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов (ст. 2).

В соответствии с конституциями РСФСР 1937 и 1978 г., законами РСФСР от 19 июля 1968 г. «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР» [2], от 29 июля 1971 г. «О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР» и «О районном Совете народных депутатов РСФСР» [2] местные Советы как органы государственной власти решали все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан. Местные Советы в пределах своих полномочий обеспечивали комплексное экономическое и социальное развитие на своих территориях; руководили государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством; утверждали планы экономического и социального развития, местные бюджеты и отчеты об их выполнении; осуществляли руководство подчиненными им государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями; обеспечивали соблюдение законов, охрану государственного и общественного порядка, прав граждан; содействовали укреплению обороноспособности страны.

Полномочия районных и городских местных Советов распространялись на 17 сфер жизнеобеспечения населения, которые в сумме содержали от 128 до 162 функций. Эти Советы избирали из числа депутатов исполнительные комитеты, утверждали их структуры и штаты, утверждали и освобождали от должности руководителей их отделов и управлений. Избирали районный (городской) народный суд, заслушивали отчет о работе суда, утверждали председателя народного суда. Образовывали комитет народного контроля и руководили его деятельностью.

Полномочия поселковых и сельских Советов распространялись на 15 сфер жизнеобеспечения населения, которые содержали 109 функций. Эти Советы утверждали и освобождали от должности руководителей школ, детских дошкольных и внешкольных учреждений, учреждений здравоохранения и культуры, предприятий коммунально-быто-

вого обслуживания. Образовывали группы народного контроля при Совете.

По количеству и важности функций указанные Советы превосходили равнозначимые им современные муниципальные органы в 3–5 раз.

Содержащиеся в решениях местных Советов предложения и рекомендации в адрес расположенных на их территории предприятий и учреждений вышестоящего подчинения должны были быть рассмотрены руководителями этих организаций, и результаты сообщены Совету не позднее, чем в 10-дневный срок. Местные Советы обладали даже большим содержанием публичной власти на своей территории, чем современные муниципальные органы. Они несли полную ответственность за комплексное экономическое и социальное развитие своих территорий как перед своими избирателями, так и перед вышестоящими Советами и партийными органами. Задачи, которые они осуществляли, являлись единым синтезом как народных, так и общегосударственных интересов.

Местные Советы в пределах своих полномочий осуществляли контроль за соблюдением законодательства предприятиями и учреждениями вышестоящего подчинения, координировали и контролировали их деятельность в области землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения.

Местные Советы избирались избирателями, проживающими на территории данного Совета, на основе равного и прямого избирательного права. Также и муниципальные представительные органы избираются избирателями, в основном на указанных принципах. Местные Советы избирались сроком на 2,5 года. Такой срок в большей степени отвечал принципам демократии, позволял систематически обновлять состав депутатов. Органы местного самоуправления в России сегодня в основном избираются на 4 или 5 лет.

Однако если местные Советы избирались только на основе прямого из-

бирательного права, как и на всех выборах в России после 1936 г., то представительный орган муниципального района теперь может не избираться, а формироваться из глав поселений и из депутатов представительных органов, входящих в состав муниципального района, в соответствии с равной независимо от численности населения нормой представительства. В этом случае существенно нарушаются принципы демократии, а также принципы прямого и равного избирательного права. Кроме того, такое равное представительство независимо от численности населения, порождает дискриминационную и нежизнеспособную структуру [10].

Раньше районный Совет народных депутатов избирался в отличие от представительного органа муниципального района при строгом соблюдении принципа прямого и равного избирательного права. Местные Советы по численности и своему составу были более народными, чем нынешние муниципальные представительные. Например, из 1 159 748 депутатов на 1 июля 1987 г. рабочие составляли 44,5%, колхозники — 24,8%, женщины — 49,5%, беспартийные — 57,2%, в возрасте до 30 лет — 31,6% [10].

Число депутатов муниципальных представительных органов на 1 января 2009 г. составляло 251 800 человек [15]. Таким образом, в среднем на одно муниципальное образование приходится всего лишь 10 депутатов, среди которых редко бывают рабочие и фермеры. И такие вовсе непредставительные органы решают судьбу многих тысяч жителей, не проводя десятилетиями ни одного референдума. Еще более сужает демократию в сельских поселениях разрешение Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ предусматривать формирование местной администрации, возглавляемой главой муниципального образования, исполняющим полномочия председателя муниципального представительного органа (ч. 2 ст. 34). Власть предержавшим это удобно, когда глава муниципального образования держит всю власть в одних руках. Когда он сам принимает решения, организует

их осуществление, сам же их и контролирует [10]. По данным Министерства регионального развития России, в 13980 сельских поселениях (70,8% от всех сельских поселений) глава муниципального образования возглавляет и представительный орган, и местную администрацию [16].

Местные Советы в соответствии с законами уделяли большое внимание работе с наказами избирателей как одной из форм демократии по выражению воли и интересов населения. Местные Советы рассматривали указы избирателей, утверждали план мероприятий по выполнению наказов, учитывали их при разработке планов экономического и социального развития своей территории и составлении бюджета, организовывали выполнение наказов и информировали граждан об их реализации. К сожалению, органы местного самоуправления практически наказами избирателей не занимаются. Во всех трех законах Российской Федерации (1991, 1995 и 2003 гг.) о местном самоуправлении термин «наказы» даже не упоминается.

Деятельность местных Советов строилась на основе коллективного, свободного, делового обсуждения и решения вопросов, гласности, регулярной отчетности исполнительного комитета, других создаваемых Советом органов перед Советом и населением, широкого привлечения граждан к участию в их работе. Местные Советы выносили наиболее важные вопросы на обсуждение граждан, вовлекали их в работу постоянных комиссий, исполнительных комитетов и других подотчетных Советам органов, содействовали работе местных добровольных обществ и развивали общественную самодеятельность населения. Они руководили добровольными народными дружинами по охране общественного порядка, товарищескими судами, другими органами общественной самодеятельности.

Депутаты местных Советов обязаны были отчитываться не реже двух раз в год о своей работе и работе Совета перед избирателями, а также перед коллективами и общественными организа-

циями, выдвинувшими их кандидатами в депутаты. Исполнительные комитеты местных Советов не реже одного раза в год отчитывались перед избравшим его Советом, а также на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан. Отделы и управления исполнительных комитетов местных Советов отчитывались о своей работе перед Советом и его исполнительным комитетом, а также не реже одного раза в год на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан.

К сожалению эти и подобные им другие формы (за исключением нижеприведенных отчетов) в работе органов местного самоуправления в настоящее время не предусмотрены. На этом фоне хороший пример показывает Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [12], в соответствии с которым теперь полиция должна регулярно информировать муниципальные органы и граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед представительными органами и перед гражданами. Участковые инспекторы обязаны информировать население о своей работе ежеквартально.

Начиная с 2009 г. глава муниципального образования и глава местной администрации, осуществляющий свои полномочия на основе контракта, теперь должны представлять представителю органа ежегодные отчеты о результатах своей деятельности. Представителю органа дано теперь право удалить указанных глав в отчетку вследствие возникновения в определенных размерах просроченной задолженности муниципальных образований по исполнению своих долговых и (или) бюджетных обязательств, либо на основании данной два раза подряд неудовлетворительной оценки их деятельности представительным органом по результатам их ежегодного отчета перед представительным органом.

Конечно, данное право существенно повышает роль и ответственность депу-

татов и представительных органов, а также ответственность глав муниципальных образований и местных администраций. Однако по-прежнему остается неурегулированным важным вопрос об отчетности указанных органов перед населением. Вызывает сомнение правомерность и демократичность удаления представительным органом в отставку избранного на муниципальных выборах главы муниципального образования. Встает вопрос также о целесообразности, объективности и принципиальности таких отчетов перед представительным органом в тех случаях, когда глава муниципального образования одновременно является председателем представительного органа и главой местной администрации.

Местные Советы РСФСР были стабильны в отличие от нынешних органов местного самоуправления. Они функционировали даже в годы Великой Отечественной войны. А вот представительные органы местного самоуправления Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 1993 г. «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» под предлогом обеспечения якобы подлинного народовластия повсеместно были разогнаны, а их функции переданы местным администрациям. К началу 1996 г. представительные органы были восстановлены всего лишь на 8000 территориях.

В ходе проведенных выборов в соответствии с Федеральным законом от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» было образовано к середине 1999 г. только 13 669 муниципальных образований, что на 15 700 меньше по сравнению с 1993 г. [14]. И вновь число муниципальных

образований стало сокращаться, в основном за счет их укрупнения. К октябрю 2003 г. их осталось 11,7 тыс. Таким образом, в системе местного самоуправления в 1993–2005 г. (более 12 лет) почти на 60% территорий, в основном в сельских и городских поселениях, местное самоуправление не осуществлялось.

Значительный ущерб развитию местного самоуправления нанесли многие органы государственной власти регионов, которые вопреки Конституции безнаказанно не позволяли с 1993 г. в течение 12 лет образовывать муниципальные представительные органы в большинстве городов районного значения, поселках и сельских округах. Тем самым, по сути дела, они уничтожили местное самоуправление в большинстве мест непосредственного проживания населения. И только, осуществляя нормы Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, в 2005 г. было образовано 24 216 муниципальных образований.

В итоге следует отметить, что в части указанных основных полномочий между органами местного самоуправления и местными Советами существенных отличий нет. Однако местные Советы народных депутатов, гармонично сочетая в себе государственную народную власть и основные черты местного самоуправления, прошли большой путь развития и внесли огромный вклад в те экономические, социальные, научные и культурные достижения страны, которые вывели ее в число самых передовых государств мира.

В правовом регулировании и деятельности местных Советов в стране накоплен большой опыт, многое из которого с учетом Конституции 1993 г. было бы полезно и современному местному самоуправлению.

Литература

1. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2002.
2. *Ведомости* Верховного совета РСФСР. 1979. № 32. Ст. 785, 786, 787. № 24. Ст. 807; № 26. Ст. 918; 1985. № 9. Ст. 307; 1986. № 6. Ст. 175; № 23. Ст. 637.
3. *Институты самоуправления: историко-правовое исследование* / Отв. ред. Л. С. Мамут. М.: Наука, 1995.

4. *Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР 1987 г.* М., 1987. С. 142–145.
5. *Кизеветтер А. А.* Местное самоуправление в России. СПб., 1896.
6. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39.
7. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34.
8. *Материалы* Пленума ЦК КПСС 10 апреля 1984 г. Полит. лит., 1984.
9. *Постовой Н. В.* Местное самоуправление: история, теория, практика. М., 1995.
10. *Пылин В. В.* Устройство системы органов местного самоуправления: некоторые проблемы и пути их решения // *Управленческое консультирование*. 2009. № 2. С. 25–38.
11. *СЗ РФ*. 2003. № 40. Ст. 3822 (в ред. ФЗ от 29.11.2010 г. № 313-ФЗ).
12. *СЗ РФ*. 2011. № 7. Ст. 900 (в ред. ФЗ от 06.12.2011 г. № 410).
13. *Справочники* партийного работника. М., 1957. С. 448–457; М., 1967. С. 347–350;
14. *Формирование* органов местного самоуправления в Российской Федерации 1995–1998 // *Электоральная статистика*. М., 199. С. 9–16.
15. <http://www.minregion.ru/activities/msu/670/>.
16. <http://www.minregion.ru/activities/msu/670/>.

References

1. *Baglay M. V.* Constitutional law of the Russian Federation. M.: Norma, 2002.
2. *Bulletin of the Supreme Council of RSFSR*. 1979. N 32. Art. 785, 786, 787; N 24. Art. 807; N 26. Art. 918; 1985. N 9. Art. 307; 1986. N 6. Art. 175; No. 23. Art. 637.
3. *Self-government Institutes: historical and legal research / Ed. by L. S. Mamut*. M.: Science, 1995.
4. *Results of elections and structure of deputies of local Councils of People's Deputies of RSFSR of 1987*. M., 1987. P. 142–145.
5. *Kizevetter A. A.* Local government in Russia. SPb., 1896.
6. *Lenin V. I.* Complete edition. Vol. 39. P. 17.
7. *Lenin V. I.* Complete edition. Vol. 34. P. 316.
8. *Materials of Plenum of the Central Committee of CPSU on April 10, 1984*. Political literature, 1984.
9. *Postovoy N. V.* Local government: history, theory, practice. M., 1995.
10. *Pylin V. V.* Tools of system of local governments: some problems and ways of decision // *Administrative consultation*. 2009. N 2. P. 25–38.
11. *Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 2003. N 40. Art. 3822 (in edition of Federal Law from 29.11.2010 N 313-FZ).
12. *Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 2011. N 7. Art. 900 (in edition of Federal Law from 06.12.2011. N 410).
13. *Directories of the party worker*. M., 1957. P. 448–457; M., 1967. P. 347–350.
14. *Formation of local governments in the Russian Federation 1995–1998 // Electoral statistics*. M., 199, P. 9–16.
15. <http://www.minregion.ru/activities/msu/670/>.
16. <http://www.minregion.ru/activities/msu/670/>.

Портретные очерки о государственных деятелях: ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ

Portrait Sketches about Statesmen: Technology of Creation

Ким Максим Николаевич

Санкт-Петербург
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС
Заведующий кафедрой журналистики
Доктор филологических наук
Профессор кафедры журналистики
kim@szags.ru

Ключевые слова:

портретный очерк, проблемный очерк, политическая коммуникация, средства массовой информации, объект отображения, внутренний мир личности, характер, художественные средства изображения человека, мотивационная сфера человека, образ человека, психологизм, портретные характеристики, публицистика, жизнедеятельность политика, технология

В статье автор рассматривает технологию создания портретного очерка государственного деятеля в СМИ. Объектами отображения в подобном роде публикациях могут выступать как социально-политические отношения человека с различными политическими институтами и социальными группами (социологический аспект), так и внутренние психологические процессы, происходящие в жизни отдельного индивида. Автор рассматривает различные виды очерка, наиболее распространенные в политических коммуникациях. Портретные очерки дают возможность глубинного проникновения во внутренний мир героев публикации, а проблемные — представить читателям анализ какого-либо политического события, явления, процесса сквозь призму конкретной человеческой судьбы.

В статье рассматриваются основные признаки данных видов очерка, их функциональное назначение, а также особенности их использования в политической коммуникации.

Большое внимание уделяется в статье использованию художественных средств изображения человека в очерке. Автор отмечает, что в портретных характеристиках

Kim Maksim Nikolaevich

Saint-Petersburg
North-West Institute of Administration of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration
Head of the Chair of Journalism
Doctor of Science (Philology)
Professor
kim@szags.ru

Key words:

portrait sketch, problem sketch, political communication, mass media, object of representation, an individual's inner world, character, means of expression while describing a person, motivational sphere of a person, psychological analysis, portrait description, journalism, politician's vital activity, technology

The paper deals with creation technology of portrait sketches of a statesman in mass media. In such publications the objects of representation are not only social and political interaction of a man with different political institutions and social groups (sociological aspect), but also inner psychological processes (psychological aspect). The author describes the different types of sketches which are widely-spread in political communication. Portrait sketches allow readers to see the inner world of main characters in a publication. Problem sketches give readers an analysis of some political event, phenomenon or process through the prism of a specific person's life.

The article describes the main features of these types of sketches, their functional purpose and their use in political communication.

The paper places a special emphasis on the use of means of expression in a sketch while describing a person. The author states, that journalists often use psychology in portrait description. Theoretical points are illustrated with the examples of sketches about new appointments in the Government of the Russian Federation.

The paper describes the modern trend in a politician's representation. This trend is connected with the problem of inner world describing in modern political journalism. The author

журналисты активно используют достижения современной психологии. Теоретические положения подкреплены анализом конкретных примеров. В частности, автор анализирует портретные очерки, которые рассказывают о новых министерских назначениях в Правительство Российской Федерации.

Появление портретного очерка в политических коммуникациях обусловлено демократизацией политической жизни в стране и открытостью самих политиков. Как показывает наш анализ, объектами отображения в подобном рода публикациях могут выступать как социально-политические отношения человека с различными политическими институтами и социальными группами (социологический аспект), так и внутренние психологические процессы, происходящие в жизни отдельного индивида.

Среди различных видов очерка в политических коммуникациях наиболее распространены *портретные* и *проблемные*. Привлекательность первого типа очерков заключается в том, что данный жанр отличается большими возможностями проникновения во внутренний мир героев публикации, биографической достоверностью и особой тональностью письма. Среди *разновидностей портретных очерков* выделим:

- *событийный портретный очерк*, основанный на каком-либо факте или эпизоде из жизни героя. Целью данного материала является информирование общественности о тех или иных деяниях или действиях человека;
- *биографический портретный очерк*, основной задачей которого является создание целостного образа человека через выяснение наиболее значимых фактов и эпизодов биографии, которые в наибольшей степени повлияли на судьбу человека. По своей структуре он довольно сложный, поскольку требует глубокого проникновения во внутренний мир героя;
- *юбилейный портретный очерк*, поводом для написания которого является

comes to the conclusion that sociological aspect studies an individual in cooperation with social environment, and psychological aspect studies intrapersonal processes. The analysis of an individual's inner world aims journalists not only at multivariate analysis of motivational sphere of a person which defines the behavior and actions, but also at detection of individual traits of character.

празднование юбилея известного политика.

Проблемный портретный очерк по характеристикам можно отнести к синтетическим жанрам журналистики, потому что в нем могут проявиться различные жанровые элементы. Например, в проблемном портретном очерке могут использоваться как элементы корреспонденции, так и статьи, комментарии и обзора. Все зависит от целевой установки, которую ставит перед собой автор.

Главным признаком проблемного очерка является анализ политического события, явления, процесса. Поэтому для данного вида очерка наиболее приемлемыми будут ответы на следующие вопросы: «как?», «почему?», «каким образом?», «по какой причине?» и т. п.

Основное назначение проблемного портретного очерка состоит в том, чтобы показать и продемонстрировать компетентность политика в обсуждаемом вопросе или проблеме. Предметом речи в проблемном портретном очерке могут выступить актуальная политическая проблема, идея или мысль. Постановка проблемы в очерке позволяет вскрыть причины возникновения того или иного явления, найти причинно-следственные связи между фактами, породившими проблему, наконец, сконцентрировать внимание собеседника на путях поиска ее разрешения. Именно благодаря проблеме, идее и мысли проблемный очерк «насыщается» элементами анализа, тем самым придавая всему тексту особую аналитичность. По своей форме проблемный портретный очерк представляет собой форму интеллектуального общения.

Таким образом, использование в политической коммуникации портретного очерка имеет ряд задач:

1. Оперативное информирование общественности (как правило, из первых уст) о личной позиции политика в той или иной ситуации — событийный портретный очерк.
2. Создание целостного образа политика в контексте личной биографии и политической карьеры — биографический портретный очерк.
3. Осмысление политической стороны жизнедеятельности политика в юбилейный для него год жизни.
4. Демонстрация профессиональной компетенции политика в том или ином обсуждаемом с ним вопросе или проблеме.

К художественным средствам изображения относятся **портретные характеристики**. По мнению В. И. Шкляра, «...портрет в публицистике зачастую выступает в качестве своеобразного аналога характера героя. Он дает возможность наглядно, зримо увидеть героя и в том плане стимулирует читательское воображение. Другая его функция — помочь через выделение каких-то внешних деталей заглянуть в мир души человека, в мир его эмоций и чувств» [6, с. 44].

Портретная характеристика напрямую связывается с психологическими особенностями личности. Действительно, внешность человека, его манера одеваться, привычные позы, жестикуляция, мимика и т. п., могут, при внимательном взгляде, многое сказать о человеке. Основное требование, которое предъявляется к любой портретной характеристике, — это документальная точность отображения. В данном случае очеркист не имеет права что-то выдумать в обрисовке внешности человека, но и от описания типичных характеристик ему отказываться не стоит. В сочетании строгого документализма и художественного обобщения и рождается полноценный очерковый образ.

В портретных характеристиках журналисты активно используют достижения современной психологии. Например, определив, к какому психологическому типу относится тот или иной человек (сангвиник, флегматик, холерик или меланхолик), они могут определить, как те

или иные качества могут проявиться в облике и поведении личности.

Вот так, исходя из определенных психологических характеристик, воссоздается портрет человека.

При подготовке портретного очерка о государственном деятеле многое зависит от того, какие цели преследует журналист. В одном случае политику необходимо создать новый образ в период предвыборной борьбы, в другом — подкорректировать свой текущий имидж, в третьем — необходимость подобного материала может быть обусловлена назначением политика на высокий государственный пост, в четвертом — приурочено к знаменательному юбилею в жизни политика, в пятом — связано с какими-либо его концептуальными политическими заявлениями и т. п.

Рассмотрим данные теоретические положения на конкретных примерах. 21 мая 2012 г. президент В. В. Путин издал указы о назначении новых министров в Правительство Российской Федерации. Газета «Коммерсантъ» от 22 мая 2012 г. отреагировала на это важное событие публикацией серии очерковых материалов, касающихся новых лиц, назначенных на высокие государственные посты (см. [4]).

Какие же акценты были сделаны в данных материалах при представлении новых министров?

В очерке «Интересная история с культурой. Владимир Мединский стал министром» ее авторы Ю. Яроцкая и М. Семендяева основной акцент при представлении своего героя сделали на различных аспектах профессиональной и политической деятельности данного назначенца. С самого начала журналисты дают понять своим читателям, что ни они, ни эксперты не ожидали такого назначения: «Имя Владимира Мединского как возможного претендента на министерский пост не называл никто, и это одно из самых сенсационных вчерашних назначений». Поэтому, осмысляя профессиональную и политическую судьбу героя, авторы в первую очередь стремятся понять, насколько

ко данный человек готов к решению проблем, стоящих перед современной российской культурой.

В. Мединского авторы характеризуют как крупного пиарщика в прошлом: «В 1992 году, только что окончив МГИМО, вместе с несколькими соучениками основал одно из первых российских пиар-агентств „Корпорация «Я»“. В числе сооснователей были, в частности, Сергей Михайлов, Дмитрий Сокур и Дмитрий Коробков, впоследствии ставшие заметными фигурами на рынке связей с общественностью». Здесь же дается криминальный случай из его профессиональной судьбы: «В 2010 году в общественной приемной Владимира Мединского провели обыск сотрудники отдела по налоговым преступлениям УВД ЦАО. Поводом для них стали налоговые претензии к группе „Корпорация «Я»“, в которой нынешний министр уже не работал, но ранее указывал в декларации о доходах владения акциями компании». Такие неприглядные факты из биографии, естественно, невыгодны при описании героя произведения. Но авторы материала и не стремились создать положительного имиджа нового министра культуры. Для них было важнее понять, насколько данный человек подходит для данной должности не только с профессиональной, но и с моральной точки зрения.

Помимо профессиональной судьбы В. Мединского, в очерке прослеживается и его политическая деятельность. «Господин Мединский состоит в партии „Единая Россия“ и ранее был ее активным функционером, руководил московским избирательным штабом, возглавлял партийный ЦИК, в ноябре 2011 года занимал пост председателя думского комитета по культуре (это его единственная должность, имеющая отношение к новой сфере деятельности)». Из данного представления видим, что авторы, информируя читателей о политической карьере героя, прежде всего, стремились соотнести ее с нынешним назначением.

Но данный портрет был бы неполным, если бы авторы не обратились к еще одной сфере деятельности героя произведения — писательскому творчеству.

По их мнению, «Владимир Мединский более всего известен как писатель. Его авторству принадлежит серия книг, объединенных под названием „Мифы о России“... Это очень высокотиражный нон-фикшн, имеющий своей целью, как следует из названий, положительный пиар российской истории, попытку избавить ее от того, что, по мнению господина Мединского, является ложными стереотипами по отношению к ней». Далее авторы пишут, что эти книги не только хорошо продаются, но имеют положительные отзывы со стороны различных деятелей культуры. Однако, благодаря именно этим изданиям, социальная сеть взорвалась негативными оценками по поводу назначения В. Мединского на должность министра культуры.

Рассмотрев профессиональную, политическую и писательскую деятельность В. Мединского, авторы смогли рассказать об отношении правоохранительных органов к отдельным фактам его судьбы, сделать обзор политической карьеры молодого министра, наконец, оценить отношение общественности к его писательскому творчеству. К сожалению, за различными фактами биографии не проглядывается характер самого героя, его отношение к делу, его профессиональные и деловые качества. Дается только одна характерологическая черта героя произведения: «...во главе ведомства встанет активный человек».

Поэтому, когда в очерке речь заходит о предстоящей работе В. Мединского, авторы только констатируют о том, что «активному человеку» придется заниматься новым базовым законом о культуре, развивать принятую при бывшем министре Авдееве концепцию развития циркового искусства, разобраться с незавершенным проектом реконструкции Мариинского театра, а также с масштабным проектом реконструкции Пушкинского музея и обещанной постройкой нового здания Государственного центра современного искусства на Бауманской и мн. другое.

В зарисовке «Вундеркинд на связи» речь идет о назначении министром связи и массовых коммуникаций Николая

Никифорова. В данном материале дается лишь краткая характеристика карьерного пути молодого министра. «Николай Никифоров сделал успешную карьеру в ранге министра связи Татарии, но теперь ему предстоит присматривать за более масштабными поручениями». И, действительно, представление героя произведения идет через анализ его реальных дел в прошлом и в будущем. Журналистка А. Балашова при характеристике Н. Никифорова прибегает к мнению менеджеров телекоммуникационных компаний. Данный подход позволяет автору более объективно подойти к оценке деятельности своего героя. «Он не просто исполнитель, именно благодаря его личным инициативам Татария стала абсолютным лидером среди российских регионов по уровню доступности госуслуг в электронном виде... Очень успешным был проект IT-парка: более десятка его резидентов стали участниками „Сколково“». Личностные характеристики Н. Никифорова показаны автором и через решение им различных проблемных вопросов. «Участники рынка отмечают, что господин Никифоров в Татарстане был активным противником понятия „единственный исполнитель“ и боролся с монополизмом». Позитивное отношение к характеристике героя произведения проявляется у автора и в обрисовке тех задач, с которыми придется столкнуться новому министру. Особенность подобного рода материалов, где речь идет о новых важных государственных назначениях, состоит в том, что автору вольно или невольно приходится соотносить фигуру своего героя с реальными делами, которые ему предстоит решать. Такой подход позволяет автору, в одном случае, подчеркнуть масштаб личности, в другом — показать несоответствие человека занимаемому положению, в третьем — выразить неуверенность и сомнение в профессиональной компетенции героя произведения. В анализируемом нами материале фигура Н. Никифорова сразу связывается с масштабностью задач, которые ему предстоит решать: «Новому министру связи предстоит завершить четыре ключевые для телекоммуникацион-

ной отрасли задачи его предшественника Игоря Щеголева. Часть из них, в частности, создание „электронного правительства“, а также цифровизация телевидения и радио...». Насколько посильны эти задачи молодому назначенцу — в материале не говорится. И это правильно. Ведь главное назначение таких зарисовочных материалов состоит в том, чтобы, с одной стороны, представить карьерный и профессиональный рост героя, а с другой — показать масштаб тех проблем, с которыми ему придется столкнуться на новой должности.

Иной подход применен в очерковом материале отдела политики газеты «Коммерсантъ» «Регионам удвоили контроль». Здесь речь идет о полпреде президента в Центральном федеральном округе (ЦФО) Олеге Говоруне, который возглавил Министерство регионального развития. Карьерный рост нового назначенца представлен через его различные взаимоотношения с представителями высшего эшелона власти, а его будущая деятельность — через возможные варианты взаимодействия с потенциальными конкурентами в коридорах власти. Благодаря такому подходу перед нами вырисовывается портрет чиновника, вовлеченного в различные взаимоотношения с представителями властных структур, от которых в той или иной степени зависел его карьерный рост. Например, в очерке сразу отмечается, что «назначенный министром регионального развития Олег Говорун всегда считался правой рукой вице-премьера Владислава Суркова. Вместе с ним он работал в Альфа-банке, а затем в кремлевской администрации до назначения в 2011 г. полпредом президента в ЦФО». Как видим, в карьерном росте О. Говоруна не последнюю роль играли личные связи. Чтобы охарактеризовать нового министра минрегиона и с человеческой, и с профессиональной точки зрения, журналисты обратились к бывшим его сослуживцам и к тем, с кем он непосредственно взаимодействовал. Подчиненные О. Говоруна в полпредстве заявили «Ъ», что «работать с Олегом Говоруном было очень тяжело, потому что он проявлял

„не всегда оправданную жесткость“». Другие же высокопоставленные чиновники в администрации президента называли его «самым эффективным и политически грамотным менеджером в сфере региональной политики... который многие годы занимался взаимодействием с губернаторами, хорошо знает специфику как политических, так и экономических процессов в регионах». Выслушали журналисты и мнение губернаторов. Например, липецкий губернатор Олег Королев сказал «Ъ»: «Олег Говорун — очень современный, динамичный и креативный человек, я от него жду прежде всего того, что он всегда показывал, — уважительного отношения к регионам». Глава Тульской области Владимир Груздев назвал Олега Говоруна «сильным управленцем». Благодаря приведенным мнениям и оценкам создается вполне объективный характерологический портрет нового министра. Государственный чиновник представлен в разных ракурсах: не только в человеческом, но и в профессиональном. При портретной обрисовке государственных и политических деятелей данный подход является наиболее предпочтительным, потому что позволяет избежать субъективных оценок. Журналистам необходимо прибегать к разным точкам зрения о герое произведения и тогда, когда у них нет сложившегося представления о человеке. Чтобы объективно оценить деятельность государственного чиновника из высшего эшелона власти, необходимо обратиться и к конкретным результатам его труда. Это может быть и его законодательная деятельность, политическая, профессиональная. В очерке об О. Говоруне журналисты пользуются сведениями из различных источников информации. Они прямо пишут, что «источники „Ъ“, знавшие Олега Говоруна по работе в администрации президента и полпредстве президента в ЦФО, утверждают, что он разработал „целый ряд программ развития субъектов РФ“».

Чтобы понять, что последует за данным назначением в правительстве, журналисты обратились к президенту фонда «Петербургская политика» М. Виноградову,

который отметил, что это назначение «создает определенную интригу», так как «до сих пор экономические и политические рычаги управления были разделены между Минфином, Минрегионом и администрацией президента». Исходя из данного мнения, журналисты начинают сравнивать фигуру О. Говоруна с еще одним новым региональным куратором в правительстве — Виктором Ишаевым, который стал совмещать пост министра по развитию Дальнего Востока с должностью полпреда. В материале журналисты не только размышляют о создании нового министерства, но, главным образом, пытаются найти ответ на основной вопрос: как будут взаимодействовать Олег Говорун и Виктор Ишаев, полномочия которых явно пересекаются? В очерковом материале журналисты попытались заглянуть в политическое закулисье (например, они задавали этот вопрос участникам совещания в Минрегионе, которое сразу после своего назначения провел О. Говорун). И делалось это, видимо, только с целью узнать реальную расстановку сил в правительстве, определить зоны влияния министров и просчитать их будущие взаимоотношения. В очерках о государственных и политических деятелях это довольно распространенные приемы, с помощью которых журналисты пытаются продемонстрировать читателям свою осведомленность о «политической кухне». Но вопрос в другом: насколько подобного рода сюжеты оправданы с точки зрения журналистской этики? Если такие сведения не затрагивают личного достоинства героя произведения, то их использование возможно.

Рассмотрев различные очерковые произведения, посвященные новым назначениям в правительстве Российской Федерации, мы увидели, что авторы по ряду причин не использовали весь арсенал художественных средств в изображении личности государственного деятеля. Поэтому в представленных очерках образы героев произведения имеют в большей степени описательный и констатирующий характер. Современные же тенденции в изображении политика напрямую связаны с проблемой проникно-

вения во внутренний мир личности. Для этого необходимо предпринять анализ духовно-нравственной жизни героя. Но и этого недостаточно. «Проникновение во внутренний мир человека, — отмечает И. А. Гайдученок, — требует пытливого разума, взволнованности, сопричастности, сердечной муки и тонкого движения души» [2, с. 3]. Сложность такого проникновения предполагает художественное и одновременно научное видение человека. Чтобы прикоснуться к тонкой душевной организации личности, журналист должен хорошо разобраться в субъективном мире героя, познать его душевное состояние, заглянуть в его чувственно-эмоциональную сферу. Только в этом случае удастся проявить духовные истоки поведения конкретной личности. Зачастую, чтобы написать полноценный портретный очерк о политическом деятеле, журналисту необходимо настроиться на «волну» его эмоций и мыслей. Только в таком случае может возникнуть особая тональность письма: лиризм и исповедальность. В этом смысле очерк — один из самых интимных жанров публицистики.

Одним из методов осмысления личности в современной очеркистике является психологизм.

Психологические начала в публицистике обусловлены следующими факторами: во-первых, возросшим интересом к внутреннему миру человека; во-вторых, нацеленностью не только на описание социально детерминированных поступков личности, но и на душевные проявления человека; в-третьих, возросшей ролью субъективного фактора в современной социальной действительности [5, с. 58]. Впрочем, полное и объемное раскрытие внутреннего мира человека, как, например, это обычно предпринимается в литературном произведении, в очерке сделать невозможно. Писатель в раскрытии характера человека может обратиться к сознанию и самоанализу героя произведения. С этой целью он может вести рассказ от имени героя или представить его лирико-психологическую исповедь.

Самосознание, как художественная доминанта, служит для писателей осно-

вой для построения образа героя. В литературе данный прием стал очень распространенным. Но приемлем ли данный способ в изображении публицистического героя? Да, но с определенными оговорками. Если литературный герой (по воле автора) способен включить в орбиту своего самосознания весь окружающий его предметный мир, то перед публицистическим героем такой задачи обычно не стоит. В процесс его самосознания могут быть вовлечены только те реальные проблемы, с которыми он сталкивается в жизни. Публицистический герой может мыслить и действовать только в тех пределах, в которых он находится; чувствовать и воспринимать мир, исходя из своих индивидуальных особенностей; анализировать и осмысливать свои и чужие поступки, исходя из собственных нравственных представлений, ценностей и жизненных установок. Публицистический герой, наконец, не может выйти за пределы своего характера, темперамента, типичности и т. д. Многомерность психологической характеристики, по мнению М. И. Стюфляевой, обеспечивается за счет неслияния внешнего и внутреннего в реальном бытии личности или за счет разнополюсных психологических зарядов людей, с которыми у героя устанавливаются отношения притяжения или отталкивания, за счет расхождения оценочных мнений, касающихся героя, и т. д. [5, с. 60–61]. Подобного рода внутриличностные или межличностные противоречия способны, на наш взгляд, проявить не только характер человека, но и его отношение к миру, к людям, к обществу в целом. Описывая то, как герой действует, мыслит, чувствует и переживает, журналисту важно показать и то, как в сознании личности преломляются те или иные факты и события действительности. «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова, что не поддается овнешняющему заочному определению» [1, с. 98–99]. Только в форме исповедального, по мнению М. М. Бахтина, может быть дано последнее слово о человеке, действительно адекватное ему.

К иным способам проникновения во внутренний мир личности относят анализ мотивационной сферы. В данном случае изучаются различные качества личности: степень осознания человеком собственных поступков, уровень психологической зрелости личности, динамика мотивационной структуры личности в зависимости от обстоятельств, ситуации и временного состояния психики, реакция на социально обязательные, декларируемые и пропагандируемые цели, ценности, нормы поведения, образа жизни и т. д. [3, с. 64–65]. Рассмотрение личности с данных позиций открывает новые возможности в показе человека в очерковом произведении.

Анализируя мотивы поведения личности, важно выявить не только доминирующие мотивы, соотнесенные, например, с целями человеческой деятельности, но и скрытые, которые обнаруживаются в условиях экстремума. Человек в экстремальной ситуации, когда от него требуется мобилизация всех сил, принятие каких-то ответственных решений, срочные действия в условиях риска и т. п., в большей мере обнаруживает объективные и субъективные возможности, обеспечивающие достижение целей, удовлетворение потребностей. Рассма-

тривая личность в подобного рода ситуациях, очеркист может более зримо обрисовать характеры своих героев, поведать о том, как в сознании индивида происходит самоактуализация совершаемых им поступков, исходя из каких целевых установок или жизненных ценностей он определяет свой выбор и т. д. Все эти моменты позволят журналисту выявить не только социально-типические, но и индивидуально-характерологические качества личности, то есть сделать комплексный анализ характера человека.

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели различные аспекты изображения государственного деятеля в очерковом произведении. Мы увидели, что сегодня в современной публицистике наметились серьезные тенденции «в сторону психологизма». Если социологический подход предполагает изучение личности во взаимодействии с социальной средой, то психологический — прежде всего исследование внутриличностных процессов. Анализ внутреннего мира человека нацеливает журналистов на комплексный анализ мотивационной сферы человека, определяющей направленность поведения и поступков личности, а также на выявление индивидуальных особенностей человеческого характера.

Литература

1. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 98–99.
2. Гайдученок И. А. Слово о личности. Философское эссе. Минск, 1990. С. 3.
3. Ершов А. Взгляд психолога на активность человека. М., 1991. С. 64–65.
4. См.: Коммерсантъ. 2012. 22 мая. № 90.
5. Стюфляева М. И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения и исследования). Воронеж, 1989. С. 58.
6. Шкляр В. И. Публицистика и художественная Литература продуктивно-творческая интеграция: Автореф. докт. дисс. ... Киев, 1989. С. 44.

References

1. Bakhtin M. M. Ibid. P. 98–99.
2. Gayduchenok I. A. Word about the personality. Philosophical essay. Minsk, 1990. P. 3.
3. Ershov A. View of the psychologist at the activity of the person. M., 1991. P. 64–65.
4. See: Kommersant. 2012. May 22. No. 90.
5. Styuflyayeva M. I. The person in journalism (Methods of image and research). Voronezh, 1989. P. 58.
6. Shklyar V. I. Journalism and fiction: productive and creative integration: Dissertation Abstract. Kiev, 1989. P. 44.

**М. Н. Григорьев
А. Е. Озолинг**

**M. N. Grigoriev
A. E. Ozoling**

Влияние управленческих и технологических инноваций в таможенно-логистической сфере на реализацию транзитного потенциала Российской Федерации

**The influence of managerial and technological innovations
in the field of customs and logistics in the process
of implementing the transit potential
of the Russian Federation**

Григорьев Михаил Николаевич

Санкт-Петербург
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС
Профессор кафедры таможенного дела и логистики
Кандидат технических наук
mng@369.ru

Озолинг Андрей Евгеньевич

Санкт-Петербург
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС
Доцент кафедры таможенного дела и логистики
Генерал-майор таможенной службы
ozol59@mail.ru

Ключевые слова:

логистика, таможенные органы, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), инновация, внешнеэкономическая деятельность, Таможенный союз, логистические потоки, инновационные преобразования, таможенно-логистическое администрирование, Северо-Западный регион Российской Федерации, таможенно-логистический терминал

В статье рассматриваются управленческие и технологические инновационные преобразования в таможенно-логистической сфере, направленные на реализацию транзитного потенциала Российской Федерации, особое внимание уделено Северо-Западному региону России.

Grigoriev Mikhail Nikolaevich

Saint-Petersburg
North-West Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Professor of the Chair of Customs and Logistics
Ph. D in Technical Sciences
mng@369.ru

Ozoling Andrey Evgenievich

Saint-Petersburg
North-West Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Associate Professor of the Chair of Customs and Logistics
Major General of Customs
ozol59@mail.ru

Key words:

logistics, customs, back port, Asia-Pacific region, innovation, innovation policy, foreign economic activity, customs union, logistics flows, innovative conversion, customs and logistics administration, management of international logistics flows, Northwest region of the Russian Federation, customs and logistics terminal

The article deals with the management of technological innovation and changes in customs and logistics sector, aimed at implementing the transit potential of Russia, special attention is paid to the Northwest region of Russia.

В силу своего особого географического положения Российская Федерация располагает крупнейшим в мире транзитным потенциалом. Ее территория представляет собой своеобразный сухопутный мост для грузовых потоков между такими «экономическими полюсами» мира, как страны Европейского союза (ЕС) и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Рассмотрим влияние на реализацию транзитного потенциала Российской Федерации ряда инновационных проектов, касающихся таможенно-логистической сферы, в их связи с таможенным администрированием.

Целью проекта создания нового транспортного коридора Европа — Западный Китай является замещение определенной части глобальных морских перевозок из Восточной Азии в Западную Европу сухопутными перевозками. Преимущества низких тарифов и высоких стандартов транспортных услуг в морских перевозках могут быть в определенной мере компенсированы высокой скоростью перемещения грузов по суше.

Предполагаемый маршрут Санкт-Петербург—Москва—Нижний Новгород—Казань—Оренбург—Актобе—Кызылорда—Шымкент—Тараз—Кордай—Алматы—Хоргос—Урумчи—Ланьчжоу—Чжэнь-Чжоу—Ляньюнчань. Общая протяженность трассы — почти 8500 км, что в 3–4 раза короче водного пути. Временные затраты на перевозку грузов сокращаются с 45 до 10 суток.

Данный проект достаточно амбициозный и, в перспективе, весьма выгодный для Российской Федерации. Следует отметить, что развитие этого проекта осуществляется в непростых условиях: он затрагивает интересы стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Сегодня общая территория входящих в ШОС стран составляет 30 млн км², т. е. 60% территории Евразии. Ее совокупный демографический потенциал — четверть населения планеты (общая численность населения стран — участниц ШОС — 1455 млн чел.), а если учесть население Индии и других стран-наблюдателей, то количество жителей государств, имеющих

отношение к ШОС, будет немногим меньше всего населения земного шара; экономический потенциал же включает самую мощную после США, китайскую экономику. Главными задачами организации являются укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участники, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, нарко-трафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия.

Серьезный вызов ШОС создал Таможенный союз (ТС) России, Белоруссии и Казахстана, который дал толчок к структуризации интересов на всем пространстве ШОС и создал новую конфигурацию внешнеторговых связей Российской Федерации и других членов союза с партнерами в ЕС и Восточной Азии. Интерес бизнеса «основан на экономическом реализме и практицизме, желании не ограничиваться политическим декларированием различных союзов, стремлением получить действенный механизм экономического роста» [2].

Изменения в таможенной политике стран ТС окажут серьезное влияние на их торгово-экономическое сотрудничество с Китаем и с другими странами — членами ШОС. Вводимый единый таможенный тариф увеличивает общий уровень ставок таможенных пошлин, например, в Казахстане, относительно ранее действовавшего. В результате ожидается понижение конкурентоспособности китайских экспортных товаров в Казахстане и некоторое торможение их торгово-экономического сотрудничества.

Унификация тарифов в ТС изменит конфигурацию и усилит конкуренцию различных транспортных коридоров в направлении Восток—Запад. Сейчас в связи с прогнозируемым ростом сухопутных перевозок в направлении Восток—Запад наблюдается активное предложение различных конкурирующих маршрутов. В этом наибольшую активность проявляет КНР, там разрабатываются, в частности, маршруты новых железнодорожных коридоров в направлении Восток—Запад.

Например, трасса второго евро-азиатского трансконтинентального моста Азия—Европа из южных регионов КНР предположительно пройдет через территорию Мьянмы, Бангладеша, Индии, Пакистана, Ирана и Турции в направлении Европы. Активное лоббирование Китаем трансконтинентальной железно-дорожной магистрали Транс—Азия—Европа через свою территорию, в обход России, имеет отчетливо выраженный геостратегический характер.

В борьбе за рынок перевозок транспортные компании КНР в целях поддержания высокой интенсивности контейнерных перевозок по всем направлениям экспорта грузов предприняли энергичные меры — практически вдвое в 2011 г. снизили тарифы на свои услуги, что в итоге повлекло за собой ажиотажный спрос на контейнерные перевозки. В Российской Федерации, несмотря на резкое снижение объемов перевозок грузов, происходит постоянный рост железнодорожных тарифов.

Создание КНР собственных транзитных коридоров на Запад — объективный вызов пассивности России. Достаточно быстро увеличивается угроза потери Российской Федерацией ее роли лидера на складывающемся рынке евразийских сухопутных транзитных перевозок. Промедление в осуществлении мер парирования угроз экономическим и политическим интересам России на рынке транзитных услуг может привести к невосполнимым потерям, учитывая то обстоятельство, что поколебать сложившийся канал доставки грузов очень сложно и дорого.

В Северо-Западном регионе реализация проекта транспортного коридора Европа—Западный Китай предполагает необходимость значительных инвестиций для модернизации объектов транспортно-логистической сферы: дорог, не соответствующих сегодня международным стандартам качества, логистических центров, оборудования морских портов, прежде всего в Санкт-Петербурге и Усть-Луге.

Эффективность функционирования транспортного коридора может быть существенно снижена в его конечной (начальной) точке — Санкт-Петербурге и

приграничных районах Северо-Запада, если управленческие и технико-экономические инновации будут запаздывать при реализации проекта. В этой связи весьма существенные управленческие инновации требуются от государственных (в том числе таможенных) органов, администрирующих налоговые и контрольно-надзорные функции. Применительно к таможенным органам речь должна идти об ускоренном внедрении электронного декларирования, предварительного информирования на точках входа-выхода грузов из Европы.

Внедрение электронного декларирования является частью ФЦП «Электронная Россия», осуществление которой завершилось в 2010 г. Ее реализация позволила создать необходимые предпосылки как для внедрения информационных технологий на качественно новом уровне, так и электронного документооборота при предоставлении таможенной документации¹. Сегодня в таможенной службе 75% деклараций оформляется в электронном виде, создаются центры электронного декларирования, действует портал электронного декларирования, позволяющий использовать цифровую подпись. Происходит внедрение интернет-портала электронного представления сведений до пресечения таможенной границы, аналогичного интернет-порталу европейских стран.

Однако не только от активности таможенной службы зависят инновации в информационной среде внешнеторговой деятельности. Например, существует обязательность для налогоплательщиков в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации представлять для налоговых целей таможенную декларацию в бумажном виде, в то же время в Беларуси до 90% экспортных товаров уже оформляются в электронном виде. Нетрудно предположить, что

¹ Федеральная целевая программа «Электронная Россия»: [Электронный ресурс]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2006/134> (дата обращения: 20.04.2012).

Перечень таможенно-логистических терминалов на Северо-Западе РФ

Наименование таможни	Наименование МАПП	Наименование ТЛТ
Выборгская	МАПП Торфяновка	Торфяновский
	МАПП Брусничное	Брусничный
	МАПП Светогорск	Светогорский
Себежская	МАПП Бурачки	Бурачковский
Псковская	МАПП Куничина Гора	Куничиногорский
	МАПП Шумилкино	Шумилкинский
	МАПП Убылинка	Убылинский
Кингисеппская	МАПП Ивангород	Ивангородский
Карельская	МАПП Вяртсиля	Вяртсильский
Калининградская областная	МАПП Багратионовск	Багратионовский
	МАПП Мамоново	Мамоновский
	МАПП Советск	Советский
	МАПП Чернышевское	Чернышевский

в подобной ситуации выгоднее переправлять грузы в Западную Европу через белорусский участок таможенной границы, оставляя транспортную сеть и соответствующую инфраструктуру Северо-Запада России без товаропотоков.

От участников ВЭД также требуются активные действия по организации рабочих мест, созданию собственных информационных систем и быстрому переходу от ЭД-1 (электронному декларированию по выделенному каналу связи) с применением сканирования копий документов к новому уровню ЭД-2 (организации электронного обмена через интернет между участниками ВЭД и таможенными органами).

Опыт таможенных органов позволяет активно содействовать осуществлению этих инноваций, но в то же время нельзя недооценивать инерционные факторы в таможенном администрировании. Их преодолению способствует реализация «Концепции таможенного оформления и таможенного контроля в местах, приближенных к государственной границе РФ» (далее — Концепция ТО и ТК), главной целью которой является перенос таможенного декларирования в пограничные таможенные органы, освобождение крупных городов от интенсивных грузопотоков и снижение транспортной

нагрузки¹. Реализация Концепции ТО и ТК привела к кадровым перестановкам в таможенных органах и изменению структуры таможенных органов, в том числе их частичному сокращению в черте городов.

В связи с этим возникает необходимость создания новых мест таможенного декларирования товаров и транспортных средств в местах, установленных Концепцией ТО и ТК. Применительно к Северо-Западу предполагается создание новых таможенно-логистических терминалов (ТЛТ). Перечень ТЛТ на Северо-Западе, создание которых целесообразно в первоочередном порядке, приведен в таблице.

Сразу отметим, что мы оставляем за скобками развитие пунктов пропуска в Калининградской области, поскольку в проекте создания транспортного коридора Европа—Западный Китай их логистическая значимость неочевидна.

Предполагается за счет развития и совершенствования таможенно-логистической и транспортной инфраструктуры

¹ Концепция таможенного оформления и таможенного контроля в местах, приближенных к государственной границе РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imexp.ru/?p=672> (дата обращения: 20.04.2012).

в приграничных субъектах РФ оптимизировать таможенное оформление товаров и транспортных средств, перемещаемых автомобильным транспортом (до 2012 г.) и железнодорожным транспортом (до 2020 г.). Нынешняя система таможенного оформления товаров в РФ ориентирована на осуществление большинства таможенных операций таможенными органами, расположенными, как правило, в городах, являющихся транспортными узлами. Данная проблема решается развитием транспортно-логистической инфраструктуры в крупных транспортных узлах, за пределами городов с одновременным перераспределением таможенных операций между таможенными органами внутри страны и в приграничных субъектах Российской Федерации.

Немаловажным аспектом является учет социальной инфраструктуры в районе предполагаемого строительства. Большим преимуществом будет строительство ТЛТ в районе с хорошо развитой социальной инфраструктурой, т. е. вблизи населенного пункта, что обеспечит возможность проживания сотрудников в непосредственной близости к ТЛТ; также это обеспечит возможность прибывать на территорию ТЛТ без дополнительных потерь времени. Наличие линий электропередачи и иных видов коммуникаций также учитывается, так как строительство ТЛТ с использованием уже существующих и налаженных линий коммуникаций повлечет существенное сокращение затрат, которые могли бы иметь место при необходимости их обустройства.

Известно, что при международных перевозках грузы страхуются, соответственно на территории терминала целесообразно размещать филиалы авторитетных страховых компаний, которые будут предоставлять услуги по различным видам страхования. Дополнительно на территории ТЛТ могут быть размещены и другие заинтересованные фирмы и организации: производственные фирмы, которые занимаются в основном подработкой грузов (например, расфасовкой); фирмы оптовой торговли; рекламные фирмы; экспертные лаборатории и др.

Реализация транзитного потенциала Российской Федерации является сегодня важнейшей национальной задачей, решение которой на многие десятилетия может определить вектор развития отечественной экономики, способствовать преодолению ее сырьевой зависимости, стать важным подспорьем формирования инновационной модели развития страны. Необходимо «согласованное комплексное развитие всех элементов транспортной инфраструктуры на основе всестороннего анализа потребностей всех секторов экономики и населения в услугах транспорта, развития системы статистического учета, построения транспортно-экономического баланса, прогнозирования динамики грузовой базы, анализа моделей развития транспортной системы» [3].

В научном и практическом плане реализация транзитного потенциала Российской Федерации является комплексной межведомственной проблемой. Сегодня в стране нет органа, который бы занимался ею в полном объеме. Формирование государственного органа, наделенного необходимыми полномочиями, является трудоемкой процедурой и потребует, как показывает опыт, значительного времени и средств, но при этом не гарантирует успеха. Для решения проблемы следует рассмотреть целесообразность формирования оперативно действующего общественного совета, включающего в свой состав отечественных и зарубежных представителей власти, науки и бизнеса в интересах и компетенции которых находится данный вопрос.

Площадкой для формирования такого совета могла бы послужить, например, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, обладающая, по мнению автора, возможностями для успешного содействия в решении такой проблемы, как своевременная реализация транзитного потенциала Российской Федерации. Через региональные институты академии можно было бы подключить к решению проблемы ведущих специалистов страны.

Литература

1. Григорьев М. Н., Озолинг А. Е. Инновационные преобразования таможенно-логистического администрирования и управления международными логистическими потоками в Северо-Западном регионе Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 139–145.
2. Нещерет А. К. Мировые инвестиционные процессы и экономическая интеграция // Научные труды СЗАГС. 2011. Т. 2. Вып. 3. С. 260–265.
3. Серебряков Л. Г., Яновский В. В. Проблемы стратегического планирования транспортной инфраструктуры региона — инновационный подход // Научные труды СЗАГС. 2011. Т. 2. Вып. 1. С. 206–215.

References

1. Grigoriev M. N., Ozoling A. E. Innovations transformations of customs and logistic administration and management of the international logistic streams in the North-West region of the Russian Federation // Administrative consultation. 2011. N 3. P. 139–145.
2. Neshcheret A. K. World investment processes and economic integration // Scientific works of SZAGS. 2011. Vol. 2, issue 3. P. 260–265.
3. Serebryakov L. G., Yanovsky V. V. Problems of strategic planning of transport infrastructure of the region — innovative approach // Scientific works of SZAGS. 2011. Vol. 2, issue 1. P. 206–215.

С. П. Мурланов

S. P. Murlanov

Понятие «элита» в условиях модернизации российского государства

The concept "elite" in the conditions of modernization of the Russian state

Мурланов Станислав Петрович

Санкт-Петербург
Комитет экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области
Ведущий специалист отдела научно-технической политики
semenova@szags.ru

Ключевые слова:

теории элит, административная элита, формирование элиты, бюрократия, государственная служба

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «элита» в западных элитистских теориях. По мнению автора, при проведении анализа отечественной региональной административной элиты, с учетом задач модернизации страны, следует учитывать цивилизационное своеобразие России, особенности ее исторического развития и политического управления.

Исследования политической элиты, активно ведущиеся уже более ста лет, в нашей стране интенсифицировались и ведутся очень активно с начала 1990-х гг. Несмотря на это, споры относительно правомерности использования данной категории не прекращаются до настоящего времени. Само понятие «элита», как справедливо замечает А. Е. Чирикова, все еще остается «вещью в себе», а потому предмет научной дискуссии о содержании элиты все чаще «трансформируется в разногласия по поводу идеологических оснований данного термина, реальной эффективности и модернизационном потенциале или потенциале развития» элит действующих [15, с. 77–78]. Эту идею поддерживает и А. В. Дука, подкрепляя аргументацию ссылкой на Дж. Маркуса: «Элита — это слово, которое мы ис-

Murlanov Stanislav Petrovitch

Saint-Petersburg
Committee of economic development and investment activity of the Leningrad region
Leading expert of department of scientific and technical policy
semenova@szags.ru

Key words:

theories of elite, administrative elite, elite formation, bureaucracy, public service

In the article the main approaches to definition of the concept «elite» of the western elite theories are considered. According to the author, at carrying out the analysis of domestic regional administrative elite, taking into account problems of modernization of the country, it is necessary to consider a civilizational originality of Russia, feature of its historical development and political management.

пользуем с легкостью в повседневном разговоре, несмотря на значительную неопределенность, окружающую его» (цит. по: [3, с. 48]).

Задачи всеобъемлющей модернизации российского государства и общества, дальнейшей демократизации всех сфер общественной жизни в нашей стране настоятельно требуют от административно-управленческой элиты профессиональной подготовки, способности творчески мыслить и действовать, сформировать у себя качества, важнейшими среди которых «становятся институциональная ответственность, умение решать интегративные и коммуникативные задачи» [1, с. 160]. Собственно, поэтому достаточно важно вспомнить основные подходы к определению данного понятия в классических теориях элит, обсуждая кото-

рые, современные исследователи традиционно выделяют работы Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса.

Признанный классик ценностной концепции В. Парето указывал, что «правлящая элита носит ярлык, соответствующий высоким политическим постам: министров, сенаторов, депутатов, вершителей правосудия, генералов, полковников и так далее. Соответственно исключение надо сделать для тех, кто попал в эту высокопоставленную компанию, не обладая качествами, соответствующими тем ярлыкам, которые они носят» [9, с. 133]. Еще более ярко подобную позицию развивал Х. Ортега-и-Гассет, утверждавший, что элита — «это личности или группы личностей особого специального достоинства», это те, «кто „строг и требователен к себе самому“ („подвижники“), берет на себя труд и долг» [8, с. 121].

Адепт властного подхода Г. Моска утверждал: «Во все обществах... всегда возникает два класса людей: класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается преимуществами, которые дает эта власть, в то время как другой, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым, причем таким способом, который обеспечивает функционирование политической организации» [6, с. 187]. Подобной позиции о противостоянии массам правящего класса — элиты придерживался также немецкий политолог Р. Михельс, автор известного «железного закона олигархии», согласно которому реальную власть в любой современной демократии обладают правящие олигархические группы в силу нежизнеспособности и неэффективности демократических форм правления [5, с. 186–197].

И, хотя первый подход принято называть меритократическим, а второй — властным, обе эти концепции объединяет признание избранности элит. И если в первом случае избранность элит связывают с их происхождением, одаренностью, характером ценностей, то

во втором избранность определяется располагаемым элитой потенциалом власти, способностью влиять на принятие важных для общества решений. Согласно сторонникам ценностных концепций, вхождение в элиту — результат естественного отбора приобщения наиболее одаренных личностей к рычагам управления: «Решающий элемент, от которого зависит благополучное состояние демократического порядка, складывается из убеждений, норм и компетентности тех, кто в пределах данного порядка выступает носителями влияния, лидерами мнения, политическими активистами» [13, с. 89].

В рамках властной концепции выделяются структурный и функциональный концепты. Сторонники первого под элитой понимают круг лиц, занимающих высшие должностные позиции в различных институтах, в том числе властных. Такой подход часто определяют как позиционный, поскольку в центре его внимания — прежде всего формальные позиции, занимаемые во властных иерархиях (А. Этциони, Т. Дай и др.). Согласно структурно-функциональной концепции, элита представляет собой сообщество лиц, находящихся на высшем уровне в системе ключевых социальных институтов, а потому способных и реально оказывающих решающее влияние на принятие важнейших решений.

По оценке Р. Миллса, приоритет в выработке таких решений принадлежит руководителям трех подобных институтов — государства, крупных экономических корпораций и армии, — которые и образуют «элиты власти», или «треугольник власти». Во Франции «треугольник власти», согласно уточнению Р.-Ж. Шварценберга, включает политическую власть, высшую администрацию и деловые круги [16, с. 136]. Властный подход позволяет представить элиту как вершину пирамиды, в основании которой находятся лишённые какой-либо возможности влияния на положение дел в обществе массы, а средний уровень занимают субъекты, реализующие групповые политические интересы. Хотя в рамках пирамиды и происходят перемещения по вертикали, возможности представителей нижнего уров-

ня оказать какое-либо влияние на политику и экономику незначительны.

Особое влияние на развитие теории элит оказала теория элитарного плюрализма, согласно которой в обществе не существует одной монолитной элиты, но действуют системы различных элитных групп со своими особыми сферами влияния, вследствие чего власть строится на принципах полиархии, предполагающих наличие множества центров власти. Подобная плюралистическая система элит предотвращает монополию на власть, поскольку различные элитные группы взаимно нейтрализуют друг друга. А это, позволяет увидеть в элите подлинного защитника демократии, поскольку в основе ее деятельности — незыблемые демократические принципы свободы.

Попытки совмещения институциональной и «поведенческой» парадигм в исследованиях элит привели в последнее десятилетие прошлого века к появлению «конкретной теории политики», «сфокусированной в качестве объекта исследования, — как подчеркивает автор теории Р. Лэйн, — на политических элитах — тех, кто действительно участвует в принятии решений», и изучающей «не институты в целом, а специфические институты, не поведение в целом, а специфические типы поведения» [17, р. 28, 29].

В последнее время все более широкое распространение получает концепция дуальной структуры элит, когда в любой системе институтов внутри социальной структуры общества существуют два параллельных, иногда совпадающих, типа элит [3, с. 55–56]. Первый тип можно назвать «институциональной элитой», поскольку он интегрирует и структурно стабилизирует данную сферу деятельности. Вторая группа — «культурная элита» — осуществляет собственную деятельность, организует деятельность учеников и последователей, добивается достижений, которые признаются если не всем обществом, то, по крайней мере, наиболее влиятельной его частью. Тем самым «культурная элита» задает образцы поведения, нормы деятельности и мышления, образа жизни, формально, как правило, не закрепленные. Напротив, «первая элита, —

как отмечает А. В. Дука, — занимает позицию и организует деятельность в масштабах группы, общества. Она зачастую формально определена и закреплена. Это статусные начальники, достижения которых в иерархических структурах более характеризуют саму структуру и принципы ее существования, чем человека, в ней функционирующего» [3, с. 55].

Внимание, которое сегодня отечественная политология уделяет проблематике политической элиты, с полным основанием побуждает обратиться к элитологическим исследованиям российских мыслителей. И, хотя «категориальный аппарат, который использовали русские философы, общественные и политические деятели, историки и социологи при анализе проблематики, так или иначе связанной с проблемой элиты, — как справедливо отмечает А. В. Понеделков, — существенно отличался от понятий западных мыслителей... существо проблем, рассматриваемых как теми, так и другими, в принципе, совпадало. Подходы же к ним были разные, и это естественно, — в произведениях отечественных мыслителей отражалась национальная специфика, русский менталитет» [10, с. 15].

Еще только зарождавшаяся в условиях Древней Руси отечественная административно-управленческая элита изначально была неразрывно связана с военной организацией. Главной опорой великого князя в решении государственных вопросов служила дружина — постоянно находившийся при княжеском дворе вооруженный конный отряд, который и стал основой для формирования элиты. Настаивая на особой значимости и ответственности селекции управленческой элиты, известный мыслитель начала XIII столетия Даниил Заточник, возможно, одним из первых сформулировал главный критерий такового отбора: «Советники князя должны быть умны и справедливы и всегда действовать по закону („правде“)... Не обязательно привлекать только старых и опытных, ибо дело не в возрасте и опыте, а в уме» [4, с. 160]. Еще более важно для монарха, по мнению Заточника, было не оказаться в зависимости от «лукавых» советников из управленческо-

го окружения. «Не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят», — подчеркивал Даниил¹.

Московские властители данной принцип стремились соблюдать неукоснительно. Весьма показательно в этой связи замечание посланца Священной Германской империи при дворе Василия III С. Герберштейна, отмечавшего: «Из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним... Они открыто заявляют, что воля государя есть воля Божья и что ни делает государь, он делает по воле Божьей» [2, с. 23–24]. Не доверял государственной бюрократии, рекрутировавшейся преимущественно из боярства, также и Иван Грозный, убежденный, что она стремится не только к ограничению монархии, но и «мимо царей царствами владети»².

Тем не менее Грозный хорошо понимал значение административной элиты в деле государственного управления, а потому учредил специальный орган для контроля над «государевыми служилыми людьми» — Разряд, который вел «личные дела» 22 000–23 000 человек. Более того, российский царь предложил также альтернативный вариант формирования элиты — опричнину. Однако, будучи по сути своей контрэлитой, опричнина надежд царя не оправдала, а потому сама подверглась жесточайшим репрессиям. Административная элита, как справедливо подчеркивает А. В. Понеделков, должна была «созреть» естественно-исторически, поскольку искусственно формируемая элита, как правило, не выдерживает проверки временем [10, с. 20].

¹ Моление Даниила Заточника: [Электронный ресурс] // Древнерусская литература. URL: <http://old-russian.narod.ru/zatoch.htm> (дата обращения: 15.01.2012).

² Первое послание Курбскому: [Электронный ресурс] // Послание Ивана Грозного // Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. URL: http://krotov.info/acts/16/possevino/grozny_01.htm (дата обращения: 15.01.2012).

Окончательное оформление в XVIII в. системы отечественной государственной службы способствовало появлению различных проектов повышения эффективности деятельности административно-управленческой элиты со стороны как либеральных чиновников, так и оппозиционных дворянских течений. Так, подчеркивая значение административной элиты, крупный российский государственный деятель XIX в., директор Горного департамента, ученый и писатель К. А. Скалковский утверждал, что без чиновников «никакое государство обойтись не может... От того, каково образование чиновников, каково их материальное положение, каковы их иерархические отношения между собою и отношения к публике, какова их ответственность, — от всего этого в значительной мере зависит спокойствие и благосостояние, как отдельных лиц, так и всего государства» [14, с. 140].

Скалковский призывал следовать примеру западных стран, где сложился особый правительственный класс, «который в молодости готовится к занятию высших государственных должностей, обращается постоянно в особой политической атмосфере и невольно приобретает массу сведений и практический взгляд, вырабатывающийся у других долгим опытом»³.

Россия в этом отношении значительно отставала. Сословная система, при которой отличительным свойством принадлежности к привилегированному сословию — дворянству являлся государственный чин, своим следствием имела постоянную нехватку грамотных и усердных управленцев и крайне низкий престиж чиновной карьеры. Весьма точно это подметил В. Г. Белинский: «Титло поэта, звание литератора у нас давно затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров»⁴. Конечно, власть должна про-

³ Скалковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1891: [Электронный ресурс] // Электронная библиотека: ModernLibRu. URL: http://www.modernlib.ru/books/ka_skalkovskiy/nashi_gosudarstvennie_i_obschestvennie_deyateli/ (дата обращения: 16.01.2012).

⁴ Белинский В. Г. Письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю от 15/3 июля 1847 г.: [Элек-

являть заботу о государственных служащих, полагал Скальковский, но при этом она обязана предъявлять к ним и самые высокие требования, «чтобы они служили достойными ее представителями, чтобы своими знаниями, бескорыстием и благоразумною твердостью они все больше и больше увеличивали уважение к ней общества. Не только на службе, но и вне службы, чиновники должны держать себя таким образом, чтобы не умалять достоинства государственной власти, ибо в истинном уважении подданных к этой власти и заключаются ее основные силы» [14, с. 140]. В противном случае государственная бюрократия превращается в закрытую корпоративную систему, сущность которой «состоит в отрыве аппарата управления от общества, в результате чего он превращается в самостоятельную силу с собственными эгоистическими интересами, которые он всячески культивирует и обеспечивает, используя свое положение распорядителя общественными делами» [7].

Итак, отечественные мыслители, общественные и политические деятели с древних времен уделяли серьезное внимание проблематике административно-управленческой элиты. Хотя целостных концепций элиты русским мыслителям выдвинуть не удалось, жесткой критике были подвергнуты такие негативные черты отечественного чиновничества, как патернализм, фетишизация чинов, чиновный корпоративизм и авторитаризм, корысто-

любие, сервиллизм и социальное нетерпение, явившиеся одной из причин регулярных неудач в попытках реформирования государственной службы.

Резюмируя, отметим, что становление и развитие западных элитистских теорий происходило в условиях богатых традиций демократического плюрализма, правовой деятельности различных политических и властных институтов, неразрывно связано не только с государственными структурами, но и с элементами гражданского общества — политической активностью свободных и ответственных граждан, государству напрямую неподконтрольной.

Отечественная практика элитогенеза в условиях неразрушимого российского традиционалистского менталитета и государственного доминирования с ценностями гражданского общества связана весьма незначительно [12]. Ее фундамент составляет административная элита, являющаяся главным агентом изменений, а потому механическое перенесение западно-ориентированных схем, концепций и механизмов управления вряд ли способно привести к модернизационному прорыву. В качестве аргумента вновь сошлемся на позицию А. В. Дуки, убедительно аргументирующего, что «теории, основывающиеся на американском опыте, не всегда могут быть экстраполированы на другие страны», поскольку «в других национальных условиях» они оказываются невалидными [3, с. 57–58]. Именно поэтому анализ российской административной элиты, в особенности — элиты региональной, следует проводить, учитывая цивилизационное своеобразие России, особенности ее исторического развития и политического управления [11].

тронный ресурс] // Русская литература и фольклор: Фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-5002.htm> (дата обращения: 16.01.2012).

Литература

1. *Востряков Л. Е., Чириков Е. П.* Региональный администратор культуры: социально-профессиональные характеристики и ценностные ориентации // *Управленческое консультирование*. 2010. № 2. С. 159–171.
2. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах // Новокомский П. И. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908.
3. *Дука А. В.* Концептуальные основания анализа властных элит // *Управленческое консультирование*. 2011. №1. С. 48–62.
4. *История политических и правовых учений* / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма-Инфра-М, 1998.

5. *Михельс Р.* Социология политических партий в условиях демократии // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2. М.: Мысль, 1997. С. 186–197.
6. *Моска Г.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
7. *Оболонский А. В.* Теория бюрократии и государственная служба // Государственная служба: Вестник Координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2009. № 1. С. 61–74.
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119–154.
9. *Парето В.* Тратат по общей социологии [Выдержки] // Осипова Е. В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. СПб.: Алетея, 2004. С. 77–159.
10. *Понеделков А. В.* Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010.
11. *Путин В. В.* Демократия и качество государства // Государственная служба: Вестник Координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 45–57.
12. *Путин В. В.* Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1.
13. *Сартори Дж.* Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2. С. 80–89.
14. *Скальковский К. А.* Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб., 1889.
15. *Чирикова А. Е.* О понятии «элита»: есть ли выход из тупика определений? // Управленческое консультирование. 2011. №1. С. 77–88.
16. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология: В 3 ч. Ч. III. М.: [Российская академия управления], 1992.
17. *Lane R.* Political Science in Theory and Practice: The Politics' Model. N. Y., 1997.

References

1. *Vostryakov L. E., Chirikov E. P.* Regional manager of culture: social and professional characteristics and valuable orientations // Administrative consultation. 2010. N 2. P. 159–171.
2. *Gerberstein S.* Notes about moskovitsky affairs // Novokomsky P.I. The Book about moskovitsky embassy. SPb., 1908.
3. *Duka A. V.* Conceptual bases of the analysis of imperious elite // Administrative consultation. 2011. No. 1. P. 48–62.
4. *History of political and legal doctrines / Edited by. V. S. Nersesyants.* M.: Norma; Infra-M, 1998.
5. *Mikhels R.* Sociology of political parties in the conditions of democracy // The Anthology of world political thought. In 5 vol. Vd. 2. M.: Thought, 1997. P. 186–197.
6. *Moska G.* Ruling class // Sotsis. 1994. N 10. P. 187–198.
7. *Obolonsky A. V.* Theory of bureaucracy and public service // Public service. The Vestnik of Coordination Council on personnel questions, the state awards and public service at the plenipotentiary of the President of the Russian Federation in the North-West federal district. 2009. No. 1. P. 61–74.
8. *Ortega y Gasset H.* The Revolt of masses // Questions of philosophy. 1989. N 3. P. 119–154.
9. *Pareto V.* The treatise on the general sociology [Endurance] // Osipov E.V. Vilfredo Pareto's sociology: Political aspect. SPb.: Aleteya, 2004. P. 77–159.
10. *Ponedelkov A. V.* A political science in elitological measurement. Rostov, 2010.
11. *Putin V. V.* Democracy and quality of the state // Public service: The Vestnik of Coordination Council on personnel questions, the state awards and public service at the plenipotentiary of the President of the Russian Federation in the North-West federal district. 2012. N 1. P. 45–57.
12. *Putin V. V.* Rossiya concentrates – challenges which we should answer // Public service: The messenger of Coordination Council on personnel questions, the state awards and public service at the plenipotentiary of the President of the Russian Federation in the North-West federal district. 2012. N 1. P. 6–16.
13. *Sartori J.* Vertical democracy // Polis. 1993. N 2. P. 80–89.
14. *Skalkovsky K. A.* Modern Russia. Sketches of our state and public life. SPb., 1889.
15. *Chirikova A. E.* About the concept "elite": whether there is an exit from the deadlock of definitions? // Administrative consultation. 2011. N 1. P. 77–88.
16. *Schwarzenberg R.-G.* Political sociology: In 3 parts. P. III. M.: [Russian academy of management], 1992.
17. *Lane R.* Political Science in Theory and Practice: The Politics' Model. N.Y., 1997.

Д. И. Петиков

D. I. Petikov

К вопросу о политизации религии в РФ: современные угрозы и модернизация

On the Question of Religion Politicization in the Russian Federation: Modern Threats and Modernization

Петиков Дмитрий Игоревич

Пятигорск
Пятигорский государственный лингвистический университет
Аспирант кафедры политологии, социологии и теологии
x-men88@bk.ru

Ключевые слова:

политизация религии, Северный Кавказ, политическая стабильность, национальная безопасность, модернизация

В статье рассматриваются факторы политизации религии и возможность их влияния на современный политический процесс в РФ. Автор анализирует вопрос использования религиозного фактора как возможного способа уменьшения влияния Российской Федерации на Кавказе и вытеснения ее из региона. Особое внимание уделяется модернизации северокавказского общества как необходимого условия стабилизации общественно-политических отношений.

В последнее десятилетие практически во всех северокавказских республиках наблюдается всплеск религиозной активности. Северный Кавказ — территория с особыми местными обычаями и традициями, отличающимися от других регионов России. Процесс «национального возрождения», активизировавшийся с начала 1990-х годов, сопровождается реанимацией тейповых, джамаатских, фамильных и других патриархальных связей. В этих связях ключевую роль играют представители коррумпированных властных, военных, банковско-коммерческих структур, образуя кланы, контролирующие власть и ресурсы. Авторитарность и этническая закрытость клановых структур является одной из причин ущемления интересов «нетитульного» населения.

Petikov Dmitry Igorevich

Pyatigorsk
Pyatigorsk state linguistic university
Graduate student of chair of political science, sociology and theology
x-men88@bk.ru

Key words:

politicization of religion, the North Caucasus, political stability, national security, modernization.

The factors of politicization of religion and their possibility to influence the modern political process are investigated in this article.

The author considers the issue of using a religious factor as a way of decreasing influence of the Russian Federation in the Caucasus and its replacement from the region. Much coverage is devoted to the modernization of a North Caucasian society as a necessary condition of stabilization of political relations.

Как пишут исследователи, «активное возрождение на Северном Кавказе традиционных социальных институтов свидетельствует о тяготении северокавказских структур к прошлому... Все возрождающиеся обычаи, традиции, праздники имеют, как правило, религиозный характер, определяемый синтезом православия или мусульманства с местными верованиями» [7, с. 223]. Однако на этом фоне ислам все-таки выделяется хотя бы в силу своей большей социальной и политической ангажированности. При этом количество мусульманских общин по сравнению с иными конфессиями растет здесь наиболее интенсивно.

Традиционализм может проявлять большую идейную и практическую гибкость, когда ему надо оправдать сохра-

нение статус-кво и предотвратить протестные политические движения под исламистскими лозунгами. Так же традиционализм означает сохранение статус-кво и противостояние любым переменам. Данное направление в исламе существенно этнизировано.

Что же генерирует процесс возрождения религии в современном мире, и почему реактуализация религиозных воззрений приобретает ярко выраженные политизированные черты?

Естественно, что в разных странах и цивилизациях активизировавшаяся политизация религии обусловлена различными факторами. И все же было бы неверно полагать, что большое количество разнообразных причин привело к одновременным и схожим последствиям в большинстве частей света. Глобальный феномен требует глобального объяснения. Сколько бы событий в отдельных странах ни возникало под влиянием уникальных факторов, все равно должны существовать некоторые общие случаи. И как нам представляется, такими причинами стало то же самое, что считалось причинами ее смерти: процессы секуляризации и модернизации, которые долгое время были локализованы в границах западноевропейской цивилизации, но в условиях глобализации стали проникать во все части света, на все континенты.

Сегодня у большинства экспертов не возникает сомнений, что нестабильность ситуации на Кавказе умело подогревается и извне, в частности Западом, активно использующим исламский фактор [2]. Как отмечает Н. А. Нарочницкая, «исламский экспансионистский импульс всегда имел неисламского дирижера, направлявшего его по нужным геополитическим линиям» [4, с. 73]. Можно с полным основанием утверждать, что главный аспект опасности исламского радикализма (исламизма) на Северном Кавказе кроется в заинтересованности «соперников» России вытеснить ее из региона, создать здесь конфедеративное образование «от моря до моря» как фактор дальнейшего сужения роли России на Кавказе и в Причерноморье, кар-

динального изменения здесь этноконфессионального баланса.

Но не сам ислам, как религия, представляет из себя угрозу, а его трансформация в орудие политической борьбы. Наиболее опасной группой оппонентов и антагонистов традиционного ислама в регионе стал вызов исламского радикализма, который исламоведы называют салафизмом или «чистым исламом», а традиционные мусульманские лидеры — ваххабизмом. Для обозначения этого феномена также целесообразно использовать термин «неоваххабизм», предложенный одним из ведущих отечественных специалистов по проблематике исламского радикализма И. П. Добаевым. Как отмечает автор, идеалом неоваххабитов является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью пророка Мухаммеда и четырех «праведных» халифов), шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме Халифата [1]. Тем самым неоваххабизм из теологической доктрины превратился в актуальную проблему современной политической жизни многих государств.

Развернув «антиваххабитскую» кампанию, власти практически всех республик уже в конце 2001 г. поспешили продекларировать, что в республиках Северного Кавказа проблема религиозного экстремизма, долгое время оставшаяся актуальной, якобы потеряла остроту. Деятельность экстремистских религиозно-политических объединений, согласно рапортам чиновников с мест, «практически парализована», а «попытки экстремистов распространить свое влияние среди населения полностью провалились» [8].

К сожалению, все очевидней становится тот факт, что прежние методы стабилизации этнополитических процессов уже не действенны, а новые пока еще не найдены. Между тем сложившаяся на Северном Кавказе ситуация серьезно угрожает национальной безопасности России и требует для своего разрешения концептуально новых подходов, учитывающих

не только социально-экономический, но и прежде всего духовно-идеологический характер проблемы. Борьба с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом синонимична борьбе с дальнейшей радикализацией ислама и является обязательным условием стабилизации политической жизни на Северном Кавказе, но этого можно добиться, только предоставив радикализму идеологическую альтернативу, отражающую этнически и религиозно обусловленную мировоззренческую специфику региона. Возможно, одной из таких альтернатив может быть «евроислам». Как отмечает А. А. Садыхова, «...евроислам поможет мусульманам безболезненно интегрироваться в европейское сообщество. Принимая во внимание крайне напряженную ситуацию, сложившуюся в Европе вследствие целой цепи острых конфликтов, необходимо понять, что же представляет собой евроислам как религиозно-идеологическая система» [5, с. 90].

К тому же негативный отпечаток накладывает на общую ситуацию на Северном Кавказе и международная позиция, практическая политика на этом направлении Азербайджана и Грузии. Очевидна заинтересованность правящих элит этих государств в эскалации нестабильности в северокавказском регионе, истощающей Россию морально, физически и материально, что открывает Баку и Тбилиси свободу действий в выстраивании собственных геополитических конструкций и геоэкономических схем на Кавказе без оглядки на Москву. Свидетельством тому является размещение на территории Грузии (Панкисское ущелье) и Азербайджана баз и опорных пунктов боевиков, трансграничное перемещение с их территорий на Северный Кавказ банд международных террористов, вооружения и боеприпасов. На этом фоне широкий размах приобретает в зоне Северного Кавказа незаконная миграция, контрабанда оружия и наркотиков.

Беспрепятственная деятельность в Баку филиалов международных исламских организаций, в частности саудовской «Аль-Харамейн», координирующей тран-

зит финансовых средств сепаратистам на Северном Кавказе и ведущей активную пропаганду исламского «джихада» в Чечне и Дагестане [3], свидетельствует об использовании Азербайджаном и религиозного фактора в ослаблении позиций России в регионе.

Позиция Грузии в кавказском геополитическом пространстве основывается, прежде всего, на поддержке западного «миротворчества». Существует научно обоснованное предположение о стремлении Грузии обрести и удержать статус транзитной зоны азербайджанской нефти. Альянс Грузии и Азербайджана создает, таким образом, уникальную возможность образования транспортно-коммуникационного коридора, связывающего Запад и Восток, импортеров и экспортеров нефти, минуя Россию и другие нежелательные для США страны. Чтобы этот вариант отвечал условиям Запада, в политическом плане Грузия, демонстрируя свои антироссийские настроения и способность противостоять влиянию России в регионе, должна добиваться вывода российских баз с территории Абхазии и Южной Осетии, на что и направлены усилия руководства республики.

Как мы уже отмечали, сложившаяся на Северном Кавказе ситуация серьезно угрожает национальной безопасности России. При этом борьба с религиозно-политическим терроризмом стала синонимична борьбе с дальнейшей политизацией и радикализацией ислама и является обязательным условием стабилизации политического процесса на Северном Кавказе, но этого, как представляется, можно добиться, только деполитизировав ислам.

Таким образом, сегодня на Северном Кавказе активно применяются технологии, позволяющие актуализировать политическую составляющую ислама и включать его тем самым в политический процесс и популяризировать во всех сферах общества. При этом механизм политизации ислама хорошо отработан и учитывает природу самого исламизма, опираясь главным образом на два инструмента: теологию (идеологическую доктрину политического исла-

ма) и ее воплощение (религиозно-политическую деятельность).

Опасность заключается в том, что противостоящие традиционалистам радикальные течения, организации и группировки, прикрываясь исламом, используют религиозный фактор для разжигания здесь межэтнической розни. Обстановка осложняется и тем, что в борьбе со своими идеологическими оппонентами сами представители традиционного духовенства и их последователи политизируются и радикализуются.

Деятельность таких «сомнительных» международных организаций под религиозным прикрытием, несомненно, влияет на политическую стабильность. Так, например, в 1991 г. был создан первый исламский банк в России «Бадр-Форте», но пять лет назад Центральный банк отзывал у него лицензию под предлогом неоднократного нарушения закона о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем. Бывший владелец Адалет Джабиев, основатель первого исламского банка, создал в России первую исламскую инвестиционно-финансовую компанию «Аш-Шамс Капитал», которая сейчас формирует фонд прямых инвестиций. Среди проектов Джабиева также сеть кофеен и магазинов халяль, которые планируют появиться в Москве в 2011 г., и исламское телевидение. Проект, по всей видимости, удалось реализовать, о чем сообщают интернет-ресурсы¹. Инвесторами будут выступать в том числе и крупнейшие государственные фонды стран Персидского залива.

В декабре 2006 г. ЦБ отзывал у «Бадр-Форте» лицензию с предъявлением обвинения, формулировка которого звучит: «за неоднократное нарушение закона о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма, за несоблюдение нормативов ликвидности, за нарушение порядка резервирования по ссудам». Международный коммерческий банк имел, по официальным данным,

представителей в Египте, Индонезии, Ираке, Иране, Йемене, Кувейте, Ливане, Ливии, Малайзии, Нигерии, Омане, Пакистане, Саудовской Аравии, Сенегале, Сирии, Судане, Танзании и Уганде².

Так же, со слов Джабиева, создаются подразделения в Казахстане и Лондоне, в Азербайджане есть надежные партнеры, которые, как сказано ранее, не заинтересованы в восстановлении Россией влияния на Кавказе. Более того, ведут активную пропагандистскую кампанию по дискредитации действий РФ на Северном Кавказе по указке извне.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что российский ислам, на Северном Кавказе в частности, к моменту перестройки был ослаблен всем предшествовавшим историческим развитием и в условиях начавшихся возрожденческих процессов попросту оказался не готов к осознанному сопротивлению чуждому и враждебному идеологическому вторжению [1, с. 15]. Поэтому не удивительно, что в связи со слабостью традиционного ислама зону его влияния постоянно пытались и пытаются сузить иные субъекты, можно сказать, околосламские или квазиисламские, большинство из которых, выступая под «зелеными знаменами ислама», посвящают свою деятельность откровенной политической борьбе за власть и собственное влияние в массах.

Политический ислам представляет собой союз теологии и политики (теории и практики). Они находятся в диалектическом единстве: политическая практика вторична по отношению к теологии, но формы этой практики заставляют изменять теологию. Идеология политического ислама — набор определенных концепций, которые могут произвольно использоваться для конструирования конкретной идейной позиции.

Как справедливо отмечает И. К. Сандомирская «Развитие международного регионального сотрудничества усиливает роль приграничных регионов в осуществ-

¹ [Электронный ресурс] // Маркер: Деловая газета. URL: marker.ru/news/2609; <http://russian-halal.livejournal.com> и др.

² Создатель первого исламского банка Адалет Джабиев. [Электронный ресурс] // Маркер: Деловая газета. URL: <http://marker.ru/news/883>.

влении внешней и внутренней политики государства, решении задач модернизации российской экономики путем адаптации опыта и практики зарубежных стран на основе использования преимуществ приграничного положения» [6, с. 91]. Это обусловлено как современными изменениями в пространственном размещении производства, усилением неравномерности развития регионов, так и историческим наследием.

Политической системе РФ следует пересмотреть свою политику в отношении к религиозным организациям, по мнению автора, что и подтверждает необходимость в комплексной модернизации ее в целом, отвечающей всем вызовам и требованиям современности.

Сохраняющаяся нестабильность на Северном Кавказе является локальным проявлением глобальных процессов трансформации миропорядка, сложности общественно-политического, социально-экономического, духовного развития северокавказских республик.

Интеграция Северного Кавказа в российское политическое пространство осу-

ществлялась через постепенное наращивание русского населения, способствующее формированию в регионе общих государственно-правовых и ценностных ориентаций, созданию многоукладной экономики. Сегодня русские еще остаются интегрирующим звеном, позволяющим сдерживать дальнейшее обострение межнациональных отношений, но их отток приводит к архаизации и частичной дезинтеграции местных этносоциумов, торможению процессов модернизации.

Наличие неурегулированных конфликтов, сепаратистских тенденций, экспансия религиозного экстремизма и международного терроризма, наконец, близость нефтяных запасов Каспия, которые привлекают к региону пристальное внимание многих государств, превращают его в арену глобального геополитического соперничества, требуя более активной и осмысленной модернизации политической системы со стороны России и практических мер по выводу из кризиса и обеспечению безопасности этого стратегически важного для национальных интересов сегмента государства.

Литература

1. *Бережной С. Е.* Ислам и исламизм на Юге России // Южнороссийское обозрение ЦСРИИП ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Ростов-на-Дону, 2003.
2. *Добаев И. П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Дону, 2002.
3. *Магомеддадаев А. М.* Благотворительность? // Дагестанская правда, 19.07.2004 г.
4. *Нарочницкая Н.* Россия в новых геополитических реальностях // Международная жизнь. 2003. № 11. С. 73.
5. *Садыхова А. А.* Евроислам: миф или реальность? // Управленческое консультирование. 2010. №1. С. 90–98.
6. *Сандомирская И. К.* Региональные аспекты устойчивого развития // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 161–169.
7. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
8. *Хизриева Г.* Об околоисламских политических движениях в России // Конфликт—Диалог—Сотрудничество. М., 2000.

References

1. *Berezhnoy S. E.* Islam and Islamism in the South of Russia // The South Russian review TSSRIIP IPPK at RGU and ISPI Russian Academy of Sciences. Rostov-on-Don, 2003.
2. *Dobayev I. P.* Islamic radicalism: genesis, evolution, practice. Rostov-on-Don, 2002.
3. *Magomeddadayev A. M.* Charity? // Dagestan pravda. 19.07.2004.
4. *Narochnitskaya N.* Russia in new geopolitical realities // International life. 2003. No. 11. P. 73.
5. *Sadykhova A. A.* Euroislam: myth or reality? // Administrative consultation. 2010. N 1. P. 90–98.
6. *Sandomirskaya A. A.* Regional aspects of a sustainable development // Administrative consultation. 2011. N 1. P. 161–169.
7. *Soldatov G. U.* Psychology of interethnic intensity. M., 1998.
8. *Hizriyeva G.* About nearislamsky political movements in Russia // Conflict—Dialog—Cooperation. M., 2000.

А. Х. Курбанов
В. А. Плотников

A. Kh. Kurbanov
V. A. Plotnikov

Влияние уровня экономического развития регионов России на трансформацию механизмов материально-технического обеспечения с использованием аутсорсинга

Influence the level of economic development of Russia in the changing forms of logistics with outsourcing

Курбанов Артур Хусаинович

Санкт-Петербург
Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева
Начальник лаборатории Центра (научно-исследовательского, военно-системных исследований) материально-технического обеспечения ВС РФ)
Кандидат экономических наук, доцент
kurbanov-83@yandex.ru

Плотников Владимир Александрович

Санкт-Петербург
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС
Научный редактор издательско-полиграфического центра
Доктор экономических наук, профессор
plotnikov_2000@mail.ru

Ключевые слова:

материально-техническое обеспечение, инсорсинг, аутсорсинг, уровень экономического развития региона, региональная экономика

В статье представлены методические подходы к оценке уровня экономического развития региона, использование которых позволяет осуществить экономически обоснованный выбор районов (регионов, территорий, населенных пунктов) с позиций наличия наиболее благоприятных условий для всестороннего, полного и качественного материально-технического обеспечения воинских формирований, основанного на принципах аутсорсинга.

Kurbanov Arthur Khusainovich

Saint-Petersburg
Military Academy of material support renamed the inequality Army A. Khruleva
Head of the Laboratory Center (research, military system of investigations but the material-technical ensuring Forces)
Candidate Economic Sciences, Associate Professor
kurbanov-83@yandex.ru

Plotnikov Vladimir Alexandrovich

Saint-Petersburg
North-West Institute of Administration of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Scientific Editor of the Publication and Polygraph Centre
Doctor of Sciences (Economy), Professor
plotnikov_2000@mail.ru

Key words:

logistical support, insourcing, outsourcing, the level of economic development, regional economy

The article presents the methodological approaches to assessing the level of economic development, which allows the use of cost-based selection of areas (regions, territories, settlements) in terms of the availability of more favorable conditions for the full, complete and high-quality logistics troops (forces), based on the principles of outsourcing.

Вооруженные Силы являются одним из основных институтов современного государства, обеспечивая защиту его интересов от внутренних и внешних угроз путем применения специфических силовых инструментов воздействия. Поэтому становление и развитие российской государственности затрагивает и реформирование военной сферы, преобразования в которой идут все последние 20 лет. Одной из задач современного этапа военной реформы является переход к материально-техническому обеспечению повседневной жизнедеятельности воинских формирований (ВФ), дислоцированных в регионах с развитой инфраструктурой, через гражданские предприятия (организации) на основе аутсорсинга [10]. Вместе с тем, практика и анализ теоретических подходов к решению данного вопроса показывают, что в этой работе возникает немало проблем и противоречий.

По мнению авторов, переход на территориальный принцип материально-технического обеспечения и привлечение субъектов хозяйственного комплекса региона к этой деятельности должны допускаться лишь в том случае, если в регионе имеются предприятия, располагающие требуемыми производственными возможностями. Однако данное условие не во всех случаях является определяющим, поскольку реальные объемы передаваемых на аутсорсинг функций должны обеспечить исполнителю определенный уровень дохода, воспринимаемый им как приемлемый, при условии проведения согласованной с заказчиком ценовой политики [3].

Дело в том, что экономическая ситуация в регионах при решении задач по материально-техническому обеспечению ВФ и по поставкам вооружения и военной техники кардинально различается. Если в первом случае (поставки продовольствия, заправка военной техники горючим, банно-прачечное обслуживание военнослужащих и т. д.) сложился достаточно конкурентный рынок, то во втором можно говорить о ситуации, близкой к двусторонней олигополии или даже двусторонней монополии, ког-

да и производители, и потребители (покупатели) оказываются в ситуации сильной экономической зависимости, что позволяет одной из сторон в процессе неконкурентных предконтрактных процедур диктовать свои условия. Это, по нашему мнению, является основной причиной фактического срыва исполнения Гособоронзаказа на 2011 г. Как известно, Председателем Правительства РФ была поставлена задача министру обороны представить отчет о состоянии ГОЗ-2011 до 31 августа 2011 г. В этой связи министром было заявлено о подписании полного пакета контрактов с промышленностью, за исключением Объединенной авиастроительной корпорации, Объединенной судостроительной корпорации, Московского института теплотехники и холдинга «Вертолеты России». Но дело в том, что именно эти предприятия являются ключевыми производителями военной продукции [13].

В случае закупки спецпотребителями товаров и услуг на высококонкурентном рынке, рыночная власть поставщика существенно возрастает, а покупателя — ослабевает. И если, например, в регионе расположены малочисленные ВФ на значительном удалении от населенных пунктов с развитой системой материально-технического обеспечения, привлечь гражданских подрядчиков для их обслуживания представляется весьма затруднительным, а то и попросту невозможным. Это связано с недостаточной экономической привлекательностью такого сотрудничества для поставщиков: себестоимость оказываемых услуг для них оказывается чересчур высока, что приводит к снижению нормы прибыли по военным госконтрактам [8].

Результаты, полученные в ходе исследований, и анализ эмпирических материалов свидетельствуют о том, что территориальные органы управления материально-техническим обеспечением ВФ в отдельных регионах не располагают эффективным механизмом взаимодействия с региональными товаропроизводителями, предприятиями сферы услуг. Между тем, в своевременном и качественном решении этих задач скрыты

значительные резервы экономии бюджетных средств, выделяемых государством на оборону и национальную безопасность, а также потенциал для экономического развития субъектов Российской Федерации. Централизованные поставки материальных ресурсов должны осуществляться с учетом возможностей местной экономической базы, что приведет к снижению логистических издержек [4]. В этой связи, актуальной задачей является проведение оценки уровня экономического развития региона.

Определение системных взаимосвязей уровня экономического развития региона и форм организации материально-технического обеспечения ВФ подразумевает выявление потенциальных возможностей использования экономической инфраструктуры территории для передачи гражданским подрядчикам некоторых обеспечивающих функций. При этом качество и своевременность оказываемых услуг должны обеспечить требуемый уровень потребительской удовлетворенности. Формы организации материально-технического обеспечения могут быть различными: с использованием собственных сил и средств (инсорсинг); с использованием сил и средств сторонних организаций (аутсорсинг); смешанная форма. При этом последняя может предусматривать различное соотношение между аутсорсингом и инсорсингом. Все зависит от уровня экономического развития региона.

Сложность оценки уровня экономического развития региона, наличие большого количества различных систем оценивания [см., например: 1; 2; 11; 14] порождают необходимость определенного упорядочивания проведения исследований. В соответствии с этим авторами предложен подход к проведению оценки уровня экономического развития региона, включающий в себя ряд этапов. Их перечень был подготовлен в результате уточнения и дополнения отдельных мероприятий, содержащихся в описанных в литературе методических подходах (рис. 1).

Каждая из рассматриваемых процедур имеет свою специфику и может быть рас-

крыта отдельно. При этом они не являются изолированными. Далее, придерживаясь указанной последовательности, рассмотрим порядок проведения оценки уровня экономического развития региона, уделяя внимание наиболее проблемным, с точки зрения практического выполнения, мероприятиям.

Под уровнем экономического развития региона нами понимается состояние и перспективы развития промышленной базы, сельского хозяйства, объектов производственной и социальной инфраструктуры, предприятий сферы услуг, использование мощностей которых возможно в интересах материально-технического обеспечения спецпотребителей. В данной постановке вопроса анализ уровня экономического развития региона проводится с целями:

- 1) установить, есть ли в регионе ресурсы (предприятия, организации, объекты инфраструктуры, квалифицированный персонал и др.), пригодные для использования в интересах организации материально-технического обеспечения;
- 2) определить, какие ресурсы и производственные мощности наиболее перспективны для использования, выявить механизмы и степень использования;
- 3) дать количественную оценку имеющихся экономических и, в частности, промышленных ресурсов в регионе;
- 4) установить реальную потребность в собственных силах и средствах в местах размещения военных баз и пунктов базирования ВФ с учетом имеющихся ресурсов;
- 5) определить механизм организации и развития взаимодействия с экономической базой региона на основе принципов аутсорсинга.

При анализе ресурсного потенциала региона для оценки возможных форм организации материально-технического обеспечения следует учитывать ряд обстоятельств: широту спектра ресурсов региона, которые могут быть использованы в интересах материально-технического обеспечения; полнообъемность учета всего имеющегося потенциала гражданских организаций, независимо от

Рис. 1. Этапность оценки уровня экономического развития региона

Примечание: составлено А.Х. Курбановым с использованием результатов исследований И.Г. Видяева [2].

их собственников и рыночной ориентации; достоверность качественных и количественных данных, характеризующих ресурсный потенциал, которые должны соответствовать реальному положению дел и быть документально подтверждены или обоснованы расчетами.

Потребность ВФ V_j^{Bn} в n -м регионе в услугах j -го вида можно представить как:

$$V_j^{Bn} = V_j^{CC} + V_j^{MЭБ}, \quad (1)$$

где V_j^{CC} — потребность в услугах j -го вида, удовлетворяемая за счет исполь-

зования ведомственных подразделений (инсорсинг); $V_j^{MЭБ}$ — потребность в услугах j -го вида, удовлетворяемая за счет привлечения гражданских подрядчиков, предприятий (организаций) местной экономической базы (аутсорсинг).

Потенциальные возможности экономической базы региона по удовлетворению потребностей в услугах j -го вида $M_j^{MЭБn}$ определяются по зависимости:

$$M_j^{MЭБn} = D_j^n + V_j^{\Gamma n}, \quad (2)$$

где D_j^n — возможное дополнительное производство услуг j -го вида в изучае-

мом n -м регионе; $V_j^{\Gamma n}$ — объем потребности гражданского сектора экономики в услугах j -го вида в изучаемом n -м регионе, удовлетворяемой текущим производством.

Значение $V_j^{\Gamma n}$ определяется на основе обработки статистических данных, полученных из официальных источников. Общее производство услуг j -го вида в отдельно взятом регионе (предложение) с некоторым незначительным отклонением, как правило, будет соответствовать потребности гражданского сектора экономики, т. е. спросу на данные услуги. В свою очередь, согласно закону Вальраса, полная ценность пользующихся спросом услуг (произведение цены на объем спроса) равна общей ценности предлагаемых услуг (произведение цены на объем предложения). В этой связи необходимо при определении значения D_j^n обеспечить взаимодействие между предприятиями (организациями) экономического комплекса страны и заинтересованными органами военного управления на предмет наличия производственного потенциала, позволяющего осуществить расширение объема производимых услуг:

$$D_j^n = \sum_{m=1}^n V_{jm}^{\Pi}, \quad (3)$$

где V_{jm}^{Π} — объем производства j -го вида услуг на m -м предприятии; n — количество предприятий, производящих j -е услуги.

Показатель D_j^n является динамичным, и это вызывает определенные трудности при его определении. Объем производства j -го вида услуг в определенный период рассчитывается по формуле:

$$V_{jm}^{\Pi} = \frac{N_{jm} \times K}{L} \times t, \quad (4)$$

где N_{jm} — среднегодовая производственная мощность m -го предприятия по оказанию j -го вида услуг; K — коэффициент использования производственных мощностей; L — количество рабочих дней в году; t — продолжительность планируемого периода.

Определенные трудности возникают при расчете коэффициента использования производственных мощностей в силу необходимости учета некоторых имплицитных (недоступных для внешнего наблюдения) факторов, влияющих на его формирование. Речь идет о вынужденном уменьшении количества рабочих дней; уменьшении производства в результате срывов при обеспечении сырьем, топливом, электроэнергией и др.

Возможности местной экономической базы по удовлетворению потребностей ВФ в услугах зависят от уровня экономического развития региона. С целью выбора формы материально-технического обеспечения необходимо провести его оценку. Анализируя уровень экономического развития региона, следует рассматривать не только разновидности и объемы ресурсов, пригодных для использования в интересах материально-технического обеспечения, но и их доступность. Доступность ресурсов является комплексным показателем и может характеризоваться, в общем случае, следующими параметрами (частные свойства доступности ресурсов) [3]:

- 1) физическая доступность, вызванная территориальной удаленностью организаций, привлекаемых в рамках аутсорсинга;
- 2) ценовая доступность, то есть соответствие стоимостной рыночной оценки того или иного конкретного ресурса (продукции, работы, услуги) возможностям платежеспособного спроса потребителей. Здесь речь идет о финансовой целесообразности использования ресурсов. Заметим, что параметры ценовой доступности могут существенно отличаться для разных условий обстановки (например, в случае возникновения чрезвычайной ситуации на территории и проведения работ по ее ликвидации вопрос величины затрат становится менее приоритетным);
- 3) организационная доступность. Она связана с институциональной средой, сформировавшейся в регионе (система законов, норм, правил, процедур,

традиций и тому подобное, связанных с возможностью получения доступа к данному виду ресурсов). В определенной степени организационная доступность зависит и от качества жизни населения региона [10].

На уровень экономического развития региона влияют также показатели, определяющие его экономическую безопасность. Она характеризуется способностью региональной экономики функционировать в режиме расширенного воспроизводства, т. е. устойчивостью экономического роста, максимально обеспечивать приемлемые условия жизни и развития личности для большинства населения. Кроме того, экономическая безопасность на региональном уровне характеризуется способностью экономики, с одной стороны, противостоять дестабилизирующему воздействию внутренних и внешних социально-экономических факторов, а с другой — не создавать угроз для других элементов региона и внешней среды (других субъектов РФ, для Федерации в целом, для СНГ, европейского и мирового сообществ) [5].

В результате исследований авторами был определен перечень основных показателей анализа уровня экономического развития региона применительно к специфике исследуемой проблемы. Ресурсы местной экономической базы, которые следует учитывать при определении форм материально-технического обеспечения ВФ, предлагается оценивать при помощи группы из четырех показателей, носящих комплексный характер. Их комплексность определяется тем обстоятельством, что каждый из рассматриваемых показателей рассчитывается на основе агрегирования частных показателей ресурсов по известным методикам, используемым при оперативном оценивании потребностей в ресурсах и возможностей по их удовлетворению (например, при расчетах потребности в продовольствии расчет делается не по каждому наименованию из номенклатурного перечня — овощам, мясу, рыбе, крупам и т. д., а обобщенно — по продовольствию в целом). К основным комплексным показателям относятся:

- 1) продовольственные ресурсы региона (R_{Π});
- 2) резервы технологического оборудования региона, включающие в себя производственные мощности предприятий ($R_{ТО}$);
- 3) резервы складских помещений региона ($R_{СП}$);
- 4) трудовые ресурсы ($R_{ТП}$).

Естественно, что в данном случае речь должна идти не о показателях, исчисленных в натуральном выражении (продовольственные ресурсы — в тоннах, резервы складских помещений — в количестве хранилищ, их площадных и/или объемных характеристиках и т. д.), а о нормированных безразмерных значениях показателей. Нормировка в данном случае заключается в приведении их к безразмерному (относительному) виду и масштабированию в стандартном диапазоне (например, от 0 до 1 или от 0 до 100). Для проведения такого рода нормирования можно воспользоваться стандартными процедурами [6; 15 и др.].

Рассмотренные показатели с различных сторон и сравнительно независимо друг от друга описывают ресурсный потенциал региона. Принимать однозначное решение по выбору предпочтительной, с позиции ресурсной обеспеченности, формы материально-технического обеспечения спецпотребителей на основе вектора из четырех показателей затруднительно. Необходимо «свернуть» данные показатели в скаляр. Для решения данной проблемы достаточно эффективным является метод анализа иерархий, предложенный К. Кернсом и Т. Саати [12]. Он специально предназначен для решения многокритериальных задач выбора. Преимуществом этого метода, делающим его адекватным решаемой задаче оценивания местной экономической базы, можно назвать возможность сопоставления качественно разных показателей. Проведенные с участием авторов статьи исследования позволили прийти к выводу, что для определения результирующего оценочного показателя уровня экономического развития региона ($R_{УЭРР}$) можно ис-

пользовать следующую обобщенную квалиметрическую модель:

$$R_{уЭРР} = 0,53R_{П} + 0,16R_{ТО} + 0,19R_{СП} + 0,12R_{ТП}. \quad (5)$$

Обобщенный характер предлагаемой модели определяется тем обстоятельством, что входящие в ее состав показатели записаны в общем виде, без конкретизации их описания. Между тем, каждый из включенных в модель показателей может оцениваться по степени ценовой доступности ресурсов и по их объемным параметрам. Соответственно с этим преобразуется и конкретная окончательная запись вышеприведенной формулы.

Ресурсные потребности (равно как и потребности в услугах) спецпотребителей, расположенных в регионе, в каждый конкретный момент времени фиксированы и могут быть оценены на основании исходных данных относительно состава и структуры имеющихся формирований, планов их применения и установленных нормативов материально-технического обеспечения. Что касается ресурсных возможностей региона, то для создания благоприятных условий их использования в интересах материально-технического обеспечения желательно выполнение условий экстремализации их значений, т. е. максимизации объемных показателей ($QP_{уЭРР}$) и минимизации стоимостных ($CP_{уЭРР}$). Эта задача решается в рамках разработки и реализации региональной экономической политики, в этой связи в рамках данной статьи ее решение не рассматривается.

Применение двух критериев — объемного и стоимостного — позволяет всесторонне оценить местную экономическую базу с точки зрения учета возможностей использования аутсорсинга при материально-техническом обеспечении спецпотребителей. Однако здесь опять возникает вопрос, связанный с многомерностью, а следовательно, неоднозначностью оценок. Попытка построить обобщенное аналитическое выражение для свертки объемных и ценовых параметров в единый показатель, на наш взгляд, будет не вполне корректной, так как речь идет о раз-

нородных по своей экономической сущности свойствах ресурсов. Указанную проблему предлагается решать двумя типовыми способами, известными из теории принятия решений [9]:

- 1) переход от количественного к ранговому выражению критериев для окончательного выбора их приоритетности;
- 2) ситуационный выбор главного и второстепенного критериев.

Существо первого подхода состоит в последовательной реализации следующей процедуры:

- 1) для всех N сравниваемых альтернативных форм материально-технического обеспечения производится расчет оценочных показателей $QP_{уЭРР}$ и $CP_{уЭРР}$, т. е. каждой i -й альтернативе A_i ставится в соответствие пара чисел:

$$A_i \rightarrow (QP_{уЭРРi}, QC_{уЭРРi}), \quad (6)$$

$$i = \overline{1, N};$$

- 2) проводится ранжирование всей совокупности альтернатив $A_1, A_2, \dots, A_i, \dots, AN$ по степени убывания показателя $QP_{уЭРРi}$. Иными словами, каждой альтернативе A_i должно соответствовать натуральное число rgi , равное ее номеру в упорядоченном по убыванию списке значений $QP_{уЭРР}$ (если у нескольких альтернатив оказываются одинаковые значения этого параметра, то им присваивается одинаковый ранг);
- 3) аналогично предыдущему шагу проводится ранжирование всей совокупности альтернатив $A_1, A_2, \dots, A_i, \dots, AN$ по степени возрастания показателя $CP_{уЭРРi}$. То есть каждой альтернативе A_i ставится в соответствие натуральное число rci , равное ее номеру в упорядоченном по возрастанию списке значений $CP_{уЭРРi}$ (если у нескольких альтернатив оказываются одинаковые значения этого параметра, то им присваивается одинаковый ранг);
- 4) после отработки всех предшествующих шагов для всех N сравниваемых альтернативных вариантов можно

определить их парные ранги по двум предложенным к использованию критериям, то есть каждой i -й альтернативе A_i ставится в соответствие пара чисел

$$A_i \rightarrow (rqi, rci), i = \overline{1, N}; \quad (7)$$

5) определяется обобщенный ранговый показатель для каждой альтернативы путем суммирования частных рангов

$$A_i \rightarrow ri = rqi + rci, i = \overline{1, N}; \quad (8)$$

после чего производится окончательное ранжирование альтернатив по степени возрастания их обобщенного ранга. Лучшей (оптимальной) признается альтернатива, обладающая минимальным значением обобщенного ранга, т. е. критерий оптимального выбора в математическом виде может быть записан следующим образом:

$$A_j = A_{\text{opt}}, \text{ при } j \in \{1, 2, \dots, i, \dots, N\},$$

$$\text{если } r_j = \min_{i \in \{1, 2, \dots, N\}} (ri). \quad (9)$$

Существо второго подхода состоит в выборе из двух критериев: основного (главного) и второстепенного (вспомогательного). Этот выбор производится ситуационно, лицами, принимающими решение в конкретной обстановке, с учетом всей совокупности конкретных факторов, в том числе слабоформализованных.

Пусть установлено, что главным критерием является стоимостной, а вспомогательным — объемный. Тогда все альтернативы ранжируются по правилам, описанным выше в шаге 3 алгоритма 1-го методического подхода. Оптимальной признается альтернатива, обладающая минимальным (единичным) рангом. Если же окажется, что нескольким альтернативам присвоен ранг «1», то осуществляется ранжировка этих наилучших альтернатив по второму критерию, как описано выше в шаге 2 алгоритма 1-го методического подхода. Окончательный выбор осуществляется в пользу варианта материально-технического обеспечения, обладающего ми-

нимальным численным значением (единичным) ранга, как по первому, так и по второму критерию.

Следует также отметить, что в процессе совершенствования предложенного подхода возможно формирование обоснованной базы для сравнения с целью вынесения того, либо иного значения оценки. Таковыми, исходя из общепринятой мировой и российской практики методологических подходов к оцениванию, могут являться: а) нормативные значения индикаторов, разработанных и установленных в регионе; б) эталонные значения, отражающие индикаторы развития регионов с лучшими значениями; в) среднесоциальные индикаторы, отражающие динамику развития в среднем по стране; г) среднерегиональные индикаторы, характеризующие ситуацию в конкретном регионе.

Высокие значения части индикаторов можно объяснить особенностями региона, сложившимися в силу исторического развития, территориального расположения и сосредоточения ресурсов различных видов, что, естественно, будет проблемой при достижении таких же значений индикаторов для регионов, не обладающих данными особенностями.

Можно предложить в качестве базы для сравнения состояние структуры региональной хозяйственной системы в предыдущий период времени, т.е. значения пропорций структуры индикаторов в регионе в предыдущий период времени. Относительно базы происходит изучение приростов структурных индикаторов по годам и сравнение их между собой с целью оценки изменений (преобразований), происходящих в элементах региональной системы. Данный подход предопределяет методы анализа, используемые при изучении развития региона, к числу которых следует отнести метод экспертных оценок, корреляционный и регрессионный анализы.

Результаты, полученные в ходе оценки, анализируются в соответствии с описанным выше алгоритмом и предложенными методами анализа. Затем формулируются выводы, оценки и рекомендации, которые по установленной форме будут

представлены в итоговом отчете (см. рис. 1).

Таким образом, оценка уровня экономического развития региона (местной экономической базы) позволяет осуществить экономически обоснованный оптимальный выбор и ранжирование районов (регионов, территорий, населенных пунктов) с позиций наличия наиболее благоприятных условий для всестороннего, полного и качественно материально-технического обеспечения ВФ, основанного на принципах аутсорсинга. Предложенный методический подход может быть использован органами управления системой мате-

риально-технического обеспечения для внедрения механизма аутсорсинга в хозяйственный процесс обеспечения спецпотребителей; администрацией региона: при разработке перспективных программ кластерного развития экономики, организации мониторинга по выявлению территориальных кластеров, их структуры и локализации; формированию коммуникационных площадок и институциональной среды; руководителями предприятий (организаций) — для организации эффективного взаимодействия с госзаказчиками при закупках (поставках) материальных средств и аутсорсинговых услуг.

Литература

1. Вертакова Ю. В. Стратегическое планирование устойчивого развития региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. № 1. С. 48–53.
2. Видяев И. Г. Оценка развития социально-экономической системы региона: Автореф. ... дисс. канд. экон. наук. Иркутск: НИТПУ, 2011.
3. Гомозов Э. В., Плотников В. А., Чотчаев О. Б. Войсковое хозяйство: практика развития в новом облике ВС РФ: монография. Вольск: ВВУТ (ВИ), 2010.
4. Грицко М. Ю. Военно-экономическое обоснование развития системы тылового обеспечения силовых министерств (служб) на основе интеграции с хозяйственным комплексом региона: Дисс. ... канд. экон. наук. Ярославль: ВФЭИ, 2010.
5. Дюженкова Н. В. Управление экономической безопасностью региона в современной России: Дисс. ... канд. экон. наук. Тамбов: ТГТУ, 2002.
6. Елисеева И. И. Практикум по эконометрике. М.: Финансы и статистика, 2005.
7. Закиров Р. Т. Оценка социально-экономического развития региона на основе анализа качества жизни населения: Дисс. ... канд. экон. наук. СПб.: СПбГИЭУ, 2009.
8. Курбанов А. Х. Механизм реализации аутсорсинга в системе материально-технического обеспечения ВС РФ: проблемы и пути решения // Вооружение и экономика. 2011. № 2 (14). С. 71–81.
9. Ларичев О. И. Теория и методы принятия решений. М.: Бизнес, 2006.
10. Плотников В. А. Интеграция военного и гражданского секторов экономики как тенденция строительства военной организации страны (по материалам Тыла Вооруженных Сил Российской Федерации) // Вооружение и экономика. 2010. № 2 (10). С. 85–88.
11. Плотников В. А. Управление социально-экономическим развитием регионов в посткризисных условиях // Известия Курского государственного технического университета. 2010. № 3. С. 93–100.
12. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993.
13. Сафронов И. Оборонзаказ обсуждают и не выполняют // Коммерсантъ. 2011. 1 сентября. № 162.
14. Файбусович Э. Л., Калоева А. Т., Сазонова И. Е. Различия в реакции российских регионов на мировой экономический кризис // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 2. С. 25–33.
15. Чураков Е. П. Математические методы обработки экспериментальных данных в экономике. М.: Финансы и статистика, 2004.

References

1. Vertakova Yu.V. Strategic planning of a sustainable development of the region // Vestnik of the Voronezh State University. Series: Economy and management. 2005. N 1. P. 48–53.

2. *Vidyaev I. G.* Assessment of development of social and economic system of the region. Dissertation Abstract. Irkutsk: NITPU, 2011.
3. *Gomozov E. V., Plotnikov V. A., Chotchayev O. B.* Army economy: practice of development in new shape of Armed forces of Russian Federation. Volsk: VVUT (VI), 2010.
4. *Gritsko M. Yu.* Military and economic justification of development of system of logistic support of power ministries (services) on the basis of integration with an economic complex of the region: Dissertation Abstract. Yaroslavl: VFEI, 2010.
5. *Dyuzhenkova N. V.* Management of economic safety of the region in modern Russia: Dissertation Abstract. Tambov: TGTU, 2002.
6. *Eliseeva I. I.* Practicum on econometrics. M.: Finance and statistics, 2005.
7. *Zakirov R. T.* Assessment of social and economic development of the region on the basis of the analysis of quality of life of the population. Dissertation Abstract. SPb.: Saint-Petersburg State University of Engineering and Economics, 2009.
8. *Kurbanov A. Kh.* The mechanism of outsourcing realization in system of material support of Armed forces of Russian Federation: problems and solutions // Arms and economy. 2011. N 2 (14). P. 71–81.
9. *Larichev O. I.* Theory and methods of decision-making. M.: Business. 2006.
10. *Plotnikov V. A.* Integration of military and civil sectors of economy as a tendency of construction of the military organization of the country (on materials of the Back of Armed forces of the Russian Federation) // Arms and economy. 2010. N 2 (10). P. 85–88.
11. *Plotnikov V. A.* Management of social and economic development of regions in post-crisis conditions // News of Kursk State Technical University. 2010. N 3. P. 93–100.
12. *Saati T.* Decision-making. Method of the analysis of hierarchies. M.: Radio and communication, 1993.
13. *Safronov I.* Defense order is discussed, but not realized // Kommersant Newspaper. 2011. September 1. N 162.
14. *Faybusovich E. L., Kaloyeva A. T., Sazonova I. E.* Distinctions in reaction of the Russian regions to a world economic crisis // News of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2010. N 2. P. 25–33.
15. *Churakov E. P.* Mathematical methods of processing of experimental data in economy. M: Finance and statistics, 2004.

**Г. А. Евдонин,
А. Д. Ершов**

**G. A. Evdonin,
A. D. Ershov**

Модель взаимоотношений таможни и бизнеса

Model of Relationship of Customs and Business

Евдонин Геннадий Александрович

Санкт-Петербург
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС
Доцент кафедры математики и моделирования
социально-экономических процессов
Кандидат технических наук
Доцент
kmimsep@szags.ru

Ершов Александр Дмитриевич

Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал
Российской таможенной академии
Профессор кафедры управления
Руководитель Центра таможенных нововведений.
Доктор экономических наук
Профессор

Ключевые слова:

таможня и бизнес, математическое моделирование, биматричные игры

Регулирующее вмешательство государства создает ограничения для частного рынка и, следовательно, мотивы нелегально нарушать эти ограничения.

В статье исследуется частный случай проблемы отношений государства и бизнеса, а именно: рассматривается модель взаимоотношений таможни и участников внешне-экономической деятельности, осуществляющих перемещение через границу товаров и транспортных средств.

Моделируется ситуация, когда отношения между таможней и бизнесом могут развиваться по двум направлениям:

- противоборство, конфликт;
- сотрудничество, взаимодействие.

Используется аппарат теории игр с ненулевой суммой. Таможня и представители бизнеса включаются в последовательность игр типа «дилемма заключенного».

Предполагается, что проводятся серии суперигр со случайно выбранными противниками. Игроки демонстрируют рациональное поведение, т. е. хорошо работавшая в прошлом стратегия сохраняется в будущем, а плохо работавшая — изменяется. Стратегия игрока меняется со временем

Evdonin Gennadiy Alexandrovich

Saint-Petersburg
North-West Institute of Administration of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration
Associate Professor of the Chair of Mathematics and
Modeling of Social and Economical Processes.
Ph. D. in Technical Sciences
Associate Professor
kmimsep@szags.ru

Ershov Aleksandr Dmitrievich

Saint-Petersburg
Saint-Petersburg Branch named after Vladimir Bobkov
of the Russian Customs Academy
Professor of the Chair of management
Head of the Centre of the Customs Innovations
Doctor of Science (Economy)
Professor

Key words:

customs and business, mathematical simulation, bimatrix games

Regulating intervention of the state creates restrictions for the private market and, therefore, motives to illegally breaking of these restrictions.

In the article the special case of a problem of the relations of the state and business is investigated, namely: the model of relationship of customs and the participants of foreign economic activity who are carrying out moving through border of the goods and vehicles is considered.

The situation when the relations between customs and business can develop in two directions is modeled:

- antagonism, conflict;
- cooperation, interaction.

Tools of the theory of games with the nonzero sum are used. Customs and representatives of business join in sequence of games of type "prisoner's dilemma".

It is supposed that series of supergames with casually chosen opponents are carried out. Players show rational behavior, i.e. strategy well working in the past remains in the future, and badly working — changes. Strategy of the player changes over time in reply to relative success of strategy of other players.

The first player — customs, is resisted by group of n of players — representatives of business.

в ответ на относительный успех стратегий других игроков.

Первому игроку — таможене, противостоит группа из n игроков — представителей бизнеса. Эта группа играет роль второго игрока в игре «дилемма заключенного».

Проанализированы ситуации равновесия. Сформулировано в аналитическом виде условие, когда налаживание сотрудничества в принципе возможно.

Материал статьи может быть использован при обосновании управленческих решений в области таможенного дела.

Существующая система регулирования мировой торговли создает ограничения для участников внешнеэкономической деятельности (частного сектора) и, следовательно, мотивы нелегально нарушать эти ограничения.

Возникает проблема взаимоотношений государства и бизнеса. Возможно ли взаимодействие, сотрудничество? Или только противоборство, конфронтация? Или государство является исключительно источником различных ограничений, регулирующих и контролирующих правил, налагаемых на свободных экономических предпринимателей, и «Цербером», который жестко контролирует, чтобы эти ограничения и правила неукоснительно соблюдались, тем самым стимулируя противоборство со стороны бизнеса?

В работе исследуется частный случай упомянутой проблемы, а именно: взаимоотношения таможен и бизнеса.

Моделируется ситуация, когда отношения между таможеной и бизнесом (фирмами) могут развиваться по двум направлениям:

- противоборство, конфликт;
- сотрудничество, взаимодействие.

И таможня, и представители бизнеса (будем их называть клиентами) включаются в последовательность игр типа «дилемма заключенного».

Предполагается, что проводятся серии суперигр со случайно выбранными противниками. Игроки демонстрируют рациональное поведение, т.е. хорошо работавшая в прошлом стратегия сохраняется в будущем, а плохо работавшая — изменяется.

This group plays a role of the second player in game "prisoner's dilemma".

Balance situations are analyzed. The condition when adjustment of cooperation in principle is possible is formulated in an analytical look.

The material of article can be used at justification of administrative decisions in the field of customs business.

Стратегия игрока меняется со временем в ответ на относительный успех стратегий других игроков.

Первому игроку — таможене противостоит группа из n игроков — представителей бизнеса, клиентов. Эта группа играет роль второго игрока в игре «дилемма заключенного».

Пусть общая численность игроков, противостоящих таможене, фиксирована W . Игроки должны выбрать одну из двух стратегий:

- быть «честным» (законопослушным, не нарушать таможенное законодательство);
- быть «нечестным» (контрабанда, значимое нарушение таможенного законодательства).

На суперигру случайным образом отбирается n игроков из общей численности W ($n \ll W$).

Суперигра состоит из N повторений (шагов) игры «дилемма заключенного».

На каждом шаге игрок (противостоящий таможене) имеет возможность выбора стратегии: h — быть «честным»; c — быть «нечестным».

Перед каждой суперигрой заново случайным образом отбирается n участников (из общего числа W).

Первый игрок (таможня) также имеет две стратегии:

- t_1 — не проверять, взаимодействовать на доверии, ограничиться оформлением таможенной документации;
- t_2 — проверять, осуществлять таможенный контроль.

Матрица выигрышей одного шага игры имеет вид, показанный на рис. 1.

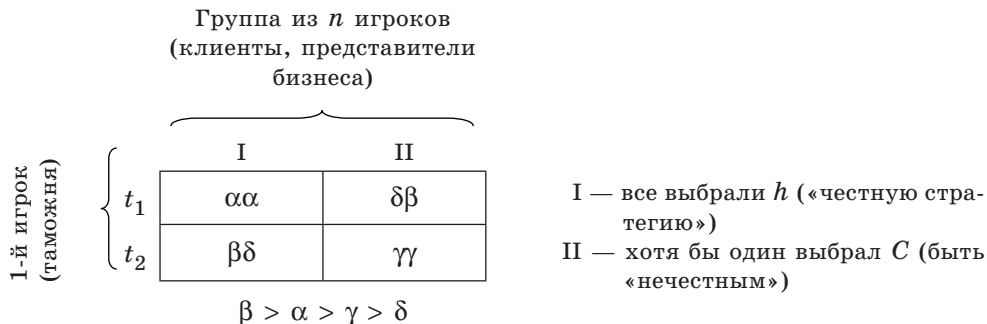

Рис. 1. Матрица выигрышей одного шага игры

После каждого раунда (шага) всем становятся известны выбранные стратегии и прибыли.

В каждой суперигре игрок, противостоящий таможене, может выбирать между двумя стратегиями S :

$$S = \begin{cases} H — \text{быть «честным»}; \\ C — \text{быть «нечестным»}. \end{cases}$$

«Нечестная» стратегия C предполагает выбор поведения c на каждом шаге суперигры.

«Честная» стратегия H состоит в выборе поведения h («честного») на первом шаге суперигры и поведения c на последующих шагах — в случае, если хоть один из игроков выбрал поведение c на предыдущем шаге, т. е.

$$H = \begin{cases} h — \text{на первом шаге}; \\ \begin{cases} h — \text{на последующих шагах, если все } (n - 1) \text{ игроков выбрали } h; \\ c — \text{на последующих шагах, если хотя бы один из } (n - 1) \text{ игроков выбрал } C. \end{cases} \end{cases}$$

После 1-го шага все выбранные стратегии становятся всем известны. Стратегии игроков не меняются в пределах данной суперигры.

Таким образом, «честная» стратегия H предполагает честное поведение h только до тех пор (после 1-го шага), пока не обнаружится, что кто-то из игроков решил играть нечестно.

Стратегия таможи T (1-го игрока) определяется аналогично:

$$T = \begin{cases} T_1 — \text{стратегия доверия, сотрудничества}; \\ T_2 — \text{стратегия сплошного тотального таможенного контроля, противоборства}. \end{cases}$$

Стратегия доверия T_1 предусматривает:

$$T_1 = \begin{cases} t_1 — \text{на первом шаге}; \\ \begin{cases} t_1 — \text{на последующих шагах, если все } n \text{ оппонентов выбрали } h; \\ t_2 — \text{на последующих шагах, если хотя бы один из } n \text{ оппонентов выбрал } C. \end{cases} \end{cases}$$

Стратегия T_2 предполагает осуществление таможенного контроля (поведения t_2) на каждом шаге суперигры.

Есть два типа игроков (противостоящих таможене):

- игроки «оппортунистического типа» (беспринципные), которые могут изменять свою стратегию перед каждой суперигрой — их большинство, и

- игроки, выбирающие стратегию раз и навсегда. Среди последних есть небольшая доля тех игроков, которые всегда выбирают «честную» стратегию. Стратегия «оппортунистского игрока» меняется следующим образом:

$$P_{St+1} = Zf(U_{St})P_{St}, \quad (1)$$

где P_{St} — пропорция (доля) оппортунистических игроков (от общего числа игроков W), которые выбрали стратегию S в суперигре, начавшейся в момент времени t ; P_{St+1} — пропорция (доля) оппортунистических игроков, которые выбрали стратегию S в суперигре, начавшейся в момент времени $t + 1$, т. е. в следующей суперигре; U_{St} — ожидаемая прибыль от выбора стратегии S в момент времени t ; $f(U_{St})$ — некоторая монотонная функция полезности, в простейшем частном случае можно принять $f(U_{St}) \equiv U_{St}$, т. е. полезность исчерпывается прибылью; Z — нормирующий множитель, не зависящий от S .

Прибыли $\alpha, \beta, \gamma, \delta$ на каждом шаге удовлетворяют условиям $\beta > \alpha > \gamma > \delta$.

Для простоты предполагается, что $\delta = 0$.

Пропорции игроков с различными стратегиями обозначим: $\pi_H = \frac{m_H}{W}$ — всегда «честные» (доля), т. е. из общей численности игроков W всегда «честными» являются m_H ; $\pi_C = \frac{m_C}{W}$ — доля всегда «нечестных» игроков, m_C — количество всегда «нечестных» игроков в множестве W ; $P_{Ht} = \frac{n_{Ht}}{W}$ — доля «честных» оппортунистов, т. е. тех, кто к суперигре, начавшейся в момент времени t , решил играть «честно», n_{Ht} — их количество; $P_{Ct} = \frac{n_{Ct}}{W}$ — доля «нечестных» оппортунистов, их число — n_{Ct} .

Тогда, выполняются очевидные балансовые соотношения

$$m_H + m_C + n_{Ht} + n_{Ct} = W$$

или

$$m_H + m_C + V = W,$$

где $V = n_{Ht} + n_{Ct}$ — общее число оппортунистов (при $\forall t$),

$$\pi_H + \pi_C + P_{Ht} + P_{Ct} = 1$$

или

$$\pi_H + \pi_C + \frac{V}{W} = 1.$$

Поскольку суперигра осуществляется со случайно выбранными оппонентами, то вероятность сыграть против n относительно «честных» игроков равна

$$(P_{Ht} + \pi_H)^n, \quad (n \ll W),$$

а вероятность наткнуться хотя бы на одного «нечестного» равна

$$1 - (P_{Ht} + \pi_H)^n.$$

В каждой суперигре ожидаемая прибыль от стратегий складывается из общих прибылей каждого шага.

В дальнейшем для простоты вместо P_{Ht} будем писать просто P_t , а вместо P_{Ct} , следовательно, можно записать $\left(\frac{V}{W} - P_t\right)$

$$P_{Ht} \equiv P_t \text{ и } P_{Ct} \equiv \left(\frac{V}{W} - P_t\right).$$

Тогда, главное уравнение эволюции во времени доли оппортунистически «честных» игроков может быть записано в виде:

$$P_{t+1} = \frac{V}{W} \frac{f[U_{Ht}(P_t)]P_t}{f[U_{Ht}(P_t)]P_t + f[U_{Ct}(P_t)]\left(\frac{V}{W} - P_t\right)}, \quad (2)$$

где

$$U_{Ht}(P_t) = N\alpha(P_t + \pi_H)^n + (N - 1)\gamma[1 - (P_t + \pi_H)^n], \quad (\delta = 0), \quad (3)$$

$$U_{Ct}(P_t) = [(N - 1)\gamma + \beta](P_t + \pi_H)^n + N\gamma[1 - (P_t + \pi_H)^n]. \quad (4)$$

Выражение (2), то же, что и (1), только записанное для изменения во времени доли оппортунистически «честных» игроков (частный случай) и раскрыто содержание нормирующего множителя Z :

$$Z = \frac{V}{W} \frac{1}{f[U_{Ht}(P_t)]P_t + f[U_{Ct}(P_t)]\left(\frac{V}{W} - P_t\right)}.$$

В условиях равновесия доля оппортунистически «честных» игроков не меняется, т. е.:

$$P_{t+1} = P_t. \quad (5)$$

Для сокращения записи при тождественных преобразованиях упрощаем обозначения:

$$f[U_{Ht}(P_t)] \equiv f(H), \quad f[U_{Ct}(P_t)] \equiv f(C).$$

Тогда, из (2), с учетом (5), можно получить условие равновесия:

$$P_t = \frac{V}{W} \frac{f(H)P_t}{f(H)P_t + f(C)\left(\frac{V}{W} - P_t\right)}. \quad (6)$$

Преобразуем (6) к виду, удобному для анализа. Из (6) имеем:

$$\begin{aligned} P_t f(H)P_t + P_t f(C)\left(\frac{V}{W} - P_t\right) &= \frac{V}{W} f(H)P_t, \\ \Rightarrow P_t^2 f(H) + P_t f(C)\frac{V}{W} - P_t^2 f(C) - \frac{V}{W} f(H)P_t &= 0, \\ \Rightarrow P_t^2 [f(H) - f(C)] + P_t \frac{V}{W} [f(C) - f(H)] &= 0, \\ \Rightarrow P_t^2 [f(H) - f(C)] - P_t \frac{V}{W} [f(H) - f(C)] &= 0, \\ \Rightarrow P_t [f(H) - f(C)] \left(P_t - \frac{V}{W}\right) &= 0. \end{aligned}$$

Итак, окончательно, условие равновесия запишется в виде (восстанавливаем обозначения):

$$P_t \{f[U_{Ht}(P_t)] - f[U_{Ct}(P_t)]\} \left(P_t - \frac{V}{W}\right) = 0. \quad (7)$$

Таким образом, существуют три ситуации равновесия:

1. $P_t = 0$,
2. $P_t = \frac{V}{W}$,
3. $f[U_{Ht}(Pt)] = f[U_{Ct}(Pt)]$,

что означает $U_{Ht}(P_t) = U_{Ct}(P_t)$ в силу монотонного возрастания функции f .

- Ситуация 1 соответствует выбору «нечестного» поведения в каждой суперигре, т.е. все оппортунисты стали «нечестными».
- Ситуация 2 означает выбор «честного» поведения — все оппортунисты стали «честными».
- Ситуация 3 возникает в случае, когда относительные выгоды «честного» и «нечестного» поведения будут одинаковы.
- Ситуация 1 — стратегии (t_2, C) или (t_2, II) с вектором выигрыша (γ, γ) на каждом шаге — равновесна по Нэшу, но не оптимальна по Парето.
- Ситуация 2 — стратегии (t_1, h) или (t_1, I) с вектором выигрыша на каждом шаге (α, α) , $\alpha > \gamma$, — наоборот оптимальна по Парето, но не равновесна по Нэшу. В ситуации 2 (сотрудничество) выигрыш больше, чем в ситуации 1 (конфликт).

В ситуации 3 имеет место равенство $U_{Ht}(P_t) = U_{Ct}(Pt)$, которое с учетом (3) и (4) можно переписать в виде:

$$N\alpha(P_t + \pi_H)^n + (N - 1)\gamma[1 - (P_t + \pi_H)^n] - [(N - 1)\gamma + \beta](P_t + \pi_H)^n - N\gamma[1 - (P_t + \pi_H)^n] = 0.$$

Преобразовывая, получим:

$$\begin{aligned} \Rightarrow (P_t + \pi_H)^n [N\alpha - (N - 1)\gamma - \beta + N\gamma] + (N - 1)\gamma - N\gamma &= 0, \\ \Rightarrow (P_t + \pi_H)^n &= \frac{\gamma}{N(\alpha - \gamma) + 2\gamma - \beta}. \end{aligned}$$

Отсюда находим P_t :

$$P_t = \sqrt[n]{\frac{\gamma}{N(\alpha - \gamma) + 2\gamma - \beta}} - \pi_H. \tag{8}$$

По смыслу, величина P_t (доля) всегда неотрицательна ($P_t \geq 0$). При $P_t = 0$ имеем равновесие 1. Значит равновесие 3 существует только при P_t строго больше нуля, т.е. $P_t > 0$. Тогда условие существования равновесия 3 можно получить из (8), учитывая, что $P_t > 0$:

$$\pi_H^n < \frac{\gamma}{N(\alpha - \gamma) + 2\gamma - \beta}. \tag{9}$$

Примечание. Условие $P_t > 0$ должно выполняться и при равновесии 2, но $P_t^{(2)} = \frac{V}{W}$, тогда $P_t^{(3)}$ для имеем: $0 < P_t^{(3)} < \frac{V}{W}$.

Определим:

1-й тип состава клиентов — наличие очень малого числа всегда «честных» игроков, выполняется условие (9).

2-й тип состава клиентов — наличие значительного числа всегда «честных» игроков, неравенство (9) не выполняется, переходит в противоположное.

Таким образом, равновесие в ситуации 3 существует только при 1-м типе состава клиентов и отсутствует при 2-м типе. Равновесие 3 — неустойчиво, малейшего толчка будет достаточно, чтобы сместить его к другому состоянию равновесия.

Равновесие в ситуации 1 стабильно при 1-м типе состава клиентов. У ключевых игроков отсутствует стимул изменять свою первоначальную «нечестную» стратегию *C*.

При 2-м типе состава клиентов равновесие 1 может сохраняться, но оно утрачивает свою стабильность. Даже если вероятность кооперации небольшой группы частных игроков в одной суперигре достаточно мала, но это событие все же произойдет — такая группа получит значительную прибыль. Подобные результаты, коль скоро о них становится известно всем участникам игр, могут стимулировать остальных на подражание «честной» стратегии. Система переходит в качественно новую фазу своего существования, в которой ожидаемая прибыль от кооперативной «честной» стратегии превышает прибыль при выборе «нечестной» стратегии, что ведет к существенному увеличению числа игроков, решающих играть «честно», а это, в свою очередь, еще больше увеличивает прибыль от применения «честной» стратегии игры. Система стабилизируется в новом равновесии 2, где все ключевые игроки выбирают честную стратегию *H*, и это равновесие всегда будет устойчивым по условиям модели.

Из приведенных рассуждений следует, что для реализации сотрудничества между таможенной и представителями бизнеса большое значение имеет наличие в составе клиентов значительного числа фирм, которые всегда выбирают «честную» стратегию (не нарушают таможенное законодательство). Например, применительно к Балтийской таможне «честными» клиентами могут считаться суда заграничного плавания, регулярно заходящие в порт Санкт-Петербург. В особенности суда, следующие по одному и тому же маршруту, — линейные суда. В частности, — пассажирские суда. Фирмы, осуществляющие регулярные пассажирские перевозки, дорожат своей репутацией и не заинтересованы в конфликте с таможней. Экипажи таких судов также воздержатся от контрабанды, так как опасаются потерять свое высокооплачиваемое место работы.

По данным статистики в период с 1 января 2006 г. по 31 декабря 2008-го линейные суда и суда, регулярно заходящие в порт Санкт-Петербург, составили 51,6% от общего числа судов, прибывавших в порт. За указанный период на судах этой группы не выявлено ни одного уголовно наказуемого нарушения и всего 2 административно наказуемых при общем числе комиссий 15 066. В таких условиях налаживание сотрудничества вполне реально. Если в составе клиентов незначительна доля тех, кто всегда выбирает «честную» стратегию (1-й тип состава клиентов), то создать предпосылки для сотрудничества можно, поступая следующим образом: из всего множества клиентов выделить часть (подмножество), в которой доля всегда «честных» значительна (2-й тип состава клиентов), и с этой частью осуществлять сотрудничество. Эта часть будет расширяться, так как остальные, наблюдая более высокие прибыли участвующих в сотрудничестве, будут стремиться войти в их число.

Литература

1. Евдонин Г. А. Математическое моделирование и управление социально-экономическими и политическими процессами. Изд-во СЗИ РАНХ и ГС, 2012. 322 с.

2. *Ершов А. Д., Юрицин В. М.* Методологические аспекты взаимодействия таможни и бизнеса // Вестник РТА. 2011. № 3.
3. *Семенов С. С.* Моделирование процесса таможенного оформления и таможенного контроля транспортных средств (применительно к деятельности Балтийской таможни). Дисс. ... канд. техн. наук. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2009.
4. *Bicchieri C., Rovelli C.* Evolution and Revolution. The Dynamics of Corruption // Rationality and Society. 1995. V. 7. N 2.

References

1. *Evdonin G. A.* Mathematical modeling and management of social, economic and political processes. SPb, Publishing House of North-West Institute of RANEPА, 2012. - 322 p.
2. *Ershov A. D., Yuritsin V. M.* Methodological aspects of interaction of customs and business. SPb., Vestnik of Russian Customs Academy, 2011, N 3.
3. *Semenov S. S.* Modeling of process of customs registration and customs control of vehicles (in relation to activity of the Baltic customs). The thesis on the degree of Candidate of Technical Sciences. SPb, Publishing House of SZAGS, 2009.
4. *Bicchieri C., Rovelli C.* Evolution and Revolution. The Dynamics of Corruption // Rationality and Society. 1995. V. 7, N 2.

Е. В. Федорова

E. V. Fedorova

Развитие конгрессно-выставочной деятельности в России

Development of congress and exhibition in Russia

Федорова Екатерина Валерьевна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов
Аспирант
socman.finec@mail.ru

Ключевые слова:

выставочно-ярмарочная деятельность, конгрессная деятельность, MICE-туризм, выставка, ярмарка, деловой туризм, инсентив-туризм

В статье проанализирована история развития и современное состояние выставочно-ярмарочной деятельности в России, рассмотрены потенциал и перспективы развития конгрессной и выставочно-ярмарочной деятельности России.

Интеграция России в мировую экономику на рубеже XX века изменила взгляд на сущность организации выставок, как инструмента продвижения продукции, поставила новые ориентиры перед выставочной индустрией, выявила потребность в формировании инновационных подходов к организации комплексной услуги представления на рынок товаров посредством участия производителя в специализированных выставках [1]. Задачи разработки нового, отвечающего потребностям современного развития экономики инструментария формирования комплексного выставочного продукта, интеграции его в организационные формы предпринимательской деятельности во всей полноте ставятся перед исследователями не только в России, но и во многих странах мира.

Выставочно-ярмарочная деятельность является инструментом макроэкономической и инвестиционной политики. Сегодня выставки и ярмарки обеспечивают мобильность рынка, создают необходи-

Fedorova Ekaterina Valerievna

Saint-Petersburg
Saint-Petersburg State University of Economics and
Finance The graduate student
socman.finec@mail.ru

Key words:

Exhibitions and fairs, congress activities, MICE-tourism, exhibitions, fairs, business tourism, incentive tourism

In the article the history of the development and current state of exhibition activity in Russia, considered the potential and prospects of the congress and exhibition activities of Russia.

мое информационное поле, формируют значительные финансовые потоки, а также приносят дополнительный доход в бюджеты всех уровней. Выставки являются связующим звеном между внутренними и международными рынками и способствуют привлечению иностранных инвестиций для реализации инвестиционных проектов российских организаций.

Наряду с выставочной, мощным инструментом для продвижения товаров и услуг, а также для обмена новейшей информацией, является конгрессная деятельность. Эта деятельность включает в себя организацию форумов, конгрессов, съездов, саммитов, конференций, симпозиумов, ассамблей, семинаров, бирж деловых контактов, и сопутствующих мероприятий, и таким образом является «событийной». В части «событийной» составляющей конгрессная деятельность корреспондирует с развитием национального и регионального туризма и часто классифицируется как конгресс-

ный туризм или как составляющая профессионально-делового туризма.

Необходимо отметить, что выставки также считаются частью индустрии делового туризма, так как они, по мнению специалистов Делового совета ЮНВТО (подробнее — см. www.academy.rmat.ru), стимулируют путешествия двух категорий людей: участников выставок, путешествующих с целью рекламы и продажи своей продукции; посетителей выставок, посещающих их с познавательными целями, в том числе с целью ознакомления с последними достижениями в разных областях народного хозяйства, заключения контрактов, осуществления покупок. Отметим, что согласно Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011–2016 гг.)», профессионально-деловой туризм является для России одним из приоритетных направлений развития. Общее экономическое развитие, строительство новых и модернизация существующих предприятий в различных отраслях экономики, интенсивный приход на российский рынок иностранных компаний будут определять дальнейший рост профессионально-делового туризма в большинстве городов-мегаполисов.

В настоящее время в условиях растущего единства и взаимозависимости мира, расширения международных контактов в сфере экономики, усиливается инвестиционный аспект туризма [2]. Профессионально-деловой туризм является неотъемлемой частью современного производственного процесса, став самой доходной отраслью туризма. По оценкам Всемирной туристской организации (ЮНВТО), доля профессионально-делового туризма в мире составляет около 20%. Он является одним из самых высокодоходных и перспективных видов путешествий, который характеризуется высоким и стабильным ростом и относительной устойчивостью к воздействию экономических, политических, погодных и других факторов [3, с. 203].

Еще в 70-ых гг. XX в. специалисты Всемирной ассоциации центров международной торговли пришли к выводу, что темпы экономического роста каждой

страны, а также ее бизнес-привлекательность напрямую зависят от уровня развития в ней профессионально-делового туризма [4, с. 16]. Деловой туризм способствует развитию международного и межрегионального сотрудничества, обмену опытом по лучшим практикам управления бизнесом, а также инвестиционными и инновационными проектами. По оценкам экспертов Ростуризма, в течение ближайших пяти лет самые быстрые темпы роста делового туризма будут демонстрировать Китай (+11,2%), Индия (+10,8%), Россия (+7,1%) и Бразилия (+7%). По данным Росстата, за 9 месяцев 2011 г. Россию со служебными целями посетило 4,126 млн. иностранных граждан, что превышает аналогичный показатель 2010 г. на 26%.

В России индустрия делового туризма наиболее активно развита в Москве и Санкт-Петербурге, что объясняется наличием необходимой инфраструктуры и хорошей транспортной доступностью. Все более востребованными становятся такие российские города как Казань, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Самара, Челябинск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск и Владивосток. Потенциальными центрами делового туризма являются города Золотого кольца России, а также Прибайкалье.

К профессионально-деловому туризму относится: конгрессно-выставочный туризм; деловые поездки (командировки); инсентив-туризм. В международной практике используется понятие MICE-туризм, которое расшифровывается как: Meetings Incentives Conferences Events (встречи, поощрительные поездки, конференции, выставки, события). Продвижение российской индустрии MICE-туризма на базе новейших информационных технологий, последних мировых достижений в этой сфере может стать одним из эффективных направлений развития отечественных компаний и их интеграции в мировой экономический процесс.

Инсентив-туризм включает в себя два вида инсентив-туров: индивидуальные туры, которыми фирмы награждают своих сотрудников за высокие показатели

в работе [5] и проведение выездных семинаров, совещаний, конференций, дилерских школ, тренингов по формированию сплоченной команды. По данным Европейской ассоциации инсентив-туризма, среди основных стран-поставщиков инсентив-туристов основную долю занимают США (60%), Великобритания (20%) и Германия (11%). В то время как, основными направлениями инсентив-туров являются: Европа (80%), США (10%) и страны Юго-Восточной Азии (6%). В России инсентив-туризм начал развиваться сравнительно недавно и представляет собой единичные случаи на международном рынке. В секторе делового туризма доля инсентива невелика и составляет порядка 8%, однако рост числа инсентив-туров послужил толчком к расширению тематики конгрессно-выставочной деятельности и проведению специализированных форумов по поощрительному туризму [5].

Довольно сложно провести грань между различными видами делового туризма, так например, участие в конференции (конгрессный туризм) может одновременно сочетать в себе и поощрение (инсентив-тур), и работу (проведение встреч, переговоров во время выставки или конференции — характерный признак бизнес-туризма). Так, по данным Делового совета ЮНВТО, примерно 20% выставок проводятся одновременно с соответствующими конференциями и наоборот. По статистике ЮНВТО, доля конгрессно-выставочного туризма в общем объеме деловых поездок составляет 10–12%. По доходности конгрессные мероприятия уступают выставкам, поскольку рассчитаны на меньшее количество участников. Однако в отличие от выставок конгрессы, особенно международные, ориентируются на эксклюзивное обслуживание, тем самым обеспечивая загрузку лучших гостиниц города. Конгресс- и конвент-отели, способные одновременно принять до 2 тыс. и более участников, стали привычным явлением в Америке, Китае, Сингапуре.

Основной объем рынка конгрессного туризма приходится на Европу, где наряду с лучшими профессиональными ка-

драми, и опытом проведения подобных мероприятий, сосредоточены различные архитектурные, культурные, исторические экскурсионные объекты. Однако доля рынка Европы сокращается на протяжении последних десяти лет, и все большую относительную популярность приобретает Северная Америка, Азия (Ближний Восток) и Латинская Америка, в основном из-за увеличения аттрактивной привлекательности этих регионов. За последние десять лет США и Германия сохранили свои лидирующие позиции среди стран-рекордсменов по проведению на своей территории конгрессных мероприятий. В первой пятёрке стран-лидеров 2011 г. по организации на своей территории конгрессов и конференций, проводимых международными Ассоциациями, следующие страны, сохранившие свои позиции с 2010 г.: США — 759 мероприятия, Германия — 577 мероприятия, Испания — 463 мероприятия, Великобритания — 434 мероприятия, Франция — 428 мероприятия. Первая десятка мирового рейтинга стран 2011 г. по количеству проведенных мероприятий выглядит так: США, Германия, Испания, Великобритания, Франция, Италия, Бразилия, Китай, Нидерланды, Австрия. Их популярность объясняется благоприятной конъюнктурой во многих отраслях промышленности этой страны, повышенным спросом на инвестиционные товары и развитой инфраструктурой. Россия в мировом рейтинге стран 2011 г. по количеству проведенных мероприятий занимает лишь 40 место.

По оценкам Международной Ассоциации конгрессов и конференций (ICCA) за 2011 г. рейтинг ведущих городов и стран по проведению крупных MICE-мероприятий (Country and city rankings Report 2011) выглядит следующим образом: список главных конгрессных городов возглавила Вена, где в 2011 г. прошло 181 мероприятие. За ней следуют: Париж (174), Барселона (150), Берлин (147). На верхних строчках рейтинга стран-лидеров по проведению MICE-мероприятий — США, (с более чем четырехкратным ростом объемов за год), Германия, Испания, Великобритания и Франция.

Россия и российские города не вошли в Топ-20 ни одного из рейтингов ICCA. В 2010 г. Москва в этом списке занимала 100 место, а Санкт-Петербург — только 119. В 2011 г. ситуация изменилась в лучшую сторону: Москва (27 мероприятий) поднялась на 76 место в списке дестинаций, наиболее популярных для проведения конгрессов и конференций, разделив его с такими городами как Бусан и Монтевидео, Санкт-Петербург (26 мероприятий) — поднялся на 79 место разделив его с Бордо, Манчестером и Ригой. Вообще в мире в 2011 г. по данным ICCA наблюдается рост международных деловых событий: так в 2010 г. в мире было проведено 9120 мероприятий, а в 2011 г. уже 10 070 деловых событий.

В России темпы развития событийного туризма не столь стремительны, что объясняется рядом как субъективных, так и объективных факторов. Среди основных факторов можно назвать следующие: недостаточное информирование о конгрессно-выставочных возможностях нашей страны на мировом рынке; отсутствие государственной концепции развития конгрессно-выставочной деятельности [6]; недостаточное количество высококвалифицированных профессиональных кадров, обеспечивающих организацию конгрессно-выставочных мероприятий; сложность получения российской визы; недостаточное обеспечение безопасности пребывания туристов в стране (в частности, отсутствие специальных пунктов для обращения иностранных туристов); недостаточное финансирование развития инфраструктуры в целом, и как следствие — недостаточное количество конгрессно-выставочных площадей, гостиничного номерного фонда, авиаперевозок, линий метрополитена и др.

Необходимо отметить, что ряд задач уже привлек с себе внимание органов государственной власти и начал находить свое решение, так, например, в 2011 г. в России площадь выставочных мероприятий составила порядка 3 млн м² (в том числе было построено 884 000 м² закрытых площадей), в ближайшие годы планируется увеличить площадь выста-

вочных комплексов еще на 752 000 м². Однако на международном конгрессно-выставочном рынке Россия занимает всего 1% от общего объема данной услуги и одновременно со строительством новых конгрессно-выставочных площадок, необходимо продумывать и возможности привлечения крупных международных мероприятий в страну. Для выхода на глобальный рынок необходимо создать национальное конгрессное бюро, которое будет представлять Россию в ведущих международных организациях.

Как отмечалось, в прошлом году в Санкт-Петербурге состоялось 26 мероприятий высокого международного уровня, которые отвечают требованиям ICCA. Главным конкурентным преимуществом Санкт-Петербурга по сравнению со многими европейским конгрессно-выставочными столицами является его уникальная история, архитектура, культурное наследие. Однако для дальнейшего продвижения Санкт-Петербурга как крупного делового центра международного уровня и повышения интереса со стороны ведущих игроков конгрессного рынка, городу необходима современная инфраструктура. Одним из ее элементов станет новый конгрессно-выставочный комплекс «ЭкспоФорум». В 2013 г. планируется ввести в эксплуатацию его первую очередь.

Проект включает в себя шесть выставочных павильонов общей площадью 100 000 м², конгресс-центр с основным залом на 3000 делегатов, две гостиницы, два бизнес-центра, таможенных терминал, склады, рестораны и другие объекты [7]. Предполагается, что Петербургский международный экономический форум в 2014 г. пройдет уже на площадках КЦ «Экспофорум». Однако для того, чтобы полностью загрузить такие площади предстоит разработать стратегию привлечения в Санкт-Петербург крупных европейских и международных конгрессов и выставок, и распределение их между «Экспофорумом», «Ленэкспо» и другими площадками. Необходимо также усиленное развитие туристской инфраструктуры: транспорта (в том числе раз-

витие сети авиамаршрутов, увеличение количества линий метро, и в частности подведение их непосредственно к аэропорту и КЦ «Экспофорум» и др.), сферы общественного питания, гостиничной

индустрии. Введение визовых «коридоров» для делегатов конгрессов, позволило бы существенно увеличить присутствие иностранных участников конгрессов и форумов.

Литература

1. Карпова Г. А., Хорева Л. В. Классификация в туризме: практика и методология // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 2. С. 64–69.
2. Попов А. И., Плотников В. А. Инновационно-креативный потенциал — основа наукоемкой экономики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 4. С. 134–136.
3. Карнаухова В. К., Краковская Т. А. Сервисная деятельность. Ростов-на-Дону: МарТ, 2008.
4. Быстров С. А., Воронцова М. Г. Туризм: макроэкономика и микроэкономика. СПб.: Герда, 2007.
5. Мозокина С. Л. Перспективы развития оздоровительного туризма // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 2. С. 89–93.
6. Миропольский Д. Ю., Дятлов С. А., Плотников В. А., Попов А. И. Государство и рынок: проблемы выбора подходов к управлению развитием национальной экономики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 1. С. 141–145.
7. Новый конгрессно-выставочный центр «Экспо-форум» // Visit-Petersburg.ru. Выпуск от 5.12.2010.

References

1. Karpova G. A., Horeva L. V. Classification in tourism: practice and methodology // Izvestiya of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2012. N 2. P. 64–69.
2. Popov A. I., Plotnikov V. A. Innovative and creative potential — a basis of the knowledge-intensive economy // Izvestiya of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2011. N 4. P. 134–136.
3. Karnaukhova V. K., Krakovskaya T. A. Service activity. Rostov-on-Don: March, 2008.
4. Bystrov S. A., Vorontsova M. G. Tourism: macroeconomic and microeconomics. SPb. : Gerda, 2007.
5. Mozokina S. L. Prospects of development of health tourism // Izvestiya of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2012. N 2. P. 89–93.
6. Miropolsky D. Yu., Dyatlov S. A., Plotnikov V. A., Popov A. I. State and market: problems of a choice of approaches to management of development of national economy // Izvestiya of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2011. N 1. P. 141–145.
7. New congress and exhibition center “Expo-forum” // Visit-Petersburg.Ru. Release of 5.12.2010.

А. Ф. Измайл

A. F. Izmailov

Антропологическая журналистика

Anthropological Journalism

Измайлов Альберт Фёдорович

Санкт-Петербург
Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС
Научный редактор издательско-
полиграфического центра, кандидат
филологических наук
oleg02_07@mail.ru

Ключевые слова:

журналистика, антропология, человек, повседневность, управление

В современных исследованиях заметен интерес к использованию достижений антропологии для более глубокого раскрытия различных видов жизнедеятельности человека. Под термином «антропологическая журналистика» подразумевается онтологическая идея о человеке, как его отражение и познание в позитивной деятельности в природном, культурном, повседневном пространстве. Антропологический подход заключается в том, чтобы раскрыть в системе «человек—управление—журналистика—человек», в журналистском произведении повседневную, витально-личностную жизнь человека, скрытую в повседневности.

Антропологическая журналистика рассматривает проблемы национальной и культурной идентичности, современной мультикультурной среды. Российское полиэтничное и межкультурное пространство обладает большим многообразием культурных традиций, и массовая, межличностная коммуникация способствуют развитию межкультурного диалога, сохранению и укреплению моральных, нравственных, духовных устоев народов.

Современная действительность требует совершенствования управления человеческих отношений не только в ритуально-нормативных структурах, но и, в первую очередь, в повседневной сфере. И в решении этой проблемы ведущая роль принадлежит журналистике антропологической.

Антропологическая журналистика исследует соотношение массовой и межличностной коммуникации, мнения индивида и мнения большинства. Этноантропологический подход позволяет журналистике эффективнее использовать управленческие функции

Izmailov Albert Feodorovich

Saint-Petersburg
North-West Institute of Administration of the
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Scientific Editor of the Publication and
Polygraph Centre
Ph D in Philology
oleg02_07@mail.ru

Keywords:

journalism, anthropology, the person, daily occurrence, management

In modern researches interest to use of achievements of anthropology for deeper disclosing various types of ability to live of the person is swept up. «The anthropological journalism» is meant the term ontologic idea about the person, as its reflection and knowledge of positive activity of natural, cultural, daily space. The anthropological approach consists in opening in system «person-management-journalism-person», in journalistic work the daily, vitalno-personal human life hidden in daily occurrence.

The anthropological journalism considers problems of national and cultural identity, the modern multicultural environment. The Russian polyethnic and intercultural spaces possess greater variety of cultural traditions and mass, interpersonal communications assist progress of intercultural dialogue, conservation and strengthening of moral, moral, spiritual foundations of people.

The modern validity requires perfection of management of human attitudes not only in ritually-normative structures, but also, first of all, in daily area. And in the decision to this problem the leading part belongs to journalism anthropological.

The anthropological journalism investigates a parity of the mass and interpersonal communications, opinion of the individual and opinion of the majority. The ethnoanthropological approach allows journalism to use more effectively administrative functions in the decision interethnic, intercultural, and communicative problems.

Anthropological aspects of management in system «person-management-journalism-person» are based on a number of attributes of human activity (a word, the argument, dialogue, judgments, opinions, installations, sanctions), directed on achievement of demands operated.

Reflecting and analyzing the facts and the phenomena shaping shape of the dynamical validity,

в решении межнациональных, межкультурных и коммуникативных проблем.

Антропологические аспекты управления в системе «человек—управление—журналистика—человек» основываются на ряде атрибутов человеческой деятельности (слово, аргументация, общение, суждения, мнения, установки, санкции), направленной на достижение потребностей управляемых.

Отражая и анализируя факты и явления, формирующие облик динамичной действительности, антропологическая журналистика выявляет пути возможного направления ее движения и место человека во взаимосвязанном пространстве бытия, действительности, реальности.

Рассматривая журналистику как систему социального института, вид общественной деятельности, как ее продукцию, как средство управления, как научную и образовательную дисциплину, следует отметить, что все трактовки категории журналистики исходят, в основном, из понятия ее социальной роли. Таким образом, деятельность человека рассматривается только в так называемых ритуально-нормативных структурах. В тени теоретических журналистских исследований остается повседневная жизнь человека.

Суть антропологического подхода к журналистике заключается в том, чтобы раскрыть в системе «человек—управление—журналистика—человек», в журналистском произведении повседневную, витально-личностную жизнь человека, скрытую в повседневности. Антропологическая журналистика рассматривает проблемы национальной и культурной идентичности, современной мультикультурной среды.

Россия — многонациональное и многоконфессиональное государство, обладающее богатым культурным многообразием, что является ее уникальной силой и национальным достоянием. И СМИ должны служить надежным механизмом организации диалога человека с государственными институтами и различными структурами гражданского общества, механизмом укрепления гражданского единства, гармонизации межнациональ-

the anthropological journalism reveals ways of a possible direction of its movement and seat of the person in the interconnected space of life, the validity, a reality.

ных отношений, механизмом контроля над исполнением принимаемых и предлагаемых решений. Пресса призвана последовательно освещать опыт культурной жизни и развития традиций народов России, деятельность национальных общин, практику управления процессами этнокультурного развития.

В российском полиэтничном и межкультурном пространстве с большим многообразием культурных традиций массовая и межличностная коммуникация способствуют развитию межкультурного диалога, сохранению и укреплению моральных, нравственных, духовных устоев народов.

Ряд исследователей отмечают, что в связи с «радикальной антропологизацией всех видов человеческой деятельности» возрастает интерес к пониманию управления «как особого рода диалога социальных субъектов», к использованию «творческого компонента» в теории и практике управления и журналистики [1]. Антропологические аспекты управления основываются на ряде атрибутов человеческой деятельности (слово, аргументация, санкции, установки, манеры, суждения, мнения), направленной на достижение потребностей управляемых.

Изучение истории, практики и теории журналистики не может быть полным без творческого использования методов антропологии, антропологической журналистики: анализа многообразия и изменчивости биологических, культурных

свойств человека, среды его обитания, взаимосвязей, сопоставления, изучения человеческой природы, культуры, повседневной жизни индивида.

Предметом исследования антропологической журналистики является идея о Человеке. Человек — это и Природа (человек природный, человек биологический, человек в сфере Природы), и Культура (человек в сфере Культуры, в сфере Управления), и человек человеческий (Человек в сфере повседневности).

Реальная жизнь не может рассматриваться в отрыве от отдельного человека, его образа деятельности. Через познание повседневной деятельности человека можно глубже подойти к изучению и отражению социальных и общественных интересов. Круг проблем, рассматриваемый журналистикой, будет неполным без рассмотрения проблем повседневности. К повседневным относится тот тип ситуаций, который отличается от пограничных, кризисных и иных ситуаций, выходящих за рамки обыденного ряда событий. Важными задачами журналистов является объективное, непредвзятое отражение проблем обыденного сознания личности, его ментальности, ценностей. Целостность мира повседневности (профессиональную деятельность, быт, отдых) можно рассматривать с учетом ценностей и смыслов, которыми личность наделяет аспекты своей жизни, в единстве с биологическими, социальными, повседневными структурами жизнедеятельности.

«С самого начала повседневность, — пишет А. Шюц, — предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [15, с. 130].

Человек живет и действует в трех цельных системных взаимосвязанных пространствах: природном, культурном, повседневном.

Рассматривая журналистику как системное явление, мы обращаем внимание не только на тип социально-политической системы общества, но, прежде всего, на антропологию журналистики, на доминанту ее составляющей — личность, как

главное действующее лицо природно-культурной системы.

Природа шире, чем человек, поэтому, как пишет Я. В. Чеснов, «природное в нас можно обозначить метафорой „мышление тела“». «Антропология, — отмечает он, — призвана поставлять обществу природные ориентиры описывающей системы. Они скрыты в мире вещей и институтов, тесно примыкающих к нашим телам» [14, с. 6]. Исходя из философии телесности, концепцию человека как целого В. А. Подорога выстраивает на основе мысленного образа цельного человека: «Существую как часть, но живу образами целого» [10, с. 176].

Многие исследователи (М. М. Бахтин, Л. Н. Коган, Г. Д. Грачев и другие) дают антропологическую характеристику взаимосвязи человека и культуры: культура — это «мера реализации сущностных сил человека»; культура — это «человеческая деятельность, как живая, так и опредмеченная в продуктах культуры»; человек, создавая культуру, формирует себя как личность; культура является объединяющей силой человечества.

Русская журналистика вплотную подошла к исследованию антропологических проблем в начале XX столетия. С 1900 по 1916 г. издавался «Русский антропологический журнал», который публиковал исследования по вопросам частей человеческого тела, положения человека в природе, обществе, этнических отношений, происхождения народов, этнографического описания этносов, медицинской антропологии, классификации населения, международных связей антропологов.

К этноантропологическим вопросам в журналистике обращался ряд исследователей [1]. Если в русской, советской, российской журналистике человек изображался и изображается как отношение «государство—общество—человек», то задача антропологической журналистики трансформировать это отношение как «человек—общество—государство—человек». В системе современного управления (информационные технологии, принятие решений, социальное прогнозирование, политическое управление,

теория организаций, регионоведение, управление персоналом) заметно возрастающее значение антропологического фактора.

Задача антропологической журналистики — исследовать мышление участников системы «управление—учредитель—редакция—журналист—аудитория», их деятельность и общение в социальном, экономическом, экологическом, биологическом, культурном, управленческом, историческом, политическом, психологическом контекстах.

Одна из ключевых задач антропологической журналистики — отыскать способ формирования и функционирования оптимального механизма коммуникации массмедиа с человеком в целях постоянного повышения роли человеческого капитала в развитии социума и самого себя, отражения антропологического содержания социального, государственно-го, муниципального управления.

Формирование человеческого капитала осуществляется в семье, школе (в системе образования), трудовом коллективе, общественной организации, в повседневной жизни, в поведении самого человека, его коммуникативных, мировоззренческих, физических способностях и возможностях.

Антропологическая журналистика ищет пути к пониманию соотношений тех сфер, в которых человек живет и работает, она призывает к любви, силе духа, осознанию смысла жизни, глубине человеческих чувств в отношениях с самим собой (соотношение ума и чувств), отношениях с другим человеком, с окружающим миром.

Журналистские и антропологические изыскания пересекаются в междисциплинарном поле исследований, связанных с такими предметами, как теория информации, социология, психология, антропология знания и управления, массмедиа, субкультуры, сетевые структуры, жизненные стили, культурная коммуникация, семиотика городского пространства, произведения культуры, потребление культурных продуктов и др.

Журналистика как вид деятельности накопила богатый практический и теоретический антропологический мате-

риал, который предстоит исследовать и обобщить.

Журналистский образ человека, погруженный в реальность, трансформируется в ней по-разному, получает многообразную интерпретацию.

К антропологическим признакам идеи антропологической журналистики относится любая характерная особенность, конкретное состояние (вариант), по которому обнаруживается сходство или различие между производителем, получателем журналистского продукта или самими журналистскими продуктами. Это выражение любого человеческого свойства журналиста, читателя, зрителя, слушателя, которое может принимать разную выраженность у разных индивидов (их образов), может быть описано или измерено. Имеются признаки с непрерывным характером вариации, порядковые признаки, номинальные, иные.

Антропологическая журналистика изучает изменчивость человеческих свойств во времени (истории) и пространстве (географии), в производстве, распространении, использовании журналистских продуктов, в определении их качественных характеристик.

Антропологическая стандартизация предполагает выработку характеристик потребителя журналистских продуктов, исходя из определения популяционной нормы и количественных характеристик человека в целях не только снижения затрат на производство и распространение журналистского продукта, но и разработки специальных региональных стандартов (городской, сельский потребитель массовой информации; работник умственного или физического труда; массовый пешеход или массовый автоводитель...). С учетом особенностей антропологического «портрета» производителя, потребителя массовой информации должны складываться содержание и оформление журналистского произведения, продукта.

Расширение медиарынка строится с учетом антропологической квалификации потребителей журналистских продуктов. Чем ближе сходство их антропологических признаков, тем востребован-

нее один и тот же журналистский продукт в межрегиональном пространстве.

В качестве антропологического материала для научного исследования могут выступать: признаки, качество (профессиональное и человеческое) человеческого капитала в системе «человек—управление—журналистика—человек»; стратагемы управления (уровень ситуаций, коммуникации, принцип дополнительного соотношения работников в интересах общего дела, внимание к природе вещей, нюансам жизни); журналистское произведение (тема, содержание, оформление, выводы, востребованность); фотография; технические средства сбора, обработки, анализа, производства, распространения журналистского продукта и др.

Антропологическим объектом исследования может выступать любая единица (журналист); группа (редакция, издательство); антропологическая выборка из межрегиональных антропологических исследований.

При антропологическом исследовании используется (по соглашению) последовательность значений, присваиваемых величине признака по мере ее возрастания (или убывания). Обычно эта последовательность определяется принятым методом измерений величины. В антропологии применяются описательные шкалы, представляющие собой последовательные классы изменения форм объекта, обычно в виде системы образов, их признаков, означивания, вариационного ряда или изменчивости признака.

В результате исследования того или иного антропологического «стандарта» на основе принципа эволюционизма могла быть определена тенденция его упорядочивания, развития/неразвития, а также универсальный стандарт потребителя журналистского продукта (чьи произведения наиболее востребованы публикой, чаще обсуждаются, цитируются).

Этноантропологическое измерение ориентировано на «человековедческие» аспекты публичных и личных отношений.

При антропологическом анализе журналистских продуктов, их качества, ис-

пользования, востребованности обычно устанавливается мера относительного сходства между некоторыми объектами (индивидами, группами индивидов; продуктами, группами продуктов), эти параметры вписываются в систему иных уже исследованных объектов. Мера — степень сходства или отличия объектов с антрополого-журналистскими характеристиками можно назвать антропологической изменчивостью журналистских отношений (между журналистами, группами, продуктами, группами продуктов, потребителями, группами потребителей).

Например, сравнивая тематику, оформление журналистских продуктов советского периода с постсоветским, можно отметить снижение количества и качества материалов о человеке труда; повышение интереса журналистов и аудитории к личной жизни человека (звезд шоу-бизнеса, спорта, политики); более яркое, броское оформление продуктов, ориентированное на сенсационность, визуальную привлекательность, усиление работы зрительного ряда потребителя.

В статье «Священное в обыденной жизни» французский этнограф М. Лейрис обращал внимание на своеобразное, волшебное значение слов, которое они имеют для каждого человека в отдельности, но которое теряется, если рассматривать всех людей вместе.

Как отмечает Я. В. Чеснов, язык антропологии «витально-природный. Этот язык разоформляет культуру и одновременно тело» [10, с. 176]. Таким образом, можно рассматривать сближение языков и видов деятельности массовой и межличностной коммуникаций.

Рассматривая коммуникацию как массовую и межличностную, с точки зрения ее влияния на человека, отметим эоантропоцентрическую концепцию ответственного исследователя коммуникативистики Т. М. Дридзе: «Изучая социальные процессы и, тем более, претендуя на право их регулировать, целесообразно от увлечения структурными социальными единицами вернуться к истоку — к человеку, герою и автору множества социальных драм» [5, с. 22].

Профессор Я. Н. Засурский формулирует вопрос сближения типов коммуникаций следующим образом: «Приближается новая эпоха в развитии культуры информации — индивидуальной, персональной и межличностной коммуникации. Это эпоха новых форм взаимодействия массовой и межличностной коммуникации, массовых и индивидуальных персональных медиа» [6, с. 7].

Как укреплять связи с читателями печатных и электронных СМИ и развивать персональные медиа, способствующие межличностному общению?

В настоящее время персональные блоги есть у людей разных профессий и должностей: у президентов, министров, артистов, журналистов, футболистов. Блогосфера занимает значительную информационную нишу, оказывает двустороннее влияние на взаимоотношения СМИ, блогосферы и читателей.

Редакции печатных изданий всегда чутко относились к читающему человеку, к запросам читателей. Однако в условиях рыночных отношений и развития Интернета многие редакции больше внимания стали уделять деньгам, трафикам, сотрудникам, чем читателям, их интересам и заботам. «Мы, в конечном счете, убиваем профессию, — писала на одном из интернет-порталов — главный редактор Lenta.ru Г. Тимченко, — самое дорогое: работа с читателями отдается сторонним людям».

Журналистские произведения призваны постоянно помогать людям в решении социальных и межличностных проблем, мониторить основные антропологические конфигурации в пространстве культуры: тело, жилище, пищу, обряды и верования, социальные общности.

Наше тело требуется нам постоянно. Требуется для того, чтобы видеть, слышать, осязать, чувствовать, осмысливать, действовать. Ибо истина растворена прежде всего в чувственном.

Тело человека как живой природный организм обладает большими неразгаданными возможностями. Газета «Петровский курьер» на протяжении многих лет последовательно освещает вопросы оздоровления человеческого организма,

обеспечивая диалог читателей с сотрудниками Института перспективной медицины (ИПМ).

«Человеческий организм сам обладает „наноспособностями“, — отмечает руководитель ИПМ, биофизик Н. П. Лехтлаан-Тыниссон, — тем более, что „нанее“ природы ничего нет... Наши врачи много лет применяют „обратную волну“, так называемый, метод оздоровления, основанный на малоизвестном биологическом механизме: клетка способна генерировать большой ответ на минимальный, пороговый стимул. Это утверждение принадлежит лауреату Нобелевской премии Г. Уолду. Наша практика на основе многолетних исследований с учеными ряда институтов это подтвердила» [9, с. 5].

М. М. Бахтин рассматривает «внешнее тело», которое построено взглядом «другого» и включено в пространственную организацию. «Внутреннее тело» переживается самим человеком, и его основной характеристикой является не пространство, а время. Таким образом, следует отметить, что образ тела (пропорции, пластика, анатомия, динамика, эстетика), отраженный в журналистском произведении, является «внешним», созданным «взглядом другого» (журналиста).

Образ души, которая является «жизненным существом человека», можно отобразить через эмоции и чувства в отношениях к самому себе, к другим, к окружающему миру, к прошлому, настоящему, будущему.

Французский писатель П. С. Балланш (1776–1847) писал: «Чувство — это нравственная сила, которая инстинктивно, без помощи разума выносит суждение обо всем, что живет по законам нашей животной, личностной и духовной природы. Чувство никогда не разделяет эти три сферы. Первая связана с физической чувствительностью; вторая — с индивидуальной (или совестью), третья — с нашими мыслительными способностями или душой» [3, с. 37].

Творческие процессы освоения реальной действительности антропологической журналистикой лексически остаются связанными с понятиями: «во-ображение»,

«из-ображение», «пре-ображение», «про-образ», «без-образное» и т. д.

Антрополого-журналистское отношение: «факт/событие—образ» можно представить как «антропологический факт/событие—антропологический/чувственно-осмысленный образ—журналистский/обобщенный антропологический образ—восприятие/интерпретация журналистско-антропологического образа».

Содержание и специфика журналистского образа состоит в том, что он не отражает реальный предмет/явление, а является их обобщением, «видением», которое транслируется в понятиях «воображаемое бытие», «возможная реальность». Журналистский образ можно типизировать как индивидуальный, характерный, типический.

Образотворчество/смыслотворчество выступает как отражение реальных предметов/явлений в виде знаков/символов, раскрывающих отношения человека со всем, что внутри и вокруг него.

Антропологическая журналистика исследует методами антропологического и журналистского анализа проблемы существования человека в природной, культурной, повседневной среде.

Научные журналы являются одним из социальных оснований организации исследовательской работы определенного научного направления, распространения и пропаганды научных знаний, усиления связей науки с практикой, с обществом, развития фундаментальной науки.

Научный и общественно-политический журнал «Вестник российской нации» публикует материалы об отечественном и зарубежном опыте нациестроительства, о формировании российской нации, этнокультурного развития народов Российской Федерации.

Журнал «Антропологический форум» информирует о жизни антропологического сообщества, завершенных проектах, новых тематических книгах, будирует тему увеличения бюджетных мест в вузах для расширения подготовки преподавателей по языку и литературе национальных меньшинств.

В петербургских СМИ регулярно публикуются материалы о практике дея-

тельности национальных творческих коллективов, Домах дружбы, о подготовке и проведении дней культуры народов России, в том числе в ракурсе антропологии. Заведующая музеем ученого-энциклопедиста, автора теории происхождения этносов Л. Н. Гумилева М. Г. Козырева на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» рассказывала о том, что Л. Н. Гумилев считал, что «нельзя изучать один народ отдельно от другого... Для него история этносов была ларцом с разноцветными клубками ниток: если начать их постепенно доставать и вплетать одну нитку в другую, то получится гармоничный узор» [12].

Однако в прессе еще мало публикаций об адаптации мигрантов, о дружбе народов, о культуре и быте малых народов, об устных преданиях, об ученых-этнографах, антропологах. И вина в этом не только журналистов, но и самой этнолого-антропологической среды, не участвующей в создании значимых культурных текстов и образов. Устная история народов является одним из источников конструирования идентичности и противостояния ассимиляции.

Существует ряд проектов антропологического развития. Структуралистская концепция, основывающаяся на посыле, что мышление представителей традиционных культур столь же логично, что и научное, но тем не менее отлично от него, представляется более приемлемой для большинства современных антропологов и лингвистов. Кроме того, ценность этой концепции заключена и в том, что исходит из идеи символического характера языков многих традиционных культур [8].

С. Смирнов предложил проект, смысл которого — «не эксплуатация и уничтожение натурального ресурса среды, а выработка культурного ресурса развития» на основе совершенствования структур повседневного бытия с использованием «культурных сетей» и «субъекта развития» — «навигатора-сетевика», координатора движения развития [13].

Антропологическая журналистика стремится воспроизвести динамический об-

раз создания журналистского произведения.

«Произведение, — пишет В. А. Подорога, — можно толковать в старом классическом философском смысле, как субстанцию, именно как *sub-stantia* (нечто покоящееся, пребывающее, имеющее место в основе), выражающее себя в отдельных модусах и „качествах“. В этом отношении произведение не есть произведение в обычно принятом значении слова (собрание сочинений, книга, фрагмент текста), не то, что произведено или создано кем-то, и что в дальнейшем получает имя автора и качество произведенности.

Произведение — скорее *opus*, т. е. дело („дело всей жизни“, например). Произведение делается, про-изводится, но само никогда не может стать произведенным, актуальным „сейчас и здесь“, оно — не конечный продукт, а условие про-изведения, делания, т. е. всегда вне того времени, где существует возможность выражения. Произведение обладает субстанциональной, но безавторской мощью. Произведение также не совпадает по своим характеристикам с тем, что мы называем „жизнью“, тем более с тем, что мы определяем как „биографию“ или „цель жизни“» [10, с. 141–142].

В журналистском произведении можно выделить «образы» как единицы текста и единицы отраженной реальности, сравнение и изучение которых дает возможность исследовать как творческий потенциал журналиста, так и состояние человека в реальной среде.

Следуя концепции В. В. Савельевой, в журналистском тексте можно увидеть «некоторые типы (разновидности) образов: образы-персонажи, предметный мир, образы-мысли и образы-переживания, звуковые образы, зрительные образы, вкусовые, образы-запахи, осязательные (тактильные) образы» [11, с. 101].

Каждый автор, как отмечает В. В. Савельева, создает свой образ человека, т. е. свою персональную антропологическую журналистику, СМИ формируют обобщенный образ антропологической журналистики, «которая может быть выделена в отдельную область знаний,

подобно религиозной антропологии, философской, педагогической, психологической» [11, с. 101]. Антропологическая журналистика подтверждает известную связь творческого процесса: автор—образ—читатель/слушатель/зритель (интерпретатор, со-творец).

На интернет-сайтах есть немало автопортретов журналистов, журналистов-практиков, журналистов-теоретиков, раскрывающих взаимосвязь журналистики и антропологии.

Журналист-практик, спецкор газеты «Кузбасс» А. Федотова писала: «профессионализм есть любовь. Каждому она открывается по-своему, но в ее истоках — всегда добрый посыл и желания. И только из любви рождается человеческое чудо».

Журналист-теоретик Л. Волова так описала свой автопортрет: «По профессии — журналист. По восприятию мира и ученой степени — философ. Но хлеб насущный приходилось зарабатывать пиаром, копирайтингом, преподаванием в университете, маркетинговыми исследованиями, книгоизданием, рекламой офф- и онлайн, оптимизацией и продвижением сайтов. Для души занимаюсь цветоводством, для тела — йогой».

Есть разные пути воздействия на человека. Одним из них является журналистика, антропологическая журналистика. Она анализирует факты и явления на основе методов аналитической антропологии, помогает творчески отобразить целостный образ человека, выразительно охарактеризовать сущностные антропологические его свойства.

Антропологизм (человек—слово—понятие) мышления журналиста позволяет масштабнее и глубже видеть и отражать место человека в природно-общественном (социально-культурном), повседневном пространстве. Антропологические аспекты журналистики продолжают развиваться. Журналистика «адаптирует» методы смежных, социально-гуманитарных наук, вырабатывая «собственную методологию познания» [7, с. 131].

Для развития теории и практики журналистики полезны антропологические нормы, признаки объектов, их классификация, стандартизация, дру-

гие материалы. Из антропологической теории следует, что нередко альтруизм выгоднее эгоизма. Многие животные, растения тратят свои ресурсы не ради себя, а ради близких, что обеспечивает эволюционный успех целого ряда биологических групп, в том числе человека.

Научная журналистика и аналитическая антропология показывают, что человек — особый род существа, субъект многоэтничного социального процесса, творец взаимодействия природы, культуры, исторического развития этносов, самого себя.

«Человеческие качества» народов и образующих их индивидов, а также отдельных социоантропологических групп, складываясь и трансформируясь, остаются неизменными на протяжении длительного времени. Эти «человеческие качества» содержат в себе ряд социальных и антропологических характеристик: представления народа о себе, собственной миссии; склонность/несклонность к переменам; умение/неумение ужиться с другими народами; готовность/неготовность к жертвам и компромиссам. Вместе с этим, многое, особенно в кризисных обстоятельствах, зависит от человеческих, социально-антропологических качеств ведущих действующих лиц (управленцев), их воли, решительности, самооценки, уравновешенности, дальновидности, степени их внутренней свободы.

«Путь к пониманию России» у журналиста-антрополога проходит «через познание идеологического времени, хаос мнений, столкновение верований и теорий, калейдоскоп лиц. И чтобы разобраться во всех веяниях эпохи и добраться до „правды века“, он старательно и скрупулезно изучает каждого примечательного современника, пытаясь исчерпать его до дна, обнаружить самое ценное, что заключено в образе мыслей» [4, с. 197].

Подобный метод антропологической журналистики можно изложить в схеме: «позиция—слово—действие». Этот метод охватывает «способы измерения и оцен-

ки жизненно-исторических свидетельств с точки зрения их непосредственного участника».

Журналистика как наука призвана разрабатывать эффективные методы использования прессы как инструмента социального управления, обратной связи, совершенствовать организационные методы и приемы управления активностью аудитории. Необходимы мониторинг обратной связи в цепочке «учредитель—управление—редакция—журналист—журналистское произведение—аудитория», публикация востребованных материалов, отвечающих не только современной «повестке дня», но, прежде всего, интересам индивидуума. Антропологическая журналистика, используя механизм обратной связи, должна объективно отражать различные мнения разноликих структур общества, в том числе оппозиционных и, в первую очередь, граждан из всех слоев населения и таким образом индивидуализировать (очеловечивать) формы контактов СМИ с аудиторией.

Антропологическая журналистика, ориентируясь на развитие общечеловеческих ценностей, пытается преодолеть антигуманный способ организации социальной жизни на основе совершенствования человеческих качеств, осуществления благоразумного понимания глобальности, справедливости, ненасилия, использования богатств знаний и способностей человека, свободы и ответственности выбора, творческого саморазвития индивидов.

Под термином «антропологическая журналистика» подразумевается идея о человеке как его отражение и познание в позитивной деятельности в природном, культурном, повседневном пространстве.

Антропологическая журналистика интерпретируется как одно из оснований теории и практики журналистики, методологическое ядро науки о журналистике, которое вбирает в себя научные знания о человеке, о его образе, полученные в процессе междисциплинарных научных исследований, изучения повседневной жизни.

Литература

1. *Абдулатипов Р. Г.* Национальный вопрос и государственное обустройство России. М., 2000; *Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез. М., 1989; *Арутюнов С. А., Рыжакова С. И.* Культурная антропология. М., 2004; *Блохин И. Н.* Этножурналистика в политических процессах: ролевой анализ: Автореф. дисс. ... д-ра полит наук. СПб., 2009; *Туголуков О. В.* Антропология социального управления и власти: Автореф. дисс. ... к-та филос. наук. М., 2006.
2. *Авто-био-графия.* К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1 / Под. ред В.А.Подороги. М., 2001.
3. *Баланш П. С.* О чувстве // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982.
4. *Бархатов В. С.* Литературный портрет. Л., 1985.
5. *Дридзе Т. М.* Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2.
6. *Засурский Я. Н.* Российская модель СМИ в начале 21 века // Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2006. № 2.
7. *Ким М. Н.* Основы теории журналистики. СПб., 2009.
8. *Милетинский Е. М.* Клод Леви-Стросс и структурная типология мифов // Вопросы философии. № 7. 1970.
9. *Петровский курьер.* 2012. 22 августа.
10. *Подорога В.* Эпоха Corpora // Нанси.-Л. Corpus. М., 1999.
11. *Савельева В. В.* Художественная антропология. Алматы. 1999.
12. *Санкт-Петербургские ведомости.* 2012. 15 июня.
13. *Философская антропология: [Электронный ресурс] // Антропологический манифест.* URL: <http://www.antropolog.ru/> (дата обращения: 20.05.2012).
14. *Чеснов Я. В.* Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М., 2007.
15. *Щюц А.* Структуры повседневного мышления. М., 1998.

Reference

1. *Abdulatipov R. G.* The Ethnic question and the state arrangement of Russia., 2000; *Alexeev V. P.* Of Century of Item Historical anthropology and entogenes, 1989; *Arutyunov C. A., Richakova S. I.* Kulturnaja anthropology. M., 2004; *Blohin I. N.* Ethnojournalism in political processes: the role analysis. The author's abstract. SPb., 2009; *Klein L. S.* Cultural-historical process and the theory of the communications // Sides of culture. Theses of reports and performances. SPb., 1997; *Tugolukov O. V.* About Century Anthropology of social management and authority. The author's abstract. M., 2006.
2. *Avto-bio-grafja.* To a question on a method. Notebooks on analytical anthropology. 1. edited by V. A. Podorogi., 2001.
3. *Balanch P. S.* Item With. About feeling // The Aesthetics of early French romanticism. M., 1982.
4. *Barchatov V. S.* Literaturnyj a portrait. Л., 1985.
5. *Dridze T. M.* Ekoantropozentricheskaja model of social knowledge as a way to overcoming paradigmalnogo crisis in sociology // Sociological researches. 2000. N 2.
6. *Zasurskij J. N.* The Russian model of mass-media in the beginning of 21 centuries // The Bulletin Moscow un-that. Sulfurs. 10. Journalism. 2006. N 2.
7. *Kim M. N.* Osnovy's M. of the theory of journalism. SPb., 2009.
8. *Miletinskij E. M.* Claude Levi-Stross and structural typology of myths // Questions of philosophy. N 7.1970.
9. *The Peter courier.* On August, 2012. 22th.
10. *Podoroga V.* Epoch Corpora // Нанси.-Л. Corpus., 1999.
11. *Savelyeva V. V.* Art anthropology. Almaty. 1999.
12. *The St.-Petersburg sheets.* On June, 2012. 15th.
13. *Philosophical anthropology.* [an electronic resource] // The Anthropological manifest. URL: <http://www.antropolog.ru/> (date of the reference: 20.05.2012).
14. *Chesnov J. V.* Telesnost of the person: philosophical-anthropological understanding. M., 2007.
15. *Shuz A.* Struktury of daily thinking. M., 1998.

В. В. Дядик

V. V. Dyadik

Взаимодействие муниципальных образований с региональными органами государственной власти: институциональный аспект

Interaction between municipalities and regional government authorities: institutional aspect

Дядик Владимир Владимирович

Апатиты, Мурманская обл.
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина Кольского научного центра РАН
Старший научный сотрудник
Кандидат экономических наук
vdyadik2006@rambler.ru

Ключевые слова:

местное самоуправление, региональные органы государственной власти, государственные институты

Статья посвящена анализу проблематики взаимоотношений между муниципальными образованиями и органами государственной власти субъектов РФ. На основе международных сопоставлений показаны конъюнктурные предпосылки указанных проблем. Определены и систематизированы институциональные причины дивергенции целей административных элит на местном и региональном уровнях. Доказана неадекватность сложившейся парадигмы государственного управления региональным развитием новым целям российского общества и предложены концептуальные направления ее модернизации.

Введение

Выбранный Россией путь глубокой социально-экономической модернизации выводит на первый план обновление системы общенациональных ценностей. Главным ее элементом выступает человеческая личность. Гарантии самореализации и всестороннего развития человека, лежащие в основе национального самосознания, формирующие этнокультурный, исторический,

Dyadik Vladimir Vladimirovich

Murmansk region, Apatity,
Federal State Budget Science Organization
Institute of Economic Problems named
by G. Lusin of Kola Science Centre of the
Russian Academy of Science
Senior researcher
Ph. D. in Economics
vdyadik2006@rambler.ru

Key words:

local self-government, regional government authorities state institutions

The article is devoted to the analysis of the problems of relationship between municipalities and regional government authorities in the Russian Federation. On the basis of the international comparisons conjuncture preconditions of these problems are shown. The institutional reasons of a divergence of the purposes of administrative elites at local and regional levels are defined and systematized. It is also proved that the current paradigm of public administration is inadequate to the new purposes of the Russian society. And the conceptual directions of its modernization are offered.

научный потенциал развития страны, становятся безоговорочными императивами новой государственной политики. Ее главная цель — повышение качества жизни россиян — поставлена сегодня на самом высоком государственном уровне¹.

¹ В программной статье «Россия, вперед!» Д. А. Медведев определяет повышение качества жизни в России конечной целью всех преобразований, «какую бы сферу они ни затрагивали» [7].

Вместе с тем, практическая реализация задачи разработки и проведения в жизнь государственной политики системного повышения качества жизни сталкивается в нашей стране с определенными трудностями. По данным UN Human Development Report Office (UN HDRO) — исследовательского подразделения ООН, занимающегося вопросами оценки качества жизни, на протяжении последних 5 лет по результатам рейтинга HDI¹ Россия демонстрирует устойчивую стагнацию. В 2007–2009 гг. наша страна занимала 65-е место среди 187 включенных в рейтинг государств, а в 2010 и 2011 г. была отодвинута на 66-е место ближайшим конкурентом по рейтингу — Республикой Беларусь².

Помимо объективных предпосылок, обусловленных социально-экономической депрессивностью многих территорий, нарастающим экономическим расслоением общества, застарелым «букетом» специфических российских социальных проблем, значимым сдерживающим фактором в вопросах повышения качества жизни является «забуксовавшая» на рубеже начала прошлого десятилетия эволюция важнейших государственных институтов. Сформированная в этот период жесткая и косная модель административно-территориальной и финансовой субординации оказалась, как представляется, неспособной к эффективному решению проблем развития человека. Особо ярко противоречия новой системы целей и совокупности институтов, призванных воплотить ее в жизнь, проявились на региональном и муниципальном уровнях государственной иерархии, поскольку большая часть факторов, оказывающих влияние на качество жизни, имеет выраженную «местную» этиологию.

¹ HDI — Human Development Index — интегральный показатель, рассчитываемый ООН ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории.

² http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_EN_Table2.pdf.

Кроме неадекватной современным задачам институциональной конструкции еще одним существенным вызовом является специфическая управленческая парадигма, сформировавшаяся и укоренившаяся в ментальности российских чиновников за 10 лет последовательной политики централизации административных, финансовых и политических ресурсов. Ее главные отличительные черты — несимметричное распределение административных полномочий и ответственности, жесткая конкуренция между уровнями управления за бюджетные ресурсы, примат решения «собственных» вопросов каждым уровнем власти в отдельности над общими целями развития, в том числе над целями развития человека — также наиболее рельефно проступают в контексте взаимоотношений «регион—муниципалитеты».

Целью настоящей статьи стало проведение анализа институциональных проблем на линии взаимодействия «субъект федерации — муниципальные образования» и обоснование концептуальных направлений модернизации парадигмы государственного управления на региональном уровне.

Муниципальный аспект общегосударственных проблем

Хорошей отправной точкой для эмпирического анализа проблем местного самоуправления, обусловленных институциональными причинами, является взгляд на эти проблемы «изнутри», т. е. оценка их состава и значимости непосредственно представителями органов местного самоуправления (МСУ). Материал для такого анализа дают результаты исследования на тему «Взаимодействие власти и общества на местном уровне», проведенного в 2010 г. Общероссийской общественной организацией «Всероссийский совет местного самоуправления» при участии ГУ «Высшая школа экономики»³, в ходе которого были опрошены 1600 респондентов из 70 субъектов РФ, представляю-

³ URL:<http://www.vsmsinfo.ru/article.tmln452>.

щих политической и хозяйственной топ-менеджмент всех типов муниципальных образований (МО). В табл. 1 в порядке убывания значимости перечислены проблемы, представляющиеся респондентам наиболее важными.

Условно их можно разделить на две группы: проблемы, обусловленные действующей системой формальных институтов, и прочие проблемы. При этом ко второй группе следует относить только вопросы низкой социальной активности граждан и недостаточной квалификации муниципальных служащих, в то время как все остальные проблемы так или иначе связаны с несовершенством действующего законодательства и практик его применения. Помимо названной причины, анализу которой во многом и посвящена настоящая статья, у части вопросов из первого блока есть еще одно, даже более существенное, основание для возникновения. Это — общенациональные экономические проблемы.

Для того чтобы проиллюстрировать масштаб недообеспеченности деньга-

ми отечественной бюджетной системы, достаточно сравнить Россию по показателю расходы на душу населения консолидированного бюджета с государствами, на уровень которых мы ставим себе задачу выйти по качеству жизни. Данные табл. 2 наглядно характеризуют величину отставания России от европейских участников «большой восьмерки» по этому критерию. Для сравнения в таблице также приведены данные по Норвегии, являющейся не только европейским, но и мировым лидером по качеству жизни населения (по версии UN HDRO).

Цифры, что называется, говорят сами за себя. На сегодняшний день мы имеем 4–5-кратное отставание по уровню бюджетной обеспеченности от европейских партнеров по «большой восьмерке» и практически 10-кратное (!) отставание от лидера. Естественно, что такой экономический базис просто не позволяет России обеспечивать сопоставимый с Европой уровень производства социальных благ и говорить о реальной воз-

Таблица 1

Наиболее значимые проблемы отечественных муниципальных образований

№ п/п	Варианты ответов	Доля респондентов, выделивших проблему, %
1	Недостаток средств в МО	60,7
2	Низкая социальная активность граждан	28,2
3	Чрезмерное давление проверяющих органов (прокуратура и др.)	24,1
4	Постоянное изменение законодательства, регулирующего сферу МСУ	19,0
5	Ограниченная имущественная база	18,2
6	Отсутствие четких нормативов для определения размеров межбюджетных трансфертов	16,9
7	Наличие конфликтности между уровнями власти (муниципальный район — поселение, МО — субъект федерации)	8,0
8	Низкая квалификация муниципальных служащих	7,8
9	Правоприменительные проблемы при размещении муниципального заказа	6,5
10	Другое	0,8

возможности повышения качества жизни в России до европейского уровня.

Это обстоятельство имеет принципиальное значение не только как самостоятельный фактор формирования экономической проблематики отечественного бюджетного сектора, но и как фактор стрессового воздействия на работу всех формальных институтов. Можно констатировать, что бюджетная сфера находится как между молотом и наковальней между высокими ожиданиями общества по поводу объемов и качества производства социальных благ и объективными бюджетными ограничениями. Опасным результатом работы институтов в условиях стресса является феномен конкуренции за бюджетные деньги

между уровнями административно-территориального деления, который, в свою очередь, подвергает серьезным испытаниям институты, отвечающие за эффективность распределения средств консолидированного бюджета.

Стрессовое воздействие общей финансовой недообеспеченности во многом индуцирует возникновение отмеченных опрошенными проблем ограниченной имущественной базы, отсутствия четких нормативов для определения размеров межбюджетных трансфертов и наличия конфликтности между уровнями управления. Все эти вызовы должна разрешать система государственных институтов. Однако, как показывает практика, она с этой задачей не справляется.

Таблица 2

Расходы консолидированных национальных бюджетов России, Норвегии и европейских стран «большой восьмерки» в 2005–2010 гг., тыс. евро на душу населения

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Германия	12,65	12,73	12,84	13,25	13,93	14,5
Франция	14,66	15,07	15,6	16,09	16,66	16,92
Италия	11,77	12,31	12,52	12,84	13,12	12,96
Великобритания	13,47	14,25	14,84	14,08	13,06	13,82
Норвегия	22,19	23,38	24,79	26,13	26,29	29,53
Россия	1,39	1,69	2,23	2,39	2,61	3,02

Примечание: Источник данных о расходах бюджетов и численности населения европейских стран — европейское статистическое агентство EUROSTAT. URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu>. Источник данных об исполнении консолидированного бюджета РФ — Минфин РФ. URL: <http://www.minfin.ru>.

При построении таблицы учтены следующие методические особенности:

- В состав расходов консолидированных бюджетов включены расходы государственных социальных, медицинских и пенсионных фондов.
- В связи с тем, что в перечне типовых отчетов EUROSTAT сведения о расходах консолидированных бюджетов на душу населения отсутствуют, показатели таблицы получены расчетным путем с использованием информационных массивов General government expenditure by function (COFOG) и Population on 1 January by age and sex. Необходимо иметь в виду, что данные таблицы имеют определенную ошибку округления, поскольку система EUROSTAT представляет сведения об исполнении консолидированных бюджетов в миллионах евро.
- Данные об исполнении консолидированного бюджета РФ, размещенные на официальном сайте Минфина, приведены в миллиардах рублей, что также предполагает ошибку округления.
- Для пересчета расходов консолидированного бюджета РФ в евро использован официальный курс евро, установленный Центробанком России на 31.12.2005, 31.12.2006, 31.12.2007, 31.12.2008, 31.12.2009 и 31.12.2010, соответственно. URL: <http://www.cbr.ru>.

Что мешает институтам работать?

Наиболее характерной чертой и одновременно одной из самых острых проблем сегодняшнего институционального контекста развития территорий является унификация полномочий и источников финансирования деятельности субъектов административно-территориальной таксономии. Не требует специального доказательства вывод о том, что на фоне высокой гетерогенности экономического потенциала субъектов федерации и муниципальных образований любая попытка унифицировать их доходные источники неизбежно делает бюджеты определенной части регионов и муниципалитетов дефицитными.

По итогам исполнения бюджетов за 2009 г. 58 из 83 субъектов Российской Федерации (70%) констатировали дефицит регионального бюджета, в 2010 г. дефицит зафиксирован в 61 субъекте федерации (73%)¹. Консолидированный дефицит муниципальных бюджетов в 2009 г. имел место в 73 (88%) российских регионах², в 2010 г. — в 74 (89%)³. Приведенные данные свидетельствуют о том, что формальные государственные институты, определяющие доходную базу субъектов федерации и муниципальных образований, не адекватны институтам, устанавливающим их обязанности и сферы ответственности. Систематическим результатом работы по «правилам игры», сформированным федеральными законами от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Бюджетным кодексом РФ [4],

является невозможность нормального финансового обеспечения работы без малого трех четвертей субъектов федерации и почти 90% муниципальных образований.

Следующая проблема, на которой следует заострить внимание, — практика централизации доходов, ставшая негласным правилом организации межбюджетных отношений. На региональном уровне главным ее проявлением выступает политика отказа органов государственной власти субъектов федерации от реализации мер по укреплению собственной доходной базы МО. Вместо этого местные бюджеты прочно посажены на «дотационную иглу».

Есть все основания полагать, что привлекательность для регионов идеи дотационного финансирования местного самоуправления помимо изложенных выше экономических причин во многом обусловлена политическими реалиями. Важная особенность отечественной модели государственного управления — подчинение целей регионального развития идеологии централизации политических, административных и финансовых ресурсов и решений. Отмена прямых выборов губернаторов, работа над созданием на региональном уровне политической вертикали, участие в реализации приоритетных национальных проектов и других федеральных инициатив стимулируют региональных чиновников к повышению роли субординации в отношениях с местным самоуправлением.

Решая задачу политического и административного доминирования, большинство российских регионов идет по пути централизации собираемых на их территории бюджетных доходов с последующим распределением их части в виде финансовой помощи между нуждающимися муниципалитетами. По итогам 2010 г. дотации составили 12,63% общего объема доходов консолидированного бюджета всех муниципальных образований страны или 31% их собственных доходов⁴. При этом не сле-

¹ URL: <http://www.iminfin.ru>.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009. 990 с.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 996 с.

⁴ Здесь и далее — данные Федерального казначейства об исполнении консолидированных бюджетов субъектов федерации за

дует забывать, что правила выделения дотаций не устраивают, как минимум, каждый шестой муниципалитет (проблема № 6 табл. 1).

Вместе с тем, субъекты федерации располагают законной возможностью замены дотаций дополнительными нормативами отчислений по налогу на доходы физических лиц, а также правом установления единых нормативов распределения между собственным и местными бюджетами всех видов налоговых поступлений, подлежащих зачислению в консолидированный бюджет региона. Однако, даже хорошо понимая пользу, которую несет муниципалитетам замена дотаций дополнительными налоговыми источниками, региональные власти, тем не менее, воздерживаются от активного внедрения практики передачи доходов. Дополнительные доходы, переданные регионами «вниз», составили в 2010 г. 2,91% общего объема доходов консолидированного бюджета всех муниципальных образований страны, или 7,1% их собственных доходов, что в четыре с лишним раза меньше поступивших в местные бюджеты дотаций.

Как показывает анализ, органы государственной власти субъектов федерации явно недостаточно используют возможности формирования доходов муниципалитетов за счет дополнительных налоговых источников, отдавая предпочтение «трансфертной» модели финансирования муниципальной экономики. Этот вывод в совокупности с констатацией муниципальными образованиями проблем отсутствия четких нормативов для определения размеров дотаций и наличия конфликтности между региональным и местными уровнями власти (табл. 1) позволяет сделать предположение о возможном существовании фактов эксплуатации региональными элитами института межбюджетных отношений. Дополнительным аргументом в пользу этой гипотезы является несимметричность финансовых результатов исполнения местных и региональных бюджетов (данные приведе-

ны в начале настоящего раздела). Большая дефицитность местных бюджетов по сравнению с бюджетами субъектов федерации свидетельствует о лучшем финансовом состоянии последних.

Для того чтобы определить реальные мотивы региональной бюджетной политики, результатом которой является финансовая дискриминация муниципалитетов, необходимо выйти за рамки экономического анализа и еще раз внимательно взглянуть на главные элементы институциональной конструкции, определяющие статус, права и обязанности МСУ в Российской Федерации.

На первом плане находится конституционный тезис о независимости местного самоуправления от органов государственной власти. Муниципалитеты самостоятельно управляют собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения [1]. Следующее важное положение — о возложении ответственности за решение вопросов местного значения на органы местного самоуправления. Это установлено ст. 1 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этим же документом определена и зона ответственности муниципалитетов.

Таким образом, де-юре органы местного самоуправления независимы от органов государственной власти, ответственны за решение установленных законом вопросов местного значения и самостоятельны в работе по выполнению данной задачи. Однако, как показывает практика, достаточными доходными источниками для этого они не наделены.

В условиях действующего бюджетного законодательства размеры доходов муниципалитетов мало зависят от них самих. Получается, что органы местного самоуправления и власти регионов находятся в своего рода институциональной ловушке, когда ответственность за решение «местных» вопросов возложена на муниципалитеты, деньги на их реше-

2010 г., расчеты автора. URL: <http://www.roskazna.ru/reports/mb.html>.

ние находятся у регионов, а формальные механизмы, которые бы могли поставить регионы перед необходимостью справедливого материального обеспечения местного самоуправления, отсутствуют.

Предпосылки модернизации административной парадигмы

Результатом реакции региональных и местных управленцев на перечисленные в предыдущем разделе дефекты институциональной среды является специфическая модель поведения, в которой главное место занимают адаптационные мотивы, а не стремление к стратегическому развитию. Руководители регионов и муниципалитетов вынуждены «вписываться» в институциональную конструкцию, реализующую идеи тотальной унификации и централизации. Закономерным следствием этого выступает возникновение альтернативной (по отношению к официально продекларированной государством) системы стимулов в работе руководства субъектов федерации и муниципальных образований, имеющей мало общего с достижением целей повышения качества жизни.

Для регионов такими стимулами являются:

- стремление к первоочередному решению «собственных» вопросов, закрепленных федеральным центром, без должного внимания к стратегическим целям регионального развития. При этом решение это зачастую может быть формальным, необходимым и достаточным только для целей хорошего отчета «наверх»;
- стремление перетянуть на себя «одеяло» консолидированного бюджета, вызванное недостаточностью собственных доходов и подкрепленное возможностями в области регулирования межбюджетных отношений, предоставленными регионам бюджетным законодательством;
- стремление субординировать отношения с муниципалитетами, спроецировав на местное самоуправление идеи «вертикали власти».

Муниципальные образования так же, как и регионы, подвержены стремлению в первоочередном порядке решить «собственные» вопросы. На второе место в силу неослабевающего вертикального административного прессинга выходит мотив «защиты» от политической и административной экспансии региональных властей.

Разнонаправленность стимулов обостряет отношения между субфедеральным и местным уровнями власти и сокращает возможности конструктивного взаимодействия в вопросах реализации целей повышения качества жизни. В свою очередь, многомерность этой социально-экономической категории на фоне разделения государственных функций требует одновременных и взаимно скоординированных действий обоих административных уровней. Государственные региональные и местные административные практики, мотивируемые альтернативными стимулами, постоянно сталкиваются. В точках их соприкосновения рождается ряд проблем, прямо препятствующих проведению политики повышения качества жизни населения (табл. 3).

Систематизация практических проблем реализации на субфедеральном и местном уровнях политики повышения качества жизни позволяет подвести черту под описанием институциональных предпосылок и социально-экономических оснований сложившейся парадигмы государственного управления региональным развитием, а также «болевых точек» обусловленной ею повседневной административной практики.

Управленческая парадигма, сама по себе являясь неформальным ментальным институтом, с успехом самовоспроизводится в ежедневных административных практиках. В свою очередь, указанные практики, воспринимаемые как правильные методы работы, ежедневно укореняют парадигму в менталитете административных элит. Другими словами, действует механизм положительной обратной связи. Результатом абсолютизации насаждаемых парадигмой стереотипов принятия решений является многократное последовательное

**Генезис проблем, препятствующих проведению политики системного
повышения качества жизни населения**

<p align="center">Альтернативные стимулы для субъектов федерации</p> <p align="center">Альтернативные стимулы для муниципалитетов</p>	<p align="center">Примат решения «собственных вопросов»</p>	<p align="center">Перераспределение в свою пользу доходов консолидированного бюджета</p>	<p align="center">Субординация отношений с органами местного самоуправления</p>
<p>Примат решения «собственных вопросов»</p>	<p>Дивергенция целей администраций регионов и органов местного самоуправления</p>	<p>Возникновение феномена «мягких социальных обязательств». Разделение центров ответственности и центров принятия финансовых и административных решений</p>	<p>Прямое вмешательство субъектов федерации в дела местного самоуправления и искажение местных приоритетов развития</p>
<p>Сохранение политической, административной и финансовой самостоятельности</p>	<p>Бойкотирование местным самоуправлением региональных целей развития</p>	<p>Политическая конфронтация региональных и местных органов власти</p>	

«наступление» на все перечисленные в табл. 3 «грабли», если решение требует учета мнения и региональных, и местных чиновников, и уж тем более если оно требует вложений средств бюджетов обоих уровней.

Следует констатировать, что в существующем институциональном контексте тормозится решение любой комплексной государственной задачи. В свете этой проблемы определение императива системного повышения качества жизни россиян как главной цели государственной политики окончательно лишает сложившуюся парадигму государственного управления регионом прав на существование. Необходимость ее модернизации не вызывает сомнений. Для определения принципиальных путей ее проведения целесообразно еще раз вернуться к системе альтернативных стимулов работы

административных элит и причинам, обусловившим их возникновение.

Основных причин, как уже было показано, — две. С одной стороны, довлеющая над всеми уровнями государственного аппарата идеология всеобщей унификации принципов административно-территориальной организации государства и безальтернативная централизация административных и политических ресурсов и решений. С другой — слабые государственные институты, позволяющие чиновникам воплощать в реальные дела вышеуказанную идеологию.

Очевидно, что и принципиальных направлений модернизации парадигмы также два. Первый путь — это трансформация государственных институтов, их настройка на работу на общие цели повышения качества жизни. Иными словами, создание такой институциональной

среды, в которой примат решения собственных вопросов чисто техническими средствами будет отодвинут на второй план, уступив место приоритетам повышения качества жизни. Реализация этого пути в масштабах отдельного региона невозможна, поскольку требует внесения изменений в целый ряд федеральных законов, что, в свою очередь, предполагает идеологическую перестройку на самом высоком государственном уровне.

Второй путь также связан с переосмыслением преобладающих на сегодня ментальных установок. Его реализация возможна на региональном уровне

и подразумевает отказ от субординационных клише в отношении региона с расположенными на его территории муниципалитетами, либерализацию административной и бюджетной составляющих «муниципальной» политики субъекта федерации. Эти процессы должны сопровождаться максимально широким включением местных сообществ в диалог по вопросам определения целей регионального развития и распределения ресурсов для их выполнения. А сами цели должны быть подчинены императиву системного повышения качества жизни населения.

Литература

1. Конституция РФ (Принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г.).
2. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
4. Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ.
5. Медведев Д. А. Россия, вперед! — материалы сайта <http://www.kremlin.ru>.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009. 990 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 996 с.

References

1. *The Constitution of the Russian Federation*. (Accepted on national vote 12.12.1993).
2. *The federal law of 06.10.1999 No. 184-FZ "About the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of the government of subjects of the Russian Federation"*.
3. *The federal law of 06.10.2003 No. 131-FZ "About the general principles of the organization of local government in the Russian Federation"*.
4. *Budgetary code of the Russian Federation of 31.07.1998 No. 145-FZ*.
5. *Medvedev D. A. Russia, forward!* — From the site <http://www.kremlin.ru> materials.
6. *Regions of Russia. Social and economic indexes. 2009: Statistics digest / Rosstat. M, 2009. 990 p.*
7. *Regions of Russia. Social and economic indexes. 2010: Statistics digest / Rosstat. M, 2010. 996 p.*

В. А. Ачкасова

V. A. Achkasova

Технологический комплекс медиарилейшнз: особенности реализации в GR-деятельности

Technological complex of media realization in GR-activity

Ачкасова Вера Алексеевна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Заведующий кафедрой социально-политических наук
Доктор политических наук, профессор
v.achkasova@gmail.com

Ключевые слова:

Government Relations, комплекс технологий коммуникативного воздействия, медиарилейшнз

В российском социально-политическом поле сформировался запрос на новый вид деятельности — Government Relations («связи с правительством»). Специфика этой деятельности выражается в реализации комплекса коммуникативных технологий, и прежде всего медиарилейшнз, работающих на установление прочных контактов между структурами гражданского общества и органами государственной власти.

Содержание медиарилейшнз многообразно, оно включает в себя массовые и индивидуальные формы работы со средствами массовой информации и их сотрудниками. В первую очередь, следует назвать коммерческое взаимодействие организации со СМИ — наиболее понятный для большинства и распространенный вид бизнес-коммуникации. Речь идет о любом платном размещении информации — рекламы, статьи, покупке эфирного времени и т. д. Однако в силу резкого удорожания этой услуги рилейтеры вынуждены искать более экономичные альтернативы коммерческому взаимодействию.

В последние годы эти поиски значительно активизировались в связи с появлением особой отрасли коммуникативной деятельности фирм, гражданских ассо-

Achkasova Vera Alekseevna

Saint-Petersburg
Saint-Petersburg state university of telecommunications
Head of department of the political and social science
Doctor of Science (Political Science),
Professor
v.achkasova@gmail.com

Key words:

Government Relations, a set of communicative impact technologies, media relations

In the Russian socio-political field was formed request to the new activity — Government Relations. The specificity of this activity is reflected in the implementation of communications technologies set, especially media-relations, working on establishing strong contacts between civil society and state authorities.

циаций и организаций публичного сектора по налаживанию отношений с органами государственной власти. Подобную деятельность, получившую наименование GR (Government Relations — дословно: связи с правительством), исследователи обычно определяют как одно из направлений коммуникационного менеджмента, целью которого является согласование собственных интересов организаций с интересами органов государственной власти различного уровня для снижения рисков и обеспечения устойчивого развития [4]. Запрос на эту деятельность детерминируется самим существованием политической элиты, которая в состоянии, как отмечает А. Дука, «определять символически и практически положения и действия других групп. Но эти действия являются отнюдь не односто-

ронными и произвольными. Они предполагают известное согласие определяемых. Именно само общество включает необходимый момент принятия, возникающей внутри него, но одновременно и возвышающейся над ним иерархии» [3, с. 52]. «Связи с правительством» призваны выступать в качестве своеобразного дополнительного механизма, способствующего созданию указанного «момента принятия». При этом особое место в комплексе Government Relations занимают технологии взаимодействия со СМИ — медиарилейшнз.

В практике GR уже сложились особые формы отношений с медиа, к которым относятся:

- система регулярного информирования СМИ о деятельности субъекта «связей с правительством»;
- мероприятия, проводимые специально для журналистов;
- мониторинг СМИ;
- спичрайтинг — подготовка выступлений представителей организации;
- создание и поддержание системы собственных интернет-ресурсов.

В любом случае важнейшее значение для установления контактов с тем или иным СМИ представляет собой проблема создания благоприятных личных отношений с ведущими сотрудниками данного медиа. Личные связи зачастую являются решающим, а подчас и единственным фактором, позволяющим получить доступ в эфир или на страницы изданий. Желая наладить личный контакт, необходимо собрать подробную информацию о людях, в реальности определяющих политику средств массовой информации. В этом отношении чрезвычайно важно решить следующие задачи: установить, кто является реальным владельцем медиа; кто определяет содержание редакционной политики; кто выступает «лидерами мнений» данного издания/канала — люди, позиция которых определяет повестку дня для СМИ. На основе собранной информации создаются досье на каждого редактора или журналиста, содержащие не только их биографические и контактные данные, но и ценности и жизненные установки. Все это способствует пони-

манию, какие материалы могут заинтересовать данного человека и в целом представляемое им медиа.

Говоря о регулярном информировании СМИ, следует иметь в виду, что далеко не всегда в средствах массовой информации бывает обилие новостных материалов (это зависит от плотности федеральных и региональных событий, времени года и месяца и т. д.). Поэтому чаще всего, особенно если информация облечена в небанальную форму, журналисты заинтересованы ее рассмотреть. При этом дополнительным стимулирующим моментом выступает психологический фактор: постоянное напоминание о себе создает ощущение регулярного контакта с конкретным СМИ и его журналистами.

Не в меньшей степени установлению прочных, взаимовыгодных отношений с медиа способствуют мероприятия, подготовленные специально для представителей СМИ. Традиционными видами встреч с журналистами являются: пресс-конференция, брифинг, «круглый стол», пресс-тур, деловой завтрак, клубы по интересам и пр. Число таких мероприятий неограниченно и зависит от возможностей и творческой фантазии GR-специалистов. Цели указанных мероприятий — поставка информации «из первых рук», которая имеет характер эксклюзивной, а также актуальный диалог с массмедиа. Во всех этих случаях срабатывает принцип личных отношений с журналистами, который не может быть заменен никаким другим формальным принципом. Две формы мероприятий — пресс-завтраки и пресс-клубы/пресс-пулы — наиболее ярко демонстрируют значимость неформальных отношений. В первом случае целью является организация неформальной встречи корпоративных экспертов с журналистами ведущих СМИ, нередко в очень узком кругу: 3–4 журналиста, эксперт или топ-менеджер компании, обязательно также присутствие представителя органа государственной власти. Именно во время завтрака происходит конфиденциальное или кулуарное обсуждение сложных проблем совре-

менного бизнеса или зондирование в ходе доверительного общения мнений властных структур, а также журналистского сообщества по деликатным проблемам. Подобная форма просто необходима, когда следует подготовить общественное мнение к неоднозначным или сложным для понимания шагам руководства бизнес-структуры. Особой формой взаимодействия с журналистами специализированных, отраслевых или профессиональных СМИ являются пресс-клубы и пресс-пулы. В состав пресс-клуба входят тщательно отобранные журналисты-профессионалы, специализирующиеся в конкретной области индустрии, бизнеса, общественной и политической жизни: пишущие, например, исключительно по экологической, спортивной тематике (футбол), по проблемам табачной отрасли и пр. Существует целый ряд приемов, «подогревающих» интерес представителей массмедиа к пресс-клубам:

- в заседаниях обычно участвуют крупные эксперты общенационального масштаба, способные поделиться эксклюзивной информацией (новыми данными, собственными аналитическими выводами, уникальными прогнозами и т.д.);
- при организации выезда на места событий (так называемых пресс-туров) предпочтение отдается членам пресс-клуба с соответствующим VIP-обслуживанием;
- наконец, заседание пресс-клуба обычно заканчивается развлекательной частью — фуршетом, боулинг-турниром, соревнованиями по бильярду и пр.

Главный результат функционирования пресс-клуба — создание собственного журналистского пула, заинтересованного в постоянной поддержке имиджа организации и защите ее репутации в условиях кризисной ситуации. Отметим, что пресс-клубы являются вариативным образованием элитных клубов — важного инструмента лоббирования в частности и в целом деятельности по «связям с правительством». Эффективность функционирования таких клубов за рубежом в деле установления контактов с

представителями власти известна очень хорошо, ее наиболее явно демонстрируют так называемые Ротари-клубы и аналогичные им объединения. В России их деятельность сконцентрирована преимущественно в двух столицах: достаточно давно существуют петербургские Английские клубы и Ротари-клубы в Москве, где имеется своя специфика, широко представлены отраслевые клубы (например, Международный бриллиантовый клуб, московский Международный нефтяной клуб и др.). В определенной степени такие клубы элит, включающие представителей истеблишмента, крупного бизнеса, масс-медиа и т.д., являются микросоциумом, выполняющим функцию консолидации и социализации.

Существенным и необходимым элементом медиарилейшнз является мониторинг СМИ, под которым понимается регулярный просмотр, исследование, анализ журналистских материалов, связанных с деятельностью субъекта GR. Мониторинг выступает важнейшей частью коммуникационного аудита, осуществляемого с целью выяснения места и позиций конкретного субъекта в пространстве публичной коммуникации. Мониторинг предполагает осуществление нескольких этапов работы:

- 1) сбор, обработка и хранение соответствующей информации в оригинальном и адаптированном виде, удобном для дальнейшего использования (бумажном, электронном, видео, аудио и пр.);
- 2) анализ и описание полученной информации — этап, включающий выработку основных выводов, прогнозов и стратегий поведения субъектов на информационном рынке. Анализируется и просчитывается эффективность отдельных каналов СМИ, результативность конкретных авторов, тональность и направленность публикаций, интерес или его отсутствие к субъекту, данной отрасли и т.д.

Еще одним составным элементом медиарилейшнз выступает спичрайтинг. Подготовка выступлений представителей организаций предполагает профессиональное умение оперировать

словами и фактами. Реализуются такие выступления обычно в виде специальных интервью, статей, заявлений, опровержений, комментариев и пр. Форма и жанр выступления зависят от конкретной ситуации и специфики медиаканала. Вместе с тем в работе спичрайтера есть и универсалии, выступающие своеобразными гарантиями его эффективной деятельности: тексты должны не только символизировать идеологию субъекта и доводить его политику до сведения аудитории, но и сам GR-специалист должен идентифицировать себя с ней.

Для того чтобы сохранять власть над общественным сознанием, СМИ вынуждены выполнять две амбивалентные функции: с одной стороны, они должны мимикрировать под межличностную форму общения, создавая у потребителей иллюзию полной информированности и диалогичности, — таким образом они добиваются, чтобы им безапелляционно верили; с другой стороны, предлагаемые медиафакты и события выступают в качестве маркеров существующей системы ценностей, они должны рассматриваться аудиторией как единственно возможная реальность и как руководство к действиям. «Другими словами, — пишет А. Фортунатов, — СМИ вынуждены декларировать одновременно задушевность и прагматизм» [5, с.73].

Чтобы обеспечить восприятие аудиторией предложенных сведений, масс-медиа используют определенный алгоритм действий. На первом этапе осуществляется определенный отбор сведений в качестве релевантных или достойных для трансляции (основные требования: наличие конфликтов, катастроф, жизнь знаменитостей, нечто необычное, производящее яркое эмоциональное впечатление). На втором этапе эмоциональность усиливается с тем, чтобы сделать информацию максимально субъективной (адаптированной к восприятию каждого индивида) и устранить противоречие между содержанием информации и сомнением аудитории в правдивости ее источников [6, с. 212–213].

В массмедиа существует неявная конкуренция фактов, поскольку в конкурент-

ную борьбу вступают не реалии жизни (по степени важности, остроты непосредственного переживания они абсолютно одинаковы вне зависимости от того, где происходят — в Москве или Иваново), а изощренность обработки и техническая обеспеченность их презентации. В этом отношении единичный факт, который не сопровождается комментариями специалистов и экспертов и не повторенный много раз в течение относительно короткого промежутка времени, вряд ли будет замечен.

Речь идет о формировании так называемой «повестки дня» — результате применения метода, используемого для создания события — чтобы пробудить интерес, поддержания его на плаву — чтобы заработать очки в борьбе за аудиторию и, наконец, замалчивания — чтобы «убить» его, когда зрительский интерес начинает угасать. «Продолжительность жизни» события, естественно, варьируется в зависимости от целей, которые ставят перед собой руководители СМИ, от актуальности и важности сюжета. Представляется, на первый взгляд, что события корпоративной жизни еще дальше от повседневных интересов широкой публики, чем политические новости. Однако эмпирические исследования подтвердили, что даже довольно далекие от бизнеса люди нередко с интересом воспринимают сообщения из этой сферы. С другой стороны, молчание по поводу какого-либо предмета делает его почти несуществующим в глазах общественности. В этом контексте очевидным является вывод, что формирование «повестки дня» — направление, входящее в профессиональную компетентность специалистов GR.

Вопрос о том, каким образом коммуникатор может управлять поведением аудитории, устанавливая ту или иную версию повестки дня, решается с помощью анализа механизма указанного феномена. Так, ряд исследователей выделяет пять основных технологий этого механизма [2].

Первая коммуникационная технология создания «повестки дня», чаще всего применяемая в ходе избирательных кампаний, заключается в создании событий,

позволяющих ньюсмейкеру подчеркнуть свои преимущества в сравнении с потенциальными конкурентами: если медийная повестка дня страны концентрирует внимание аудитории на экономических проблемах, то, скорее всего, избиратели поддержат кандидата, который лучше справится с экономикой, например, успешного бизнесмена или руководителя процветающего региона. Если же в СМИ доминирует тема угрозы безопасности страны со стороны международного терроризма или внутреннего сепаратизма, то можно ожидать, что избиратели предпочтут сильного лидера или представителя силовых структур.

При этом очевидно, что аудитория отнесется к проблеме с большей серьезностью, если представить ближайшие последствия неполного удовлетворения требований стоящей за проблемой заинтересованной группы как неизбежную катастрофу. Эффективность восприятия информации зависит и от степени персонализации проблемы.

Вторая коммуникативная технология состоит в смещении акцентов коммуникации с интерпретаций на факты. Публике нужны не просто факты, а именно новости. Поэтому политики и корпорации, стремящиеся завоевать и сохранить место в общественной повестке дня, вынуждены постоянно производить новости. В связи с этим в обиход прочно вошел новый специальный термин «строительство повестки дня» (agenda building), окончательно разрывающий с традицией поиска объективных оснований иерархии общественных приоритетов.

Третьей технологией стало постоянное отслеживание с помощью методов эмпирических исследований изменений в повестке дня. Мониторинг СМИ и выделение наиболее популярных тем становится повседневной практикой специалистов в области установления коммуникации. Новейшие компьютерные технологии позволили автоматизировать этот процесс. Сегодня на рынке представлено несколько различных программ, позволяющих отслеживать медийную повестку дня. Одна из наиболее

популярных программ даже носит название «Agenda».

Учитывая, что сегодняшняя повестка дня заполнена преимущественно негативными сюжетами, вызывающими, в силу психологических особенностей, наибольший интерес публики, встает вопрос о целесообразности проникновения в эту повестку политических субъектов и корпораций с целью формирования и продвижения своего позитивного имиджа. В этом плане необходимо применение четвертой технологии, которая сводится к преодолению своеобразного фильтра, пропускающего в новостные сообщения преимущественно негативную информацию. Эта технология складывается из двух стратегий [2, с. 21].

Первая стратегия состоит в том, чтобы увязать имидж своей организации с решением определенной общественной проблемы, которая часто воспроизводится в СМК через тематические негативные сюжеты. Например, компания, производящая экологически чистую продукцию, вполне может воспользоваться преимуществами соответствия повестке дня, заполненной сюжетами о загрязнении природы. Подобным образом корпорациям и партиям удастся соответствовать негативной по преимуществу повестке дня, зарабатывая дополнительные имиджевые дивиденды.

Специфика второй стратегии заключается в том, что корпорации, используя свои лоббистские возможности, стремятся воздействовать на правительственную повестку дня. Такая стратегия проникновения в медийную и публичную повестку дня может оказаться проще и эффективнее, чем непосредственная работа со СМИ.

Наконец, пятая технология, возникшая в конце XX в., связана с особенностями рутинной деятельности СМИ по производству новостных информационных сюжетов, поскольку из множества происходящих событий на статус новостей, заслуживающих внимания СМИ, могут претендовать лишь те, которые соответствуют «формату» СМИ. Для специалистов в области GR деятельность по «редактированию» новостных сюжетов

особенно актуальна. Для обозначения этой деятельности возник даже специальный термин «спин-докторинг» (spin doctoring), который обычно переводят на русский язык как медиаманипулирование. Спин-докторинг — корректировка освещения события в массмедиа, принявшего неблагоприятный оттенок; подача события в более благоприятном свете. Специалист этой профессии старается предложить СМИ свою версию интерпретации события. Более того, спин-доктор занимается «подготовкой ожиданий аудитории» [3, с. 70].

Главная черта спин-докторинга заключается в способности отобрать наиболее эффективные сообщения, предложить их наиболее значимым каналам, выбрав для этого самое подходящее время. Таким образом, спин-доктор фактически «создает» событие, акцентируя внимание на «снятии» или актуализации тех или иных тем. В этом отношении можно говорить о мощи символической власти, которая, по мысли П. Бурдьё, «обладает свойством скрывать или обнаруживать реально существующие объекты» [1, с. 149]. Нарботана целая система приемов такого «снятия» или актуализации: показ кого-то засыпающего во время выступления политика, комментарии за кадром, выдергивание отдельных цитат могут принципиально изменить отношение аудитории к тому или иному «лидеру мнений» или событию. Можно было бы назвать и целый ряд других технологий, реализующих задачу управления новостями.

В то же время, несмотря на тесную взаимосвязь, отношения ньюсмейкеров с медиа очень непросты, поскольку содержат в себе определенный потенциал конфликтности: желание вызвать на контакт журналистов подчас реализуется или неумело, или излишне назойливо, что вызывает негативную реакцию представителей СМИ. Объективно в взаимоотношениях с массмедиа существует некое динамическое напряжение — фундаментальный конфликт интересов делает взаимодействие между специалистами в области связей с правительством и жур-

налистами весьма противоречивым: роль GR-специалиста, выдвигающего и пропагандирующего определенную версию ситуации или стремящегося представить в выгодном свете свою организацию, может быть полностью противоположна роли журналиста, стремящегося докопаться до истины.

GR-специалист часто вынужден оказывать давление на журналистов. Формы этого давления могут быть разными: стремление во что бы то ни стало «протолкнуть» свой материал или изменить интерпретацию подаваемой информации наталкивается на резкую оппозицию представителей СМИ. Кроме того, конфликты с медиа возникают в силу отсутствия информационного повода, а также нежелания или неумения оперативно поставлять информацию — журналисты хотят получить материал срочно и сейчас.

Формы конфликтов с медиа могут иметь различный характер, но чаще всего выражаются либо в игнорировании поставляемых GR-специалистами материалов и проводимых ими мероприятий, либо в их негативном освещении.

Как видно, в вопросах взаимодействия рилайтеров с медиа нет никаких гарантий. В качестве единственной гарантии выступает профессионализм и репутация специалиста по GR, его умение планировать освещение события и максимально использовать любой контакт с представителями медиакругов.

В этом отношении необходимо придерживаться принципов медиарилейшнз, позволяющих сделать эти отношения успешными.

1. Интерактивный характер отношений GR и медиа — эти отношения должны быть прочными и взаимовыгодными.
2. Формирование своей репутации как достоверного источника — поставляемый материал должен быть точным и надежным, только тогда сами журналисты будут считать отношения прочными и необходимыми.
3. Всестороннее оказание помощи в обеспечении материалом — в организации интервью, съемок, предоставлении уже отснятой ранее информации.

4. Обеспечение возможности для проверки материала (например, предоставление возможности журналистам увидеть описываемые процессы своими глазами).
5. Формирование и упрочение личных взаимоотношений с представителями медиа — только в этом случае речь может идти о создании собственного журналистского «пула».

Взаимоотношения с представителями СМИ — сфера сложных и деликатных связей, эту сферу должно характеризовать ключевое слово — «доверие»: доверие журналиста к правдивости и качеству получаемой им информации и доверие специалиста по GR к профессиональным и этическим качествам тех, кто эту информацию делает публичной.

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 137–150.
2. Гончарова С. В. Формирование повестки дня: от теоретической модели к сумме технологий // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: Сб. науч. статей / Отв. ред. О. Г. Филатова. Ч. 2. СПб.: Роза мира, 2006. 234 с.
3. Дука А. В. Концептуальные основания анализа властных элит // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. СПб., 2011. № 1. С. 48–62.
4. Поцепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.; К.: Рефл-бук, 1999. 352 с.
5. Толстых П. А. GR. Практикум по лоббизму в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 379 с.
6. Fortunatov A. N. Способны ли массмедиа стать «фабрикой слухов»? О некоторых аспектах взаимоотношений межличностной и массовой коммуникации // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: Сб. науч. статей / Отв. ред. О. Г. Филатова. Ч. 2. СПб.: Роза мира, 2006. 234 с.
7. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика. М.: Аспект Пресс, 2004. 382 с.

References

1. Bourdieu P. Social space and symbolical power // Thesis. 1993. N 2. P. 137–150.
2. Goncharov S. V. Agenda formation: from theoretical model to the sum of technologies // Communication and designing of social realities: Collection of articles / Edited by O. G. Filatov. Part. 2. SPb.: World rose, 2006. 234 p.
3. Duca A. V. Conceptual bases of the analysis of imperious elite // Administrative consultation. Actual problems of the public and municipal administration. SPb., 2011. N 1. P. 48–62.
4. Potseptsov G. G. Communicative technologies of the twentieth century. M.; K.: «Ref-buk», 1999. 352 p.
5. Tolstykh P. A. GR. Workshop on lobbyism in Russia. M.: Alpina Business Buks, 2007. 379 p.
6. Fortunatov A. N. Whether mass media are capable to become «factory of hearings»? About some aspects of relationship of interpersonal and mass communication // Communication and designing of social realities: Collection of articles / Edited by O. G. Filatov. Part 2. SPb.: World rose, 2006. 234 p.
7. Zwick V. L. Television journalism: History, theory, practice. M.: Aspect Press, 2004. 382 p.

С. М. Виноградова

S. M. Vinogradova

Медиарилейшнз в контексте взаимодействия публичной дипломатии, PR и GR: концептуальные аспекты

Media relations in the context of interaction of public diplomacy, PR and GR: conceptual aspects

Виноградова Светлана Михайловна

Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Заведующий кафедрой теории и истории международных отношений. Доктор политических наук, профессор
vinogradovasm@inbox.ru

Ключевые слова:

медиарилейшнз, связи с общественностью, связи с государством, публичная дипломатия, средства массовой информации, международные отношения, государство, международные организации, бизнес, глобализация

Вопросы, связанные с информационно-коммуникационной деятельностью на международном уровне, сегодня рассматриваются в более широком контексте. Одной из очевидных граней соприкосновения государств, международных неправительственных организаций и транснациональных корпораций становятся медиарилейшнз. Возможности как «старых», так и «новых» СМИ, в том числе Интернета и мультимедиа, активно используются для продвижения тех или иных интересов и развития диалога с общественностью разных стран и регионов мира.

Работа со средствами массовой информации (СМИ) в условиях становления информационного общества и распространения коммуникационных сетей обретает особую динамичность. Чтобы глубже понять специфику медиарилейшнз в контексте взаимодействия публичной дипломатии, PR и GR, необходимо прояснить некоторые концептуальные аспекты этих взаимосвязанных феноменов.

По мнению ученых, пока еще нет исчерпывающей дефиниции понятия

Vinogradova Svetlana Mikhailovna

Saint-Petersburg
St Petersburg University
Head of the Chair of the Theory and History of International Relations Studies
Doctor of political sciences, professor
vinogradovasm@inbox.ru

Key words:

media relations, Public relations, Government relations, Public diplomacy, massmedia, international relations, state, international organizations, business, globalization

Issues related to information and communication activities at the international level, today are considered in a broader context. media relations become one of the obvious facets of contact of states, international non-governmental organizations and transnational corporations. The possibility of both «old» and «new» media, including the Internet and the multimedia are actively used for promotion of those or other interests and the development of a dialogue with the public of different countries and regions of the world.

публичной дипломатии (PD), которое лишь постепенно входило «в российский научный лексикон и общественно-политическую практику»¹. В середине 1960-х гг. PD определялась как влияние позиций общественности (обществен-

¹ *Рогозин А.* «Общественная дипломатия» НАТО и угрозы информационной безопасности России: [Электронный ресурс] // 2008. 5 декабря. URL: <http://www.molpalata.ru/opinions/more/?id=...> (дата обращения: 23.02.2012).

ных установок) на содержание и способы реализации внешней политики. Это объяснялось стремлением продвигать имидж государства за рубежом, усилением активности неправительственных организаций, а также расширением потока идей и информации на международном уровне. В США публичная дипломатия со временем стала восприниматься, во-первых, как совокупность культурных, информационных и образовательных программ, спонсируемых государством, во-вторых, как международный обмен людьми и сообщениями. Цель этих мероприятий — продвижение национальных интересов страны путем достижения взаимопонимания с зарубежной аудиторией на основе информирования и влияния¹.

Информирование и оказание влияния на зарубежную общественность в процессе диалога, в том числе с помощью СМИ, служит сердцевинной публичной дипломатии, которая сегодня выступает в роли неотъемлемого компонента международных отношений и современного коммуникативного пространства, обладающего сложной и разветвленной структурой². Диалогичность PD во многом сближает ее с PR, который имеет давнюю историю, связанную с поиском путей управления общественным мнением [7]. В научной литературе и в дискуссиях, в том числе развернувшихся в Интернете, звучат высказывания о том, что PD и PR нельзя приравнивать друг к другу. Однако публичную дипломатию нередко рассматривают под углом зрения связей с общественностью, мотивируя это тем, что правительства все чаще становятся активными участниками международного PR, а значит, привлекают все возрастающее число специалистов по связям с общественностью для форми-

рования своего имиджа на глобальном уровне³.

Исследователи отмечают наличие некоторого расхождения между американскими и британскими позициями в отношении целей и задач публичной дипломатии и связей с общественностью: «Британская публичная дипломатия, в отличие от американской, в большей степени направлена не на изменение мира путем воздействия на общественное мнение за рубежом и демонстрации привлекательного образа своей страны, а через улучшение имиджа и реального состояния дел в государстве по результатам максимально открытого диалога по широкому кругу внутренних и международных проблем по всему миру» [1, с. 90].

Что же касается PR, то в Америке заметна тенденция его приравнивания к рекламе, маркетингу и брендингу, а в Британии признается не только разница между PR и PD, но также их очевидное сходство. Отличия связываются с характером аудитории и способами проведения информационных операций, а сходство — с диалогом, стремлением к гармонизации взглядов и отношений. Речь идет о том, что происходит своеобразная конвергенция между PD и PR. Отказ от признания синонимичности этих понятий объясняется непониманием сущности современных связей с общественностью и неспособностью отказаться от негативных стереотипов, поверхностно отражающих суть нынешнего PR⁴.

В отечественных научных публикациях эти два понятия выступают иногда как равнозначные: публичная дипломатия определяется как своего рода внешний PR, «который осуществляется

¹ DefiningPD [Электронный ресурс] // Сайт Wikja. 2009. November 21th. URL: <http://publicdiplomacy.wikia.com/wiki/DefiningPD> (дата обращения: 24.02.2012).

² Public diplomacy: [Электронный ресурс] // URL: http://www.en.wikipedia.org/.../Public_diplomacy (дата обращения: 24.02.2012). См. также: [2].

³ Lee Hyung Min. Public Diplomacy as International Public Relations: Speculation on National Determinants of World Governments' Web Public Diplomacy Interactivity: [Электронный ресурс]. 2008. URL: http://www.citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/1/7/0/5/5/pages170558/p170558-4.php (дата обращения: 24.02.2012).

⁴ Public diplomacy or public relations? [Электронный ресурс] // 2009. March 9th. URL: <http://www.cb3communications.com> (дата обращения: 24.02.2012).

в национальных интересах и ориентирован на региональную и/или глобальную аудиторию» [8, с. 3]. Таким образом, наиболее близким к публичной дипломатии в институциональном плане оказывается внешний государственный PR. Вместе с тем, в условиях структурной эволюции связей с общественностью на международном уровне, спектр их взаимовлияния с публичной дипломатией на ценностно-деятельностном уровне приобретает более сложный и многокрасочный характер.

Перспективы публичной дипломатии и международного PR неоднозначно оцениваются представителями разных научных школ и идейно-политических устремлений. Те, кто придерживается позиций классического политического реализма, считают государство главным актором международных отношений, а их важнейшими приоритетами — силовую политику и безопасность. Зарубежная общественность для них оказывается лишь передаточным механизмом, помогающим внести изменения во внутреннюю политику той или иной страны. В рамках иных концептуальных подходов государство уже перестает быть ведущим игроком на мировом политическом поле, где появляются новые действующие лица, в том числе неправительственные, роль общения с которыми (и между которыми) постоянно возрастает. Жесткая сила теряет свою уникальность в качестве единственно значимого фактора в развитии международных отношений. Больше внимания начинает уделяться «мягкой силе», где на первый план выступает привлекательность, с помощью которой страна может добиться больших успехов на мировой арене. Отсюда и изменения в понимании назначения публичной дипломатии: ей необходимо привлечь зарубежное общественное мнение к ценностям своей страны¹. По мнению отечественных ученых, возрастающее влияние общественного

мнения влечет за собой ужесточение требований по отношению к дипломатам, специализирующимся в сфере PR и информации².

Американский ученый Дж. Най (младший) считает, что восприятие публичной дипломатии как пропаганды утратило свою эффективность, в то же время ее нельзя свести к кратковременной рекламной кампании³. Действительно, абсолютное приравнивание публичной дипломатии к пропаганде — как на практическом, так и на теоретическом уровне — влечет за собой негативные последствия: информационно-психологические войны постулируются и выступают в качестве системного основания международных информационных процессов. Отсюда и критика, которой представители мировой общественности часто подвергают публичную дипломатию, тем более что границы между пропагандой, PR, общественной дипломатией и психологическими операциями не являются непреодолимыми⁴.

Изменения в концептуальном осмыслении и практической реализации публичной дипломатии и международного PR связаны с динамикой современных глобальных и региональных процессов, а также их отражением в научном сознании. Согласно альтернативным моделям глобализации идет превращение мира в «единое социокультурное место», лишенное четких географических координат: «Мир „сжимается“, становится единым, лишенным существенных барьеров и дробления на специфические зоны социальным пространством» [4]. Исходя из теоретических положений Ю. Хабера-

² Зонина Т. В. Новые проблемы дипломатии: [Электронный ресурс] // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004. URL: <http://www.mgimo.ru/files/34282/34282.pdf> (дата обращения: 24.02.2012).

³ Най Д. С. Новая публичная дипломатия. [Электронный ресурс]. 2010.02.10. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/nye79/Russian> (дата обращения: 24.02.2012).

⁴ Рогозин А. «Общественная дипломатия» НАТО и угрозы информационной безопасности России...

¹ Nye J. S. The New Public Diplomacy: [Электронный ресурс] // Project Syndicate. 2010. Feb. 10. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/nye79/English> (дата обращения: 24.02.2012).

маса, исследователи акцентируют две тенденции развития современного мира: глобальную институционализацию жизненного мира и локализацию глобальности¹. В «глобальной социологии» Г. Терборна мир трактуется не как территория проживания человечества, а как совокупность структурированных социальных и культурных систем, для которых большое значение приобретают интеркоммуникация и глобальная связанность².

С «социологическим глобализмом» подчас связывают и будущее публичной дипломатии, поскольку оно связано с особенностями процесса миграции, которая приводит к расширению непосредственного общения между представителями разных культур. А значит, видоизменяется сущность публичной дипломатии: ее обычная «ориентация» вовне дополняется ориентацией «вовнутрь». «Внутренняя публичная дипломатия» призвана наладить диалог с новой общественностью, которая в меняющихся условиях превращается в равноправного участника коммуникации: «В этом процессе конвергенция между публичной дипломатией и связями с общественностью будет увеличиваться, так как обе коммуникативные практики осуществляются в одной и той же среде»³.

Процессы, обозначенные выше, протекают в условиях изменений планетарного масштаба, когда помимо государственных связей, реализующихся в значительной своей степени на базе принципов внутри- и межгосударственных отношений и международного права, формируются сетевые пространства, а также не интегрированные в мировые порядки зоны и участки [3, с. 28–29].

¹ «Жизненный мир» в концепции Хабермаса: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000197/st080.shtml> (дата обращения: 24.02.2012). См. также: [4].

² Цит. по: [5].

³ Falconi T. M. Public diplomacy, soft power and sociological globalism: where they integrate with public relations: [Электронный ресурс] // 2007. July 1. URL: <http://prconversations.com> (дата обращения: 24.02.2012).

Динамику эволюции публичной дипломатии и ее сближения с PR, а также теоретико-практических подходов к обозначенным феноменам проследживает А. В. Долинский. Он пишет, что сегодня «конкуренцию традиционному журналистско-дипломатическому подходу к публичной дипломатии составили специалисты в сфере маркетинга и связей с общественностью» и что «традиционные методы публичной дипломатии и новые маркетинговые скорее дополняют, чем исключают друг друга»⁴.

Как мы видим, цели, задачи и средства публичной дипломатии и связей с общественностью в сфере международных отношений во многом совпадают, что объясняется комплексом причин. Одной из них является историческая эволюция PR, его интернационализация и глобализация. По ожиданиям экспертов, международное сотрудничество будет привлекать все большее число служб в области связей с общественностью, успеха достигнут только глобально ориентированные компании в сфере публичных релейшнз, а главным качеством PR-консультанта станет глобальное мышление [10, с. 4–5, 177]. В связи с превращением коммуникаций в часть мировой экономики представители крупных международных PR-агентств утверждают: «Будущее групп и сетей состоит в реализации возможности работать в мировом масштабе. Сеть — это нечто большее, чем набор точек на карте мира. Это означает, что вы должны уметь работать на международном рынке так же эффективно, как и на национальном, и иметь возможность предлагать услуги такого же высокого уровня» [10, с. 11].

Наряду с понятиями публичной дипломатии и связей с общественностью сегодня распространено еще одно — Public Affairs (PA). П. А. Толстых определяет PA и как отношения с государственными

⁴ Долинский А. В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии: [Электронный ресурс] // 2010. 16 марта. URL: <http://www.fondedin.ru/dok/dolinskiy.pdf> (дата обращения: 24.02.2012).

органами, и как достаточно узкую сферу связей с общественностью. По его же наблюдениям, РА часто идентифицируются с лоббированием, PR и GR, хотя он отличается от них¹. Public Affairs представляют собой вид деятельности «по установлению и поддержанию связей организации и выстраиванию взаимоотношений исходя из собственных интересов с индивидуальными и солидарными стейкхолдерами в государственной, общественной и корпоративной среде, имеющими существенное отношение и/или влияние на текущую деятельность и стратегическое развитие организации»². По его мнению, переводить термин GR только как «связи с правительством» ошибочно, поскольку он обладает более широким содержанием и подразумевает «государственную систему управления» в целом³.

Как пишут авторы учебного пособия «GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества» (под редакцией Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой), разница между PR и GR заключается в том, что один являет собой диалог между организацией и ее общественностью, а другой — диалог между бизнесом и общественной организацией с государством. С их точки зрения, понимание функций «связей с государством» связано с рассмотрением теории политических сетей (сетевой подход предполагает расширение взаимодействия различных политических акторов в условиях развертывания современного политического процесса), концепций «governance» (она развивает идеи расширения горизонтальных связей между

правительством, гражданским обществом и бизнесом) и возрождения государства (речь идет об эволюции роли национального государства на современном витке глобализации) [9, с. 18–26, 49].

GR, который иногда называют близнецом PR (не случайно Э. А. Галумов говорит об «адаптации приемов и технологий Паблик рилейшнз к деятельности государственных органов»)⁴, активно практикуется и на международной арене. Убедительным подтверждением тому служит работа менеджеров по продвижению проекта «Северный поток». Они «методично, шаг за шагом изучали особенности местных законодательства во всех областях — экологии, предотвращению несчастных случаев на море, и т. п., и столь же методично преодолевали один барьер за другим»⁵.

Усиление внимания ученых, политиков и представителей делового сообщества к GR во многом обусловлено повышенным интересом к проблеме роли и места государства в современном мире. Нельзя не согласиться с российским дипломатом Л. Н. Клепацким, считающим, что в последние десятилетия наблюдались «определенные крайности: национально-государственная самостоятельность либо абсолютизируется, либо игнорируется. Нередко утверждается необходимость отказа от национального государства в пользу анонимной глобальной власти. Если следовать этим рекомендациям, то последствия будут печальными. Более плодотворным представляется анализ модификации функций государства и национальных интересов в условиях глобализации»⁶.

¹ Толстых П. А. Лоббизм, Government Relations (GR) и Public Affairs (PA): к истокам понятий: [Электронный ресурс] // 28.06.2007. URL: <http://www.april.by/articles/theory/2007/06/432.html> (дата обращения: 24.02.2012).

² Профессиональный словарь лоббистской деятельности (составитель П. А. Толстых): [Электронный ресурс] // URL: <http://www.PublicAffairs — Lobbying.ru> [lobbying.ru/lobbying.ru/dictionary_word.php?id=12](http://www.lobbying.ru/lobbying.ru/dictionary_word.php?id=12) (дата обращения: 24.02.2012).

³ Толстых П. А. Лоббизм, Government Relations (GR) и Public Affairs (PA)...

⁴ Галумов Э. Государственный PR и имидж государства: [Электронный ресурс] // Основы PR. М.: Летопись XXI, 2004. URL: <http://www.textfighter.org/text15/033.php> (дата обращения: 24.02.2012).

⁵ Егина Е. Б. «Джиар», или Government Relations: [Электронный ресурс] // Журнал «CEO». 2010. № 11. «Джиар» или Government Relations — Теория PR — Школа. URL: <http://www.advertiser-schoolru/pr-theory/government-relations.html> (дата обращения: 24.02.2012).

⁶ Клепацкий Л. Н. Проблемы современной трансформации международных отношений. Мегатренды мирового развития:

Действительно, появление новых акторов международных отношений не отменяет участие государства в мировой политике, а вносит коррективы в его деятельность, в том числе и на уровне глобального управления [3, с. 57; 8, с. 17, 19]. В глобальном управлении — особой форме «социального регулирования, которая способна обеспечить относительно справедливое распределение благ в современном, все более глобализирующемся мире» [3, с. 56], — представлены следующие ключевые институты и акторы: государство, межправительственные и международные неправительственные организации. Существует точка зрения, что к ним следует добавить многонациональные корпорации и транснациональные социальные движения [3, с. 55–56].

Известный отечественный исследователь проблем международных отношений и мировой политики М. М. Лебедева пишет о том, что актуальной задачей современности является поиск «форм и путей взаимодействия правительственных, межправительственных и неправительственных акторов, своего рода „полисторонней“ дипломатии, которая включает в себя традиционные дипломатические функции — „коммуникацию, переговоры, представительство“»¹.

Формирование информационно-коммуникационных стратегий публичной дипломатии, PR и GR происходит на фоне информатизации глобального мира и переструктурирования всей медийной сферы нашей планеты. Эксперты в области глобального управления, признавая противоречивость современных международных информационных процессов, выделяют ряд устойчивых тенденций в «масс-медийном конструировании» современности. Это усиление роли информационных ТНК в форми-

ровании трансграничных коммуникаций, становление трехуровневой структуры мирового медийного рынка (ведущие конгломераты в области информационно-развлекательной индустрии — AOL Time Warner, Walt Disney, Bertelsmann, News Corporation, General Electric + + NBC + CNBC; компании, уступающие по своему объему предыдущим; относительно мелкие объединения, зачастую работающие на более крупные компании), повышение значимости мировых СМИ и информационных агентств в развитии информационно-индустрии, расширение информационно-коммуникационных функций Интернета, в том числе рост его стимулирующего воздействия на массмедиа и информационные агентства [3, с. 181–187].

В рамках публичной дипломатии «работают» различные средства массовой информации, имеющие глобальное распространение, в их числе — глобальные газеты. Их распространению в мировом масштабе во многом способствовали интернет-технологии. Появление электронных версий старых и новых периодических изданий позволило им перешагнуть национальные границы. Пользователь Интернета сегодня получает широкий доступ и к онлайн-СМИ. Несмотря на конкуренцию онлайн-СМИ и традиционных, «бумажных» выпусков газет и журналов, и те и другие содействуют реализации целей и задач публичной дипломатии, PR и GR. Сегодня, даже в меняющемся медийном ландшафте, не менее существенной для глобальных информационных процессов остается роль телевидения. Об изменении его функций под влиянием глобальных и региональных процессов XXI в. говорит появление в научном и политическом дискурсе термина «теледипломатия». Он обозначает новую дипломатическую парадигму, «развитие которой связано с высокоскоростной информационной составляющей жизни мирового сообщества, совершенствованием коммуникационных технологий»².

[Электронный ресурс] // URL: http://gatchino.com/knogg/2001_008.htm (дата обращения: 24.02.2012).

¹ Лебедева М. М. Мировая политика: проблемы и тенденции развития: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.uchebnik-besplatno.com/.../mirovaya-politika-problemyi-tendent-sii-r...> (дата обращения: 23.02.2012).

² Орлова В. В. Глобальные телесети новостей на глобальном рынке: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text5/72.htm> (дата обращения: 24.02.2012).

Интернет, который все чаще рассматривается в качестве нового средства информации, во втором десятилетии XXI в. достигнет максимальной скорости своего количественного распространения среди жителей Земли — таков прогноз экспертов журнала «New Scientist». С помощью смартфонов и планшетных компьютеров пользователи выходят в онлайн, просматривают сайты и пользуются интернет-сервисами откуда угодно¹.

На медиарынке, по словам Д. Мартынова, президента Ассоциации распространителей печатной продукции, сегодня наблюдается тенденция конвергенции СМИ, которая проявляется в слиянии ранее разобщенных СМИ, во взаимной «передаче» функций, смене ролей, а также в возможности «получать одинаковые содержательные продукты разными каналами — все это радикально меняет прежние представления о каналах коммуникации и информации»². Это немало содействует созданию PR-сетей, что также является одним из отличительных признаков развития международных коммуникаций.

На лидирующие позиции в публичной дипломатии, международном PR и GR выдвигаются сетевые коммуникации, перспективность которых заключается в том, что они обладают преимуществом «двустороннего общения и равноправных взаимоотношений с целью преодоления культурных различий. Правительствам трудно добиться подобного типа децентрализации и гибкости из-за их структуры централизованной подотчетности». По мнению Дж. Ная: «Эволюция публичной дипломатии от одностороннего общения к двустороннему диалогу означает вос-

приятие общественности как равноправного творца значения и общения»³.

Усиление роли неправительственных организаций в международной жизни нашло отражение в понятии «новой публичной дипломатии», которая «не сводится только к сообщению информации, рекламным кампаниям и даже к непосредственным правительственным контактам с иностранной общественностью ради осуществления внешнеполитических задач. Она предусматривает еще и построение взаимоотношений с деятелями гражданского общества в других странах и облегчение общения между неправительственными организациями внутри государства и за его пределами»⁴. С помощью Интернета информационно-коммуникационные возможности международных организаций, в том числе неправительственных, исключительно возросли: у многих из них есть свои сайты, которые позволяют им координировать действия и создавать зонтичные структуры [6, с. 13].

Считается, что в информационном обществе мы являемся свидетелями «сдвига» власти в сторону простых граждан. Этому немало способствуют современные достижения Интернета, цифровые (дигитальные) технологии, мультимедиа и социальные медиа — Twitter, You Tube, Facebook и другие, содержание (или контент) которых создано пользователями (user-generated content — UGC). С их помощью произошли серьезные изменения в процессах получения, распространения и распределения информации в современном мире⁵.

В интервью с Э. Шрейджем — вице-президентом Facebook по вопросам глобальной коммуникации — также прозвучала мысль о том, что социальные сети помогли преодолеть традицию диалога «государство—государство» и привлечь

¹ В 2011 г. намечен взрывной рост Интернета: [Электронный ресурс] // 2011. 2 янв. URL: <http://www.oblast63.ru/it/2011/01/vzryvn/> (дата обращения: 24.02.2012).

² Глобальная стратегия развития медиаотрасли: Доклад Дмитрия Мартынова, президента Ассоциации распространителей печатной продукции на XIX международной конференции АРПП: «Рынок печатных СМИ России — тенденции и прогнозы»: [Электронный ресурс] // Сайт Media-Day. Ru. 2010. 14 октября. URL: <http://www.media-day.ru/opinion/imho/4625/> (дата обращения: 24.02.2012).

³ Най Д. С. Новая публичная дипломатия: [Электронный ресурс]. 2010.02.10. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/nye79/Russian> (дата обращения: 24.02.2012).

⁴ Най Д. С. Новая публичная дипломатия...

⁵ Kabani J. Public diplomacy initiatives and social media — ways to support: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.csduppsala.uu.se/devnet/.../PP,%20Rizvi%20Kabani,%20Javeria.pdf> (дата обращения: 24.02.2012).

к обсуждению животрепещущих вопросов современности большой круг лиц. Вице-президент Facebook считает основным достоинством своей сети достоверность. С его точки зрения, наиболее эффективным является использование Facebook в целях создания единой платформы для организации социального действия, которое, по своей сути, представляет собой действие политическое (как, например, поддержка кандидата в президенты). Здесь же говорится о том, что власти так же заинтересованы в новых медиа, как и рекламодатели¹. Государственный Департамент США использует Twitter и Facebook, а также открыл на своем сервере сайт социальной сети Exchanges Connect, которая фигурирует как международное онлайн-общество².

Повышение эффективности и увеличение зрительской аудитории Russia Today осуществляется «через проникновение не только в спутниковые пакеты и кабельные сети, но и через широкое использование Интернета, в том числе веб 2.0, т.е. интернет-контента, создаваемого пользователями: блоги, вики, социальные сети. Если спутниковые пакеты и кабельные сети — это сферы, которые контролируются государствами и крупными корпорациями, образующими так называемый „рынок для своих“ (market for loyalties), то динамично развивающиеся новые медиа гораздо свободнее, и это всегда возможность для новых участников рынка»³.

¹ New Media Tools and Public Diplomacy: [Электронный ресурс]. 2009. May 11. URL: <http://www.cfr.org/public-diplomacy/new-media-tools-public-diplomacy/p19300> (дата обращения: 24.02.2012).

² ExchangesConnect: [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://www.connect.state.gov> (дата обращения: 24.02.2012).

³ Долинский А. В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии...

В связи с изменением акторности мировой политики вопросы, связанные с информационно-коммуникационной деятельностью на международном уровне, сегодня рассматриваются в более широком контексте. Например, перспективными являются исследования в области коммуникационного менеджмента, который определяется специалистами, как «управление деятельностью участников международных политических отношений (государств и неправительственных структур, международных организаций, транснациональных корпораций) посредством системного использования коммуникационных технологий с целью обеспечения внешней политики государства»⁴.

Таким образом, участники дискуссий по поводу теоретических и практических аспектов взаимодействия публичной дипломатии, связей с общественностью (PR и GR), которые привлекли внимание ученых, представителей дипломатических кругов, журналистов и сотрудников PR-агентств, приводят к выводу, что под влиянием современных мирополитических процессов меняется содержание многих видов международной деятельности. Одной из очевидных граней их соприкосновения становятся медиарелейшнз. Государства, международные неправительственные организации, транснациональные корпорации активно используют возможности как «старых», так и «новых» СМИ, в том числе Интернета и мультимедиа для продвижения своих интересов средствами «мягкой силы» и развития диалога с общественностью разных стран и регионов мира.

⁴ Карбасова О. В. Коммуникационный менеджмент во внешней политике Франции в конце XX века (1990-е гг.): [Электронный ресурс]. URL: http://www.vestnik-mgou.ru/mag/2009/ist_i_pol_nauki/3/st21.pdf (дата обращения: 24.02.2012).

Литература

1. Барышников Д. Н., Костюк Р. В., Ткаченко С. Л. Эффективность дипломатии. СПб., 2009.
2. Востряков Л. Е. Имидж в структуре коммуникативного пространства // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 1. С. 65–73.

3. *Глобальное управление* / Под ред. А. И. Соловьева. М., 2007.
4. *Иванов Д. В.* Эволюция концепции глобализации // *Телескоп*. 2002. № 5.
5. *Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л.* Геран Терборн. Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания // *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1, № 1. С. 46–49.
6. *Стецко Е. В.* Женские неправительственные организации: формирование международного бренда // *Мужчина и женщина: параллельные миры?* / Под ред. С. М. Виноградовой. СПб., 2010.
7. *Чимаров С. Ю.* Связи с общественностью: из истории становления профессии // *Управленческое консультирование*. 2011. № 4. С. 156–169.
8. *Цветков А. Ю.* Внешняя политика Российской Федерации и Китайской Народной Республики в начале XXI в.: эффективность публичной дипломатии: Автореф. канд. дисс. СПб., 2010.
9. *GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества* / Под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012.
10. *PR сегодня: новые подходы, исследования, международная практика*. М., 2002.

References

1. *Baryshnikov D. N., Kostyuk R. V., Tkachenko S. L.* Efficiency of diplomacy. SPb. 2009.
2. *Vostryakov L. E.* Image in structure of communicative space // *Public service. The Vestnik of Coordination Council on personnel questions, the state awards and public service at the plenipotentiary of the President of the Russian Federation in the North-West federal district*. 2011. N 1. P. 65–73.
3. *Global management* / under the editorship of A. I. Solovyev. M., 2007.
4. *Ivanov D. V.* Evolution of the concept of globalization // *Telescope*. 2002. No. 5.
5. *Kimelev Yu. A., Polyakova N. L.* Geran Terborn. Beginning of the second eyelid of sociology: times of reflexivity, spaces of identity and knowledge knots // *Sociological review*. 2001. Vol. 1. N 1. P. 46–49.
6. *Stetsko E. V.* Women's non-governmental organizations: formation of the international brand// *Man and woman: parallel worlds?* / under the editorship of S. M. Vinogradova. SPb. 2010.
7. *Chimarov S. Yu.* Public relations: from history of formation of a profession//*Administrative consultation*. 2011. N 4. P. 156–169.
8. *Tsvetkov A. Yu.* Foreign policy of the Russian Federation and People's Republic of China at the beginning of the XXI century: efficiency of public diplomacy: Dissertation abstract. SPb., 2010.
9. *GR-communications with the state: the theory, practice and mechanisms of interaction of business and civil society* / under L. V. Smorgunov and L. N. Timofeeva's edition. M.: ROSSPEN, 2012.
10. *PR today: new approaches, researches, international practice*. M., 2002.

Г. С. Мельник

G. S. Melnik

Взаимодействие PR-структур и СМИ: формы, принципы, зоны ответственности

The interaction of PR-agencies and the media:
forms, principles, areas of responsibility

Мельник Галина Сергеевна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный
университет
Профессор кафедры периодической печати
Доктор политических наук
melnikgs@gmail.com

Ключевые слова:

медиаарилейшнз, принципы взаимодействия функции, информационные технологии, СМИ

Статья посвящена изучению проблемы взаимодействия PR-служб и массмедиа. Массмедиа становятся инструментом, позволяющим создать организации устойчивый корпоративный бренд, позитивный имидж, высокую репутацию, показать ее успехи и перспективы, необходимые для продвижения товара или услуги.

В наше время эффективное предприятие или организация для установления и поддержания доброжелательных отношений и взаимопонимания с общественностью обеспечивает, прежде всего, информационное сопровождение своей деятельности. Информационные технологии, направленные на оптимизацию коммуникационной среды, повседневно отрабатываются с участием СМИ. Массмедиа становятся инструментом, позволяющим создать организации устойчивый корпоративный бренд, позитивный имидж, высокую репутацию, показать ее успехи и перспективы, необходимые для продвижения товара или услуги.

Деятельность **по выстраиванию отношений со СМИ (медиаарилейшнз)** заключается в эффективном управлении внутренней и внешней информацией,

Melnik Galina Sergeevna

Saint-Petersburg
The Saint-Petersburg state university
Professor of The Chair periodical press
Doctor of political Science
melnikgs@gmail.com

Key words:

media relations, the principles of interaction functions, information technology, media

The article studies the problem of the interaction of PR-services and media. Media becomes a tool to create a stable organization of the corporate brand, a positive image and reputation, to show its achievements and perspectives necessary to promote a product or service.

установлении дружеских контактов со всеми общественными структурами через институт массмедиа.

Медиаарилейшнз рассматривается во многих исследованиях как управление информацией [3–5; 8] система регулярного информирования общественности через СМИ. О важности этого направления говорит тот факт, что 80% всей работы в PR-структурах приходится на взаимодействие с журналистами и подготовку публикаций [4, с. 130].

Специалисты по связям с общественностью и журналисты являются, на первый взгляд, естественными партнерами в повседневной работе. Службы PR составляют в разных формах значимую и полезную для общества информацию (пресс-релизы, справочный материал), а СМИ, в свою очередь, используют ее

для создания широкого спектра новостей, формирующих «общественную повестку дня». Создаваемое информационное поле — это зона взаимного интереса и взаимной ответственности. Но, несмотря на общую платформу взаимодействия, PR-службы и СМИ имеют свои интересы, а их информационная деятельность имеет свою специфику.

Медиарилейшнз можно свести к пяти магистральным направлениям:

- организация событий и мероприятий для массмедиа;
- партнерские программы с массмедиа;
- обеспечение согласованных публикаций;
- комплексные медиакампании в Интернет-СМИ;
- профессиональный копирайт (сценарии, статьи, тексты выступлений и т. д.).

Формы медиарилейшнз многообразны. Популярны *встречи «без галстуков»*, цель которых — в неформальной обстановке прозондировать отношение журналистов к какой-то проблеме, а также встречи с главными редакторами СМИ и журналистами с целью выявления специфики изданий или редакционной политики, знакомства с перспективным творческим портфелем редакции или презентации новых СМИ. Так, известны традиционные встречи президента с ведущими телеканалами и печатными СМИ. В феврале 2011 г. Владимир Путин, занимавший в тот период пост премьер-министра, посетил телецентр «Останкино» и пообщался там в неформальной обстановке с журналистами Первого канала. Формат неформальной беседы позволил затронуть как общественно-политические темы (теракт в Домодедово, неэтичное поведение силовиков в Дагестане), так и частные (например, личная жизнь дочерей премьера). Впоследствии на сайте правительства появилась полная стенограмма встречи. *День прессы* организуется корпоративной PR-службой, с тем чтобы предоставить журналистам возможность лично познакомиться с компанией, системой ее управления, спецификой продукции.

Распространенной формой взаимодействия стали *совместные конференции и семинары со СМИ*. Уникальный статус имеют конференции или конгрессы с участием премьер-министра или президента, членов правительства [10].

Информационное спонсорство — один из эффективных инструментов современных связей с общественностью, поскольку гарантирует позитивное и широкое освещение значимых PR-мероприятий в целевых СМИ. В свою очередь PR-практики активно подключают коммерческие PR-проекты своих клиентов к ежегодным праздникам газет: организация самостоятельных PR-акций требует больших финансовых затрат и организационных ресурсов (праздник газеты «Московский Комсомолец» в Лужниках сопровождается широкомасштабной рекламной кампанией. Используются все медиа — центральные ТВ-каналы, радиостанции, наружная реклама, интернет-каналы).

Профессиональные праздники — традиционное церемониальное праздничное мероприятие/цикл мероприятий, посвященное юбилею или иному профессиональному празднику. Проводится праздник для повышения значимости деятельности компании и требует квалифицированного освещения в СМИ (пример: *День корюшки в Санкт-Петербурге, День молока*).

Презентация, приемы, события для СМИ и с участием СМИ, меценатские/спонсорские позиционируют компанию во внешней среде и повышают ее репутацию.

Высокий статус мероприятия позволяет привлечь большое число его медийных участников. Так, например, международный проект «Петербургский театральный сезон» успешно проходит в других городах и странах — Израиле (Тель-Авив и Хайфа), Италии (Милан). К освещению ярких знаковых событий, которыми являются фестивали, активно привлекаются многочисленные журналисты [9, с. 98].

Медийные кампании позволяют вовлекать различные слои читателей в обсуждение актуальной темы, найти сто-

ронников, на основе многочисленных суждений, предложений не только проанализировать проблему и ситуации, но и найти примеры решения конкретных вопросов. Обратная связь становится неиссякаемым источником для будущих информационных сюжетов.

PR-кампания может проводиться и в Интернете. В современном мире информационная среда начинает регулироваться в соответствии с новыми правилами, меняются способы, которыми специалисты взаимодействуют с аудиторией. Интернет вернул PR публичность спустя многие годы исключительной сосредоточенности на СМИ [7, с. 64–65].

Виртуальная пресс-конференция в Интернете. Интернет-конференции — это относительно новый вид PR-мероприятий, быстро завоевавший популярность среди специалистов в области связей с общественностью. Журналисты общаются с представителями организации дистанционно, находясь в своих редакциях по всему миру. Материалы конференции доступны круглосуточно. Имея компьютер, их легко обрабатывать и использовать при подготовке журналистских материалов.

PR-специалист Л. В. Булавкина, подчеркивая естественность партнерского взаимодействия сотрудников СМИ и PR, находит уместным сравнивать эти отношения с любовным романом, который в своем развитии обычно проходит следующие этапы:

- знакомство;
- формирование привязанности, возникновение дружбы;
- налаживание стабильных отношений, необходимость интриги, постоянного поддержания взаимного интереса;
- развитие и укрепление отношений, усиление взаимной привязанности;
- взаимная любовь и уважение: компания успешно и без специальных вложений реализует свои информационные и коммуникативные задачи¹.

¹ Булавкина Л. В. «Роман» со СМИ, или как преуспеть PR без серьезных расходов // Маркетинговые коммуникации. 2006. Март:

Вместе с тем, отношения PR-специалистов с сотрудниками СМИ могут быть далеки от идеальных: многие журналисты не верят в то, что специалисты по связям с общественностью предоставляют им правдивые новости, а профессионалы по связям с общественностью не доверяют журналистам, полагая, что те хотят получить от их организации всю необходимую информацию, не беря при этом на себя никаких обязательств. Вместе с тем, специалисты по связям с общественностью прибегают к комплиментам, чтобы нейтрализовать журналистские атаки и сохранить репутацию благонадежной организации. Чтобы чувствовать себя комфортно в профессиональной среде, обе стороны должны быть удовлетворены отношениями, а это происходит только тогда, когда они поняты, оценены и уважаемы.

Очень важным элементом в цепи коммуникаций, по мнению PR-специалистов, являются сроки подачи информации. Журналисты также считают этот этап немаловажным, но для них важна не только своевременность, но и опережение других, что считается показателем профессионализма. PR-специалист не может рисковать: для него важно выбирать наиболее подходящий момент информации для получения социально позитивного эффекта. PR-специалисты должны быть хорошо осведомлены о временных рамках, в которые поставлен журналист, и сделать все возможное, чтобы обеспечить его запрашиваемой информацией до этого срока.

По мнению исследователя в области теории журналистики Б. Н. Лозовского, к специфической особенности профессиональной ментальности и технологии работы журналиста можно отнести: неумолимость *dead line* (последний срок сдачи материала), необходимость отбора и компоновки фактических сведений, зависимость от источников, отсутствие достаточного уровня профессионализма, функциональную неопределенность

[Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://imageland.ru/exam/pr_recipies.html.

профессии, форматизацию СМИ, интересы медиабизнеса, самоцензуру [6, с. 191].

Задача, которую ставит PR в связях с прессой, — это достичь максимального числа публикаций PR-информации. Если для журналиста приоритетной является высокая степень социальной значимости проблемы, то специалист по связям с общественностью поднимает лишь те проблемы, которые являются важными и значимыми с позиции базисного субъекта.

Ряд исследователей проблемы взаимодействия СО и СМИ отмечают засилье официального PR, переизбыток в СМИ однотипной информации, «отражающей прогрессирующую тенденцию бюрократизации средств массовой информации — особенно государственных» [2, с. 93].

Практика договоров на «информационное обслуживание» между редакциями и PR-структурами органов власти приводит к тому, что массмедиа начинают выполнять не свойственные им функции — поставлять аудитории однопользовательскую позитивную информацию, далекую от глубокого анализа, интерпретации и оценки различных явлений с позиции их социальной значимости.

Для достижения объективности информации журналист должен выполнить как минимум три условия: рассказать об организации, инициировавшей событие, представить мнение ее конкурентов или противников и предоставить независимой стороне дать комментарии.

В реальной практике журналисты могут оказаться ангажированными определенными группами (бизнес-структурами, политическими лобби) или выполнять «заказ» организации. Тогда их статьи (или материалы, выполненные в других жанрах) оказываются монологичными и тенденциозными. Отдельные представители СМИ допускают использование недостоверной информации, подтасовку фактов, некомпетентность и юридическую неосведомленность, предвзятость, необъективность оценок и суждений, оскорбительный характер подачи материалов. На это указывает заместитель предсе-

дателя комиссии Общественной палаты А. Ч. Чуланова в своем аналитическом докладе «О взаимодействии судебных и правоохранительных органов со средствами массовой информации»¹ [9].

Часто целью журналиста является поиск специфической информации — различного рода скандалы, аферы, крахи компаний, неудачи проектов, поскольку именно эта информация может стать «двигателем» продажи. Редактор издания или руководитель телеканала зачастую заинтересованы в интересных, скандальных репортажах.

Получается, что СМИ предпочитают плохие новости хорошим, а работники PR-сферы заинтересованы совершенно в обратном: предпочитают хорошие новости плохим. Поэтому одна из сложнейших задач, стоящих перед PR-практиком, — свести к минимуму противоречия и разногласия целей и интересов, чтобы добиться взаимовыгодного сотрудничества².

Варианты использования средств массовой информации различны. По мнению А. Н. Назайкина, с одной стороны, они определяются стратегией и тактикой, выбранными организаторами акций. С другой — спецификой работы каждого отдельного СМИ (газеты, журнала, радиостанции, телеканала или интернет-портала). Ведь грань между действительно новостной и «заказной» (оплаченной заказчиком) информацией почти незаметна. Критерии отбора фактуры весьма расплывчаты. В любой редакции всегда есть место для субъективной оценки: интересен ли определенный материал для читателей (слушателей, зрителей) или он может быть опубликован для них лишь в качестве рекламной нагрузки. При этом оценка может быть дана как руководителями средства массовой информации, так и конкретными журналистами. А от-

¹Чуланова А. Ч. О взаимодействии судебных и правоохранительных органов со средствами массовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opdag.ru/7publik/chupanova/3.htm>.

²Seitel Fraser P. The Practice of Public Relations / Пер. А. Бутенко. Oxford: Butterworth/Heinman, 1995: [Электронный ресурс]. URL: http://www.pressclub.host.ru/techn_26.htm.

сюда вытекает многообразие форм взаимодействия со СМИ¹.

Как видим, между PR-специалистами и журналистами существуют противоречивые сферы ответственности и различные степени лояльности. Главная обязанность специалиста по связям с общественностью — ответственность перед клиентом или работодателем, при условии что это не противоречит профессиональной этике, законодательству или общественным интересам.

Существуют противоречия между запросами читателей и желанием PR-специалиста опубликовать или выпустить в эфир определенный материал.

Избежать взаимных претензий и конфликтов можно при соблюдении **базовых принципов взаимодействия прессы и PR-структур** — открытости и гласности.

Взаимная потребность в деловых контактах редакций СМИ и государственных, общественных и коммерческих институтов формирует общие принципы этих отношений.

Первой попыткой сформулировать универсальные правила, которые помогли бы измерить взаимоотношения в PR-деятельности, была статья, подготовленная в 1997 г. Институтом связей с общественностью. Институт сформировал особую Комиссию по измерению и оценке связей с общественностью США, была издана вторая публикация под названием «Руководство по установке измеряемых целей в области связей с общественностью». Это пособие предлагало методику и избранные примеры того, как практики PR-деятельности разрабатывают конкретные программы с измеряемыми показателями для последующей их эффективной оценки.

Прозрачность компании способствует установлению лояльности клиентов, что фактически означает установление долговременного сотрудничества с ними.

¹Назайкин А. Н. Три цвета медиарилейшнз: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/20>.

В качестве основных принципов были названы:

- *Взаимный контроль*, предполагающий, что стороны договариваются о том, кто из них имеет законную власть влияния друг на друга.
 - *Доверие* — уровень доверия и готовности одной стороны открыть себя другой стороне, включающее *честность*: вера в то, что организация справедлива; *зависимость*: вера в то, что организация будет делать то, что она провозглашает; *компетентность*: вера в то, что организация обладает способностью делать то, что она провозглашает.
 - *Обязательство* — это степень, в которую каждая сторона верит и чувствует, что отношения стоят того, чтобы тратить на них энергию, поддерживать и продвигать.
 - *Обмен взаимоотношениями* — обмен во взаимоотношениях, когда одна сторона дает выгоды другой, потому что другая обеспечила основания для получения выгоды в прошлом или ожидаемом будущем².
- В руководстве описаны также механизмы поддержания хороших отношений:
- Исследование *межличностных отношений и разрешения конфликтов* предлагает несколько стратегий, которые организации могут использовать, чтобы поддерживать отношения со стратегической фокус-группой.
 - *Доступ* — члены общественности или лидеры обеспечивают доступ лицам к связям с общественностью. Представители связей с общественностью или старшие менеджеры обеспечивают представителей публики подобным доступом к организационным процессам принятия решения.
 - *Позитивность* — все что угодно может делать организация или общественность, чтобы сделать отношения более приятными, для привлеченных

²Чилдерс Хон Линда, Груинг Джеймс. Руководящие принципы для измерения взаимоотношений в области связей с общественностью. 1999: [Электронный ресурс]. URL: <http://www//evartist.narod.ru/text16/019.htm>.

сторон. Заявление этой стратегии используется главным администратором агентства:

- *Открытость* мыслей и чувств среди вовлеченных сторон.
- *Гарантии* — попытки сторон в отношениях ручаться друг другу, что они и их предприятия законны.
- *Сетевые организации*, строящие сети или коалиции с теми же самыми группами, что и их общественность (например, защитники окружающей среды, союзы или группы сообществ).
- *Разделение задач* — разделение общест­венности в решении общей или частной проблемы. Примеры таких задач решают проблемы сообщества обеспечением занятости, предоставлением прибыли и ведением бизнеса, который представляет интерес для организации, общественности или совместный интерес¹.

Главный же принцип — «информационная открытость», уважение к свободе печати, которая во многом определяет значимость прессы и обеспечивает взаимное уважение к имени.

Отмечая ежегодный Международный день свободы информации Институт «Открытое общество» сформулировал «Инициативы справедливости» (Веллона, 2005, 12 октября), которые зафиксировали ряд принципов свободы обмена информацией², где *доступ к информации объявлялся правилом, а режим секретности — исключением*. Вся информация, находящаяся в распоряжении государственных органов, в принципе является публичной. Ее засекречивание возможно лишь в силу ряда легитимных причин, изложенных в международном законодательстве и национальных сводах законов. Общественность имеет право на получение информации от любого учреждения,

финансируемого государственными или частными организациями, выполняющими общественные функции. В документе прописывалась процедура оформления запроса на информацию, которая должна быть простой, скорой и бесплатной.

Отказы в информации должны быть аргументированными. Основная идея документа: *общественный интерес превышает интересы секретности*.

Если заинтересованность общественности в получении информации перевешивает возможный вред от ее обнародования, то такая информация должна быть опубликована. Существует презумпция того, что информация об угрозе окружающей среде, здоровью или правам граждан, а также о фактах коррупции подлежит опубликованию, если общественность явным образом в этом заинтересована.

Принципы были разработаны на основе сравнительного анализа законодательств и практики более чем 60 стран мира, где действуют законы о свободе информации. Вышеперечисленные принципы дают ясный набор стандартов, которыми должны руководствоваться PR-службы в своих усилиях по обеспечению свободного общественного доступа к информации. В случае однонаправленной открытости (например, открытости только по отношению к бизнесу или к профсоюзам) невозможен механизм полноценного общественного контроля³.

Выделяют следующие основные функции системы открытости:

- уведомительная (позволяет сообщать обществу важные для его жизнедеятельности сведения);
- контрольная (дает возможность гражданамскому обществу следить за деятельностью структур государственной службы);
- управленческая (способствует, на основе распространения государственных

¹Чилдерс Хон Линда, Груинг Джеймс. Руководящие принципы для измерения взаимоотношений в области связей с общественностью. 1999: [Электронный ресурс]. URL: <http://www //evartist.narod.ru/text16/019.htm>.

²Инициативы справедливости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bellona.ru/russian_import_area/international/ecopravo/40214.

³Чилдерс Хон Линда, Груинг Джеймс. Руководящие принципы для измерения взаимоотношений в области связей с общественностью. 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www //evartist.narod.ru/text16/019.htm>.

данных и сведений, реализации необходимых воздействий на общество и его граждан);

- функция обратной связи (позволяет государству получать от граждан информацию, необходимую для подготовки и принятия решений) [24].

PR-специалистам в практике работы со СМИ предписано неукоснительное следование определенным правилам [1, с. 30].

Вполне конкретные требования, предъявляемые специалисту в области СО, могут быть сведены к нехитрым правилам:

1. Предпочтение не может отдаваться только одному источнику.
2. Формулирование позиции организации для СМИ и общественности в целостной и непротиворечивой форме.
3. Своевременное опровержение несправедливых обвинений.
4. Запрет на использование непроверенных, неподтвержденных данных.
5. Ориентация на общественный интерес, на интересы целевой группы (для специалиста по связям с общественностью), на интересы подписчиков (для журналиста) при отборе фирменных новостей для СМИ.
6. Положительная настроенность в отношении своих контактов с представителями СМИ (положительные ответы даже на негативные вопросы).
7. Признание ошибки (если потребуются) — публичное извинение и др.¹

Изменившиеся условия меняют практику сотрудничества со СМИ многих организаций. Ряд тактических приемов, которые раньше были эффективны, больше не работают в сфере медиарелейшнз: «бомбардировка» СМИ большим количеством пресс-релизов; материальное поощрение «знакомых» журналистов; пышные фуршеты и дорогая сувенирная продукция на мероприятиях для СМИ; шантаж редакции, с помощью рекламного бюджета (размещаемого или пла-

нируемого к размещению); создание откровенно курьезных, надуманных поводов и событий².

Вместе с тем, есть факторы, которые пока еще оказывают влияние на СМИ:

- «Гипноз» имени крупной компании, бренда, сетевого агентства.
- Готовность компании или агентства заплатить дороже за материал, опубликованный без рубрики «На правах рекламы».
- Публикация небольшого объема рекламы «на почин» (как правило, в доверие к бесплатной публикации по итогам мероприятия и «под обзор»).
- Предоставление призов для подписных кампаний изданий, проведение совместных акций, проектов.

В свою очередь журналистское сообщество пытается выстраивать отношения с представителями PR-служб на основе правил «честной игры». Профессиональные требования к журналистам заключаются в том, чтобы не:

- представляться работником другой профессии (кроме использования включенного наблюдения);
- запугивать собеседника (хотя в некоторых наставлениях западным репортерам допускается легкий шантаж интервьюируемого);
- советовать «разобраться» и принять меры (это не входит в компетенцию журналиста);
- допускать поступки, которые могут вызвать осуждение окружающих;
- идти на сближение ни с «положительными», ни с «отрицательными» персонажами;
- принимать подарки и услуги, поскольку могут возникнуть отношения зависимости журналиста от источника информации;
- производить запись разговора на диктофон без ведома собеседника (напротив, нужно убедить его в том, что диктофон не позволит исказить смысл его суждения); в то же время не лишним окажется дублирование диктофона за-

¹Школа рекламиста: 3 урока media-relations // PR в России. 2005. 25 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advertology.ru/article21104.htm>.

²Плис Р. Связи, страхи и СМИ. О принципах работы со СМИ: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Advertology.ru>.

писями в блокнот принципиально важных суждений, так как техника бывает отказывает.

В любом случае с человеком, которого журналист намерен критиковать, нужен еще один последний разговор, где автор излагает выводы и оценки, к которым пришел, собирая информацию.

Особо внимательно следует отнестись к интервьюируемому, когда они произносят: «Это не для печати»¹. Честная игра требует от журналистов выполнения профессионального долга в соответствии с принятыми в обществе нормами, ответственного поведения при сборе информации, точности при подготовке материала. Эти правила обычно закреплены в корпоративных этических кодексах, которые формируют общие принципы нравственного поведения журналиста, и регулируют отношения СМИ, источников информации и аудитории. Этическая корпоративность защищает журналистов от давления государственно-бюрократических и финансовых структур, политических групп.

¹ Лозовский Б. Н. Основы творческой деятельности журналиста. М., 2004. С. 31. [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text5/62.htm з_03.

Мировая практика показывает, что постепенно между представителями прессы и специалистами по PR складываются отношения, основанные на профессиональной этике. Специалисты PR, как было замечено ранее, призваны поддерживать информационный баланс двустороннего информационного взаимодействия. Таким образом, завоевать уважение и доверие представителей СМИ, этих очень важных звеньев общения с публикой, означает получить самое широкое освещение деятельности организации. Следовательно, большое значение имеют концепции эффективного отношения с массмедиа, в том числе и вопрос о том, как установить с журналистами нормальный деловой контакт. Взаимное доверие сторон в этом общении, в этом обмене информацией и услугами является основой паритетных, равноправных отношений между СМИ и специалистами по СО, PR-агентствами, пресс-центрами, представляющими интересы своих организаций. Отношения взаимовыгодны и постоянно возобновляются как журналистами, так и представителями деловых кругов, отдельных коммерческих, общественных и государственных структур.

Литература

1. Гундарин М. В. Теория и практика связей с общественностью: основы медиа-рилейшнз: учеб. пособие. М.: Форум: Инфра-М, 2007.
2. Короченский А. П. Пиарналистика как гибрид журналистики и пиар: аномалия или новый профессиональный норматив? // Коммуникация в современном мире. Воронеж, 2004.
3. Кочеткова А. В., Филиппов В. Н., Сковорцов Я. Л. Теория и практика связей с общественностью. СПб.: Питер, 2008. С. 49.
4. Кочеткова А. В., Филиппов В. Н. Теория и практика связей с общественностью. 2007.
5. Кривоносов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2010.
6. Лозовский Б. Н. Кто и как манипулирует журналистами: манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. гос. ун-та, 2011.
7. Назайкин А. Использование интернет-ресурсов в медиарелейшнз // Журналист. Социальные коммуникации. 2011. № 1. С. 64–65.
8. Тульчинский Г. Л. Работа и отношения со СМИ / Эксперт. ин-т РСПП [и др.]. СПб.: Справочники Петербурга, 2005.
9. Тульчинский Г. Л. и др. Менеджмент специальных событий в сфере культуры: Учеб. пособие / Г. Л. Тульчинский, С. В. Герасимов, Т. Е. Лохина. СПб.: Планета музыки; Лань, 2010.
10. Шумович А. Великолепные мероприятия. Технологии и практика Event Management. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. 336 с.

References

1. *Gundarin M. V.* Theory and practice of public relations: bases of media-relations: textbook. M: FORUM: INFRA-M, 2007.
2. *Korochensky A. P.* Piarnalistika as hybrid of journalism and public relations: anomaly or new professional standard? // Communication in the modern world. Voronezh, 2004. P. 90–110.
3. *Kochetkova A. V., Filippov V. N., Skovortsov Ya. L.* Theory and practice of public relations. SPb.: Piter, 2008.
4. *Kochetkova A. V., Filippov V. N.* Theory and practice of public relations, 2007.
5. *Krivososov A. D., Filatov O. G., Shishkina M. A.* Bases of the theory of public relations. SPb.: Piter, 2010.
6. *Lozovsky B. N.* Who and how manipulates journalists: manipulative technologies of influence on mass media. Yekaterinburg: Publishing house of Yekaterinburg State University, 2011.
7. *Nazaykin A.* The use of Internet resources in media relations // Journalist. Social communications. 2011. Number 1. P. 64–65.
8. *Tulchinsky G. L.* Work and relations with mass media / G. L. Tulchinsky; Expert institution of RUIE SPb.: Directories of Saint-Petersburg, 2005.
9. *Tulchinsky G. L.* Management of special events in the culture sphere: textbook / G. L. Tulchinsky, S. V. Gerasimov, T. E. Lokhina. SPb.: „Publishing house MUSIC PLANET“; Publishing house „Lan“, 2010.
10. *Shumovich A.* Magnificent actions. Technologies and practice of Event Management. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2008. 336 p

**А. Н. Гришанина
В. Б. Угрюмов**

**A. N. Grishanina
V. B. Ugryumov**

Телевидение и общество: ценностный аспект новых форм медиаарилейшнз

**Television and society: new forms
of value aspect relationship with the media**

Гришанина Анастасия Николаевна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный
университет
Доцент кафедры теории журналистики
Кандидат филологических наук
anastasiya_grish@mail.ru

Угрюмов Владимир Борисович

Санкт-Петербург
Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС
Доцент кафедры связей с общественностью
vugryumov@tv100.ru

Grishanina Anastasiya Nikolaevna

Saint-Petersburg
Saint-Petersburg State University
Associate Professor of the Chair of Theory
of Journalism
Ph. D. in Philology Associate Professor
anastasiya_grish@mail.ru

Ugryumov Vladimir Borisovich

Saint-Petersburg
North-West Institute of Administration of the
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Associate Professor of the Chire of Public
Relations
vugryumov@tv100.ru

Ключевые слова:

связи с общественностью, медиаарилейшнз, телевидение, ценностный аспект, социологический опрос

В статье дан краткий анализ форм медиаарилейшнз, подчеркивается важность телевидения как инструмента PR, дается характеристика образовательной и воспитательной роли телевидения с точки зрения формирования и отображения ценностей.

Телевидение наряду с другими средствами массовой информации оказывает огромное влияние на общество, поэтому его изучению, программированию, проблематике, функционированию, развитию уделяется большое внимание. В современном процессе медиаарилейшнз телевидение и Интернет занимают самое важное место в системе взаимодействия субъектов PR и средств массовой информации.

Исследователи определяют медиаарилейшнз как систему постоянно обновляющихся, направленных на соз-

Keywords:

public relations, media relations, television, valuable aspect, sociological poll

In the article the short analysis of forms media relations is given, importance of television as PR tool is emphasized, the characteristic of an educational role of television from the point of view of formation and display of values is given

дание медийного образа организации, позитивных взаимоотношений между организацией и средствами массовой информации (и/или их работниками) [1, с. 9]. Основная цель медиаарилейшнз — регулярная связь со СМИ, наличие открытых и доброжелательных отношений с медиасообществом, создание положительной репутации в среде журналистов [1, с. 12]. PR-специалист начинает работу со СМИ с формирования базы СМИ, куда включают максимальное количество средств массовой информации, интересные данной организации с по-

зиции формирования положительного ее имиджа. Телевидение представляет собой влиятельное и мощное средство распространения информации. Другие средства информирования и коммуникации не могут «сопоставиться» с телевидением в его способности выполнять функцию «окна в мир».

Сегодня российское телевидение классифицируется по разнообразным и сложным категориям. Так, по способу трансляции телевидение подразделяется на *эфирное* (все вещательные организации, использующие традиционный способ распространения телесигнала от телевышки до системы телезрителя); *спутниковое* (предлагают российскому потребителю телепрограмму через спутниковые телепрограммы); *кабельное* (передача видеосигнала по кабельным сетям. В качестве основной магистрали применяются оптоволоконные кабели, а для доставки информации до конечного потребителя используется витая пара или коаксиальный кабель) [5, с. 355].

По типу деятельности, например, выделяются: вещательные компании, осуществляющие телетрансляцию программ (в том числе компании, лишь ретранслирующие другие станции, но в большинстве своем — универсальные телеорганизации, имеющие и собственное телепроизводство, и доступ к эфиру); программнопроизводящие компании/продюсерские фирмы; дистрибьюторы. По охвату аудитории различают каналы: общероссийские, региональные, местные (от областных телестудий до кабельных сетей микрорайона). Для характеристики охвата аудитории используется понятие «доля аудитории», которое определяет процент более или менее постоянной аудитории телеканалов.

Актуальна типология деления телеканалов по форме собственности: государственные, негосударственные (открытые и закрытые акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, товарищества с ограниченной ответственностью, а также корпорации, киноассоциации, продюсерские центры, концерны, независимые телестудии);

смешанные (с участием зарубежных инвесторов) [7, с. 194].

В телекоммуникационной индустрии общественные связи являются не просто формой диалога, но часто выполняют разъяснительные функции, очень важные именно в этой сфере. Динамично развивающаяся, высокотехнологичная, интеллектуальная телекоммуникационная индустрия способна влиять на экономику страны и не может игнорировать интересы целевых аудиторий в получении ответов на вопросы, зачем нужна информационная инфраструктура, какие решения лучше, каков экономический эффект от внедрения, будут ли проблемы с совместимостью, масштабируемостью и т. д. К специфике PR в сфере телекоммуникаций стоит также отнести частоту выхода на рынок новых решений. Здесь требуется постоянная PR-поддержка, постоянное воздействие на аудиторию.

Телекоммуникации влияют на успех практически любой организации, «доросшей» до построения собственной информационной инфраструктуры и (или) интегрирующейся в уже существующую инфраструктуру любого уровня. При выборе компании для построения инфраструктуры потенциальный клиент не будет связывать успех своего бизнеса с неизвестной компанией, ему нужен партнер с хорошей репутацией и положительным опытом (даже при лоббировании эти факторы остаются немаловажными)¹. Умение выстраивать благоприятные отношения с обществом в целом, с потенциальными потребителями и партнерами, со средствами массовой информации встает на первое место во всех сферах деятельности. PR-сопровождение — это помощь в продвижении информации о деятельности предприятия, которая способна помочь в решении тех или иных проблем/задач бизнеса, а фактически работа в режиме внешней пресс-службы предприятия.

Государственные структуры иногда сталкиваются с информационной за-

¹ PR в телекоммуникациях: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.connect.ru/article.asp?id=256> (дата обращения: 12.01.2012).

крытостью, необходимостью разъяснения обществу проводимой политики, сформировавшей в обществе имидж высших государственных чиновников как неэффективных руководителей, а также недоверием к государственной власти в целом. В разрешении данных проблем участвуют PR-службы, пресс-службы, информационно-аналитические и другие подразделения. Для обеспечения согласованности действий органов власти и групп общественности необходимо информационное и PR-сопровождение деятельности государственных структур с привлечением средств массовой информации, то есть с помощью медиарилейшнз (система постоянно обновляющихся, направленных на создание медийного образа организации, позитивных взаимоотношений между организацией и средствами массовой информации). Основной целью медиарилейшнз является регулярная связь со СМИ, наличие открытых и доброжелательных отношений с медиасообществом, создание положительной репутации в среде журналистов.

Апелляция технологий медиарилейшнз к ценностям общества

Для населения страны телевидение прежде всего ассоциируется с источником трансляции новостей, поэтому теленовости можно назвать одним из главных инструментов медиарилейшнз в государственной сфере. Отсюда интересен и актуален вопрос социально-психологического плана о роли трансляции и ретрансляции ценностей общества в новостных программах.

Можно ли говорить о том, что те ценности, к которым обращаются журналисты в своих новостных выступлениях, соответствуют тому, что является значимым для аудитории? В качестве некоего общего определения под ценностью можно понимать социальную и объективную форму, которая наполняется конкретным субъективным психологическим содержанием (а затем и переживанием) внутреннего

смысла. «Ценность представляется как база для решений индивида. Она говорит ему о том, ради чего ему стоит жить, бороться и даже умирать» [3, с. 9]. В медиарилейшнз прежде всего интересно содержание социальных ценностей, а оно определяется необходимостью сохранения и поддержания окружающей среды, культуры и цивилизации, сферы социальных контактов и взаимодействия.

«Связь поколений поддерживается благодаря достаточно стабильному отношению представителей различных социально-демографических групп к терминальным социальным ценностям (здоровье, общение, семья, свобода), что в какой-то мере удерживает общество от социального взрыва. Инструментальные ценности (инициативность, независимость) позволяют зафиксировать изменения в статусно-иерархической структуре ценностного сознания представителей различных социальных страт, определить тенденции и перспективы направления эволюционных преобразований общества» [3, с. 40].

Одним из наиболее детальных современных исследований социального настроения является работа Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко, в которой исследователи составили схему социального настроения, проявляющуюся в реакции на телепередачи новостного и социального характера. Эта схема включает в себя следующие элементы:

- 1-й уровень — социальное самочувствие (эмоции, чувства, актуальное знание, историческая память, общественное мнение);
- 2-й уровень — оценка и самооценка (социальный статус, положение, социальные роли, престиж);
- 3-й уровень — ожидания и притязания (установки, ценности, жизненные ориентации, интересы, воля);
- 4-й уровень — социальная позиция (мировоззрение, убеждения, жизненные ощущения, оценка социального опыта) [6, с. 21].

Аспирантами петербургских вузов были проведены пилотные исследования двух городских программ новостей на петер-

бургском телевидении: проанализированы материалы, затрагивающие социальную проблематику в программах «Вести — Петербург» (телеканал «Россия») и «Петербургский час» («Пятый канал»). Основной целью исследования было «стремление понять, как картина, которая складывается в новостях, соотносится с реальной ситуацией в городе» [2, с. 115]. Данные представлены в табл. 1.

Иерархия ценностей в обществе меняется со временем и изменением обстоятельств жизни. Явный диссонанс в передачах последнего времени возникает в сфере достатка и материального благополучия. Медиаобраз и реальность общественной жизни расходятся в цифрах и фактах. При этом нужно отметить тот момент, что телепередачи часто ограничены в тематическом разнообра-

Таблица 1

Ценности российского общества и темы, которыми они представлены в программах теленовостей [2, с. 116–117]

№ п/п	Определение ценности	Темы новостей
1	Безопасность	<ul style="list-style-type: none"> • Безопасность и охрана • Аварии, происшествия • Армия • здравоохранение • Инвалиды
2	Здоровье	<ul style="list-style-type: none"> • здравоохранение • Инвалиды
3	Достаток, материальное положение	<ul style="list-style-type: none"> • Занятость • Пенсии • Социальная помощь
4	Семья, родственные отношения	<ul style="list-style-type: none"> • Дети • Население
5	Социальная и жилищная инфраструктура	<ul style="list-style-type: none"> • Жилищная сфера • Благоустройство • Транспорт • Энергетика • Градостроительство
6	Экология и среда обитания	<ul style="list-style-type: none"> • Экология
7	Экономическая и политическая ситуация	<ul style="list-style-type: none"> • Социально-экономическое развитие • Законодательство • Городские проекты
8	Достижение поставленных целей	<ul style="list-style-type: none"> • Образование
9	Климат и погода в месте проживания	<ul style="list-style-type: none"> • Сезонные явления, связанные с погодой
10	Социальный статус в обществе	<ul style="list-style-type: none"> • Сюжеты, связанные с Великой Отечественной войной • Истории конкретных людей • Молодежь • Благотворительность
11	Творческая самореализация	<ul style="list-style-type: none"> • Туризм, отдых • Дачное хозяйство
12	Возможность участия в общественной жизни	<ul style="list-style-type: none"> • Конфликты • Профсоюзы

зии для конкретных ценностных категорий, а это ведет к созданию определенных стереотипов среди определенных аудиторий СМИ.

Воспитательная роль телевизионных технологий медиарилейшнз

Средства массовой информации, и особенно журналистика как социальный институт — пространство ценностей. О том, что сегодня происходит в России и как общество относится к необходимости духовно-нравственного просвещения, говорится много. «Самое поразительное — это то, что при существующем напоре инфраструктуры и бизнеса, аморализма большинство русской молодежи, и, в первую очередь, студенчества, сохраняет в целом здоровые жизненные ценности и духовно-нравственные установки», — отмечает директор НИИ КСИ факультета социологии СПбГУ В. Семенов [4, с. 7]. Более того, рассуждает автор, значение, например, ценностей семьи и справедливости, по сравнению с 1990-ми гг., повысилась, а ценность денег, наоборот, понизилась.

Социологи НИИ КСИ провели исследование петербургских студентов в 2008 г. и учащейся и работающей молодежи города в 2010-м. На вопрос «Какое общество Вы хотели бы построить в России?» лидирующими вариантами ответов оказались: «Общество личной

свободы и бизнеса», «Общество социальной справедливости», «Общество правды и добра». Результаты исследования представлены авторами в табл. 2 (данные в процентах) [4, с. 7].

Авторы исследования приходят к выводу, что системообразующим фактором работы с молодежью как наиболее ценностно неустойчивой категорией общества должно стать духовно-нравственное воспитание. Человек находит себя, сравнивая с другими, укрепляя или разрушая жизненные позиции. Позиция как совокупность психологических отношений к объективной действительности, предметной деятельности всегда субъективна.

Основная форма развития личности — жизненный путь, главным содержанием которого являются значимые, критические жизненные события. Жизненный путь имеет два взаимосвязанных измерения: 1) вертикальное (в психологии — селекция) — изменение места человека в социуме, социального статуса, ролей, которое, в свою очередь, определяет состав жизненных событий и специфику предметной позиции человека, его отношения к действительности и приводит к изменению субъективной позиции человека. Вертикальное измерение приводит к появлению и проявлению личностных отличий от других людей; 2) горизонтальное временное измерение как определенная, регламентированная обществом последовательность стадий личностного развития (детство, юность, зрелость) с характерным для каждой

Таблица 2

Ценностная позиция в отношении общества по ответам студентов петербургских вузов

Варианты ответов	Студенты СПб 2008 г. (1310 чел.)	Молодежь СПб 2010 г. (722 чел.)
Общество личной свободы и бизнеса	48	41
Общество социальной справедливости	47	40
Общество правды и добра	35	41
Общество честных людей труда	25	35
Общество веры и любви к ближним	25	36
Общество потребления и комфорта	20	21

стадии ограничением возможных ролей и статусов. В этом смысле общество задает определенную логику смены статусов, ролей, видов деятельности, т. е. временную структуру развертывания жизненного пути и профессиональной карьеры, последовательность возникновения значимых событий и определяет фазы инкультурации и социализации общества.

Психолого-социальные исследования, проведенные среди студентов дневного отделения петербургских вузов в 2010–2011 гг. автором данной статьи, выявили следующие тенденции. Основные ценности, заявленные в ответах, не всегда совпадают с теми, которые транслируются нам средствами массовой информации от имени молодежи. Среди ответов по убывающей были названы: любовь, карьера, семья, деньги, увлечения, самореализация. Основные проблемы, которые волнуют молодых людей, — как найти хорошую работу и как устроить личную жизнь. Последнее в большинстве рассуждений ассоциировалось с прочными семейными отношениями, с созданием семьи, рождением детей. Представления о жизни у молодых лю-

дей расходятся с теми идеалами, которые транслируются массмедиа (журнал «Медведь», телепередачи «Давай поженимся» на Первом канале, шоу «Безумно красивые» на МузТВ, радиоигры «Найди своего партнера» и др.).

Мыслящая часть общества, несущая на себе нравственную ответственность за состояние его духовной жизни, все более убеждается в своевременности становления ценностных констант. В новых условиях приходится искать и новые формы взаимодействия.

Таким образом, можно констатировать, что ценности — неотъемлемая часть системы жизненных координат каждого человека. Взаимодействие общества, человека в обществе и массмедиа показывает всю эффективность работы с общественностью с помощью каналов СМИ, особенно телевидения. Система медиарилейшнз формирует определенный образ действительности, который стремится отразить существующую в обществе иерархию системы ценностей. При определенных условиях медиарилейшнз может служить мощным воспитательным и образовательным инструментом сложного современного общества.

Литература

1. *Гундарин М. В.* Теория и практика связей с общественностью: основы медиарилейшнз: Учеб. пособие *Television and society: new forms of value aspect relationship with the media* 2-е изд., испр. и доп. М.: Форум, 2011.
2. *Зайцева А. А.* Социальная проблематика в теленовостях // Ценности журналистики и достоинство журналиста / Ред.-сост. В. А. Сидоров, Г. В. Жирков. СПб.: Роза мира, 2010.
3. *Журавлев В. В., Родионов В. А., Цепляев А. Н.* Социальные ценности современной российской молодежи. М.: 2002.
4. *Семенов В. Е.* Духовно-нравственное воспитание как необходимый компонент российского образования // *Нравственность в образовании*. 2011. № 8.
5. *Ситников В. П.* Техника и технология СМИ: печать, телевидение, радиовещание. М.: Эксмо, 2005.
6. *Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.* Социальное настроение. М., 2008.
7. *Чумиков А. Н., Бочаров М. П.* Актуальные связи с общественностью: сфера, генезис, технологии, области применения, структуры. М.: Юрайт, 2009.

References

1. *Gundarin M. V.* Theory and practice of public relations: bases media relations: *Television and society grant: new forms of value aspect relationship with the media*. 2nd edition. M.: Forum, 2011.
2. *Zaytseva A. A.* Social perspective in telenews // *Value of journalism and journalist* / Ed. by V. A. Sidorov, G. V. Zhirkov. SPb.: World rose, 2010.

3. *Zhuravlyov V. V., Rodionov V. A., A. N. Tseplyaev.* Social values modern Russian youth. M.: 2002.
4. *Semenov V. E.* Spiritual and moral education as a necessary component of Russian education // Moral in education. 2011. N 8.
5. *Sitnikov V. P.* Methods and technology of mass media: press, television, broadcasting. — M: Eksmo, 2005.
6. *Toshchenko Zh. T., Harchenko S. V.* Social mood. M: 2008.
7. *Chumikov A. N., M. P. Bocharov.* Actual public relations: sphere, genesis, technologies, scopes, structures. A. N. Chumikov, M.: Uright, 2009.

А. И. Павлов

A. I. Pavlov

Имидж руководителя как фактор повышения эффективности деятельности учреждения здравоохранения

The image of the head as a factor in increasing
the efficiency of hospital

Павлов Андрей Игоревич

г. Долгопрудный, Московская обл.
Муниципальное бюджетное учреждение
здравоохранения
«Долгопрудненская центральная городская
больница»
Заведующий операционным отделением
Кандидат медицинских наук
197500@mail.ru

Ключевые слова:

имидж руководителя, учреждение здравоохранения, эффективность деятельности

Автором статьи выполнен обзор основных научных подходов к использованию положительного имиджа руководителя как средства повышения эффективности деятельности учреждения здравоохранения, охарактеризованы возможности и перспективы применения их на практике.

Ранее понятие имиджа руководителя связывалось с внешним впечатлением о человеке. Но в современных условиях эти представления видоизменяются. Управленческий имидж представляет собой больше, чем просто внешний образ или набор характерных особенностей личности. Кроме того, в управленческой практике следует учитывать его специфику, обусловленную системой его взаимовлияния на восприятие организации, имидж руководителя которой рассматривается.

По нашему мнению, управленческий имидж руководителя учреждения здравоохранения является образом, специально создаваемым в сознании сотрудников, пациентов и других целевых аудиторий и помогающий им выбирать решения и действия, которые удовлетворяли бы

Pavlov Andrey Igorevich

Dolgoprudny, Moscow Region
Municipal budgetary healthcare institution
"The Dolgoprudny central city hospital"
Head of the surgical department
PhD in medical sciences
197500@mail.ru

Key words:

manager image, health services, effectiveness

The author of the article has undertaken a review of scientific researches based on the use of the positive image of the manager as a means of enhancing the effectiveness of health services, were described the opportunities and perspectives of using the analyzed approaches.

интересы и желания руководителя даже тогда, когда не существует непосредственных точных указаний. С помощью данного образа происходит дополнение формальных каналов информационного обмена эмоциональной составляющей. Это позволяет подчиненным и другим заинтересованным группам правильно интерпретировать намерения руководителя, даже не нашедшие полного формального закрепления и не в полной мере продекларированные.

Таким образом, рассматриваемая нами проблема довольно сложна и многопланова. В этой связи необходимо провести анализ существующих методик использования имиджа руководителя для повышения эффективности деятельности учреждений здравоохранения.

Медицинское учреждение представляет собой специфическую социальную организацию, которая объединяет сотрудников, деятельность которых имеет различное целевое назначение (врачи, медицинские сестры, фельдшеры, технический персонал и т. п.). Сама специфика сферы здравоохранения предполагает ориентацию на потребности пациентов.

Сложности, характерные для современного периода развития российской экономики, требуют от медицинских учреждений методов управления и построения имиджа, которые соответствуют реальной обстановке. Анализ их развития показывает, что при примерно одинаковых «стартовых» условиях организации достигают существенно различных результатов: от упадка, даже банкротства (если говорить о коммерческих медицинских учреждениях), до стабилизации и активного расширения. Конкуренция во многом активизирует процессы саморазвития, заставляя использовать и развивать, прежде всего, внутренние потенциальные ресурсы организации [1].

Основным препятствием для эффективного управления в сфере здравоохранения является противоречие между существующими потенциальными возможностями коллектива медицинских сотрудников и недостаточным использованием их руководящим звеном в процессе организационного развития. Эффективное управление медицинским учреждением не может осуществляться без формирования привлекательного образа того, кто должен по своему должностному положению заниматься данной деятельностью. Руководитель медицинского учреждения в своей деятельности должен ориентироваться на несколько целевых аудиторий. Прежде всего, это — пациенты, сотрудники, СМИ, контролирующие органы.

Руководителю в сфере здравоохранения необходимо уметь налаживать эффективные связи с общественностью. Осознавая данную необходимость, многие руководители в сфере здравоохранения проявляют настойчивый деловой ин-

терес к проблеме формирования имиджа как личностного инструментария, с помощью которого они могут утвердиться в социальной среде своего общения, сформировать деловые отношения с пациентами и сотрудниками. А в конечном итоге — закрепить свою деловую репутацию и личный авторитет [2].

Проводя анализ проблемы повышения качества управленческой деятельности руководителя в учреждениях здравоохранения, выявляя, какие факторы могут способствовать созданию его положительного имиджа, мы провели исследование, суть которого заключалась в получении целевой информации по сравнительному анализу мнения руководителей медицинских учреждений о своем имидже и мнения сотрудников о своих руководителях, а также создании стереотипного образа «идеального руководителя» в сфере здравоохранения.

Выявлено, что типичными в медицинском учреждении являются ситуации, когда руководитель не прикладывает усилия к формированию имиджа, а заботится только о технологическом процессе. Он выдает различные, по сути своей — производственные, указания, при этом не задумывается о том, что может повлиять на их осуществление. В частности, какой образ руководителя заложен у сотрудников и, интерпретируя данные подчиненным указаниям, создает мотивацию на их выполнение. Именно в случае личностного управления оказывается актуальным понятие управленческого имиджа.

Моделирование поведения сотрудников происходит как раз с помощью имеющегося образа руководителя. Он может не давать прямых указаний, но подчиненные могут самостоятельно, принимая во внимание экономические и социальные интересы своего руководителя, смоделировать и принять выгодные для него решения [6]. Образ руководителя представляет собой картину, возникающую в сознании и подсознании подчиненных, пациентов, целевых аудиторий медицинского учреждения в результате естественного делового и личного взаимодействия с руководите-

лем. В нем отражаются не только внешние (так называемые, наблюдаемые), но и внутренние характеристики руководителя учреждения здравоохранения.

Очень существенным является тот факт, что внутренние характеристики, которые сотрудники не наблюдают непосредственным образом, они приписывают руководителю сами, исходя из собственных стереотипов и потребностей. Поэтому у разных сотрудников имидж одного и того же руководителя может сильно различаться. Сложившийся образ берет на себя функцию регулятора поведения. Руководитель управляет своим имиджем посредством создания или устранения мотивов на те или иные действия. В зависимости от существующих имиджевых характеристик, данное управление может привести к достижению желаемых руководителем медицинского учреждения результатов, а может, наоборот, привести к негативным результатам в работе.

Особенность управленческого имиджа в сфере здравоохранения заключается в том, что он, во-первых, не просто управляет, он специально должен управлять, не обязательно явным образом, но главное, чтобы это происходило эффективно. Во-вторых, под имиджем руководителя необходимо понимать нечто, что формируется не спонтанно, а целенаправленным образом. В этом — отличие управленческого имиджа руководителя предприятия от привычного понятия «авторитет руководителя». Авторитет представляет собой образ руководителя, складывающийся у подчиненных стихийным образом, а управленческий имидж является образом, создаваемым в результате специальной, целенаправленной работы.

Управление имиджем руководителя учреждения здравоохранения включает в себя сознательный и бессознательный компоненты: сотрудники могут направлять действия, ориентируясь на образ руководителя сознательным образом, а могут интуитивно следовать данному образу (в частности, при подражании).

Формируемый имидж руководителя медицинского учреждения всегда предназначается для работы в определенной

группе людей, руководимыми тем, кто ее создал. Поэтому важными являются именно частные характеристики и руководителя, и группы, а не только общие рекомендации руководителю предприятия, которые приводятся в теоретической литературе. Имидж руководителя учреждения здравоохранения должен быть построен, учитывая человеческие, социальные и технологические особенности группы сотрудников [5].

Представления о положительном имидже руководителя учреждения здравоохранения менялись со временем: привлекательность имиджа как преклонение перед авторитетной личностью сменяется в настоящее время привлекательностью имиджа в межличностных отношениях как инструменте управленческого успеха. Положительный имидж руководителя медицинской организации должен рассматриваться в качестве совокупности основных личностных характеристик и профессиональных компетенций, конструктивного стиля управления, а также гибких форм организационного поведения. Имидж руководителя учреждения здравоохранения должен являться, по мнению автора, одним из факторов повышения эффективности управленческой деятельности в медицинских организациях [4].

С нашей точки зрения, положительный имидж руководителя учреждения здравоохранения является механизмом управления поведением сотрудников посредством удовлетворения их базовых потребностей в безопасности, признании, принадлежности и самореализации. Он включает в себя персональный, социальный, профессиональный и корпоративный образ руководителя для сотрудников учреждения здравоохранения.

Социальные возможности формирования положительного имиджа руководителя в сфере здравоохранения определяют основные компоненты его поведения, которые обеспечивают высокую привлекательность имиджа, вне зависимости от выполняемых функций руководителя [3]:

- формирование межличностных отношений посредством создания эмоционального комфорта для со-

трудников, умения руководителя управлять своей жизнью, брать ответственность за нее, способность адаптироваться к любым жизненным ситуациям;

- способность руководителя медицинского учреждения осознавать свои эмоции и чувства окружающих, умение вызвать у сотрудников эмоциональный отклик, который даст возможность повысить эффективность управленческой деятельности в процессе организационного взаимодействия.

Модель положительного имиджа руководителя в сфере здравоохранения должна включать в себя следующие основные социальные роли: «профессионал», «эмоциональный лидер», «административный лидер» и «успешный руководитель». Данным социальным ролям должны соответствовать и определенные имиджи руководителя (персональный, профессиональный, социальный и корпоративный). Сравнительный анализ социальных ролей, выполняемых руководителем в сфере здравоохранения, с имиджем идеального руководителя дает возможность для формирования

оценки инструментальных ресурсов руководителей.

В сфере здравоохранения существует значительная связь между степенью влияния позитивного имиджа руководителя на сотрудников и уровнем развития навыков использования социальных возможностей, а также между уровнем влияния позитивного имиджа руководителя на осуществление управленческих процессов и умения использовать данные возможности в организационных отношениях.

Таким образом, условиями, которые способствуют реализации социальных возможностей формирования позитивного имиджа руководителя в сфере здравоохранения, являются: установление идеального имиджа руководителя в качестве основного компонента профессиональных стандартов для руководителей разных уровней; оценка успешности деятельности руководителя и степени соответствия существующего имиджа имиджу идеального руководителя в сфере здравоохранения, внедрение разработанных технологий в практику управления персоналом медицинского учреждения.

Литература

1. Березина Д. В. Социально-психологическое значение имиджа в практике управления персоналом // Научно-практический вестник педагогических инноваций. 2006. № 4. С. 2–5.
2. Дагаева Е. А. Драматургический поход к изучению имиджа как социально-психологического феномена // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 3. С. 14–21.
3. Деревлева М. Формирование имиджа руководителя // Лаборатория рекламы. 2011. № 4. С. 14–23.
4. Колоскова М. Внутренний имидж руководителя компании // Персонал-микс. 2003. № 6. С. 14–21.
5. Панфилова А. П. Имидж делового человека. М.: ИВЭСЭП; Знание, 2007. 496 с.
6. Сальникова Л. С. Имидж и репутация: символы или реальность // Философские науки. 2007. № 3. С. 18–23.

References

1. Berezina D. V. Social and psychological value of image in practice of human resource management // the Scientific and practical messenger of pedagogical innovations. 2006. N 4. P. 2–5.
2. Dagayeva E. A. Dramaturgic approach to image studying as social and psychological phenomenon // Person. Community. Management. 2010. N 3. P. 14–21.
3. Derevleva M. Formation of image of the leader // Advertizing Laboratory. 2011. N 4. P. 14–23.
4. Koloskova M. Internal image of the head of the company//Personnel-mix. 2003. N 6. P. 14–21.
5. Panfilova A. P. Image of the businessman. M.: IVESEP; Knowledge, 2007. 496 p.
6. Salnikova L. S. Image and reputation: symbols or reality // Philosophical sciences. 2007. No. 3. P. 18–23.

Н. А. Борисов

N. A. Borisov

О типологии и видах экологической политики

On the Typology and Types of Ecological Policy

Борисов Николай Александрович

Санкт-Петербург
Комитет по природопользованию, охране
окружающей среды и обеспечению
экологической безопасности Администрации
Санкт-Петербурга.
Заместитель председателя
Аспирант кафедры политологии СЗИУ РАНХиГС
borisov@kpoos.gov.spb.ru

Ключевые слова:

экологическая политика, политика, экономика, экологический кризис, политическая парадигма, политическая экология

В статье рассматривается проблема основания экологической политики. Обсуждая ключевые подходы к определению видов экологической политики, автор раскрывает необходимость формирования политической экологии как формы осмысления новой политической парадигмы, являющейся основанием для современных видов экологической политики.

Начиная с 1970-х гг. экологическая тематика прочно занимает одно из ведущих мест в перечне проблем, имеющих политический характер. Хозяйственная деятельность человека, ее последствия по воздействию на природу в XX веке признаются не только избыточными, но и ведущими к глобальному кризису. В. Хесле, один из ярких представителей современной немецкой философии, ставит вопрос: «каким образом существо, давшее самому себе биологическое видовое имя *Homo sapiens*, оказалось вовлечено в коллективное губительное движение к катастрофе»? [3].

Экологический кризис носит глобальный характер, однако возникновение его связано с хозяйственной деятельностью субъектов, находящихся под юрисдикцией различных государств. Все государ-

Borisov Nikolay Aleksandrovich

Saint-Petersburg
Deputy Chairman of the Committee on
environmental management, environmental
protection and ensuring ecological safety of
the Administration of Saint-Petersburg
Graduate student of Chair of Political Science
of North-West Institute of Administration of
the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
borisov@kpoos.gov.spb.ru

Key words:

ecological policy, policy, economy, ecological crisis, political paradigm, political ecology

In the article the problem of the basis of ecological policy is considered. Discussing key approaches to definition of types of ecological policy, the author opens necessity of formation of political ecology — as form of judgment of the new political paradigm being the basis for modern types of ecological policy.

ства, а также заинтересованные субъекты деятельности вынуждены так или иначе определять свою позицию, действия или бездействие в отношении экологической проблематики. И теоретически, и институционально происходит оформление такого феномена, как «экологическая политика».

В самом общем виде под экологической политикой понимают определенную «организацией совокупность намерений и принципов относительно экологических показателей ее деятельности, которая создает основу для разработки конкретных целей и задач»¹. Такое

¹ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EA%E3%EB%E8%F7%E5%F1%EA%E0%FF_%EF%EE%EB%E8%F2%E8%EA%E0 (дата обращения: 03.05.2012).

определение задает точку отсчета для движения к более развернутому пониманию экологической политики. Выделение видов экологической политики позволит рассмотреть как многообразие ее проявлений, так и единство этого феномена.

Первое следствие, вытекающее из этого определения, касается параметров организаций — субъектов и, соответственно, различных по уровню видов экологической политики. Справедливо будет вычлнить государственную экологическую политику, нацеленную на регулирование отношений хозяйствующих субъектов и окружающей среды в границах государства, а также вопросов природопользования и экологической безопасности. Субъектами государственной экологической политики являются как государство, так и группы давления субъектов хозяйствования, политические партии и общественные организации, формирующие ее проблемное поле.

Субъектами глобальной экологической политики выступают государства и международные институты, созданные с целью предотвращения глобальной экологической катастрофы.

Региональная экологическая политика по своему содержанию может вмещать в себя три смысловых поля. Во-первых, часто экологические проблемы возникают в регионах, затрагивающих интересы ряда государств. Например, проблемы загрязнения Балтийского моря касаются интересов прибалтийских государств, включая Великобританию, и создают экополитическое пространство Балтийского региона. Во-вторых, государство осуществляет дифференцированную экологическую политику в отношении различных регионов внутри государства. Примером может служить создание во многих государствах национальных парков и заповедников на отдельных территориях с целью сохранения редких представителей флоры и фауны. В-третьих, регионы могут осуществлять собственную экологическую политику.

Местная экологическая политика формируется местными органами власти,

предприятиями, корпорациями, политическими организациями.

Содержательное различие видов экологической политики на основе этапов производственного цикла предлагает Т. А. Романова: «Ключевыми представляются три проблемы: ограниченность ресурсов и их неравномерное распределение; взаимосвязь между индустриализацией и нагрузкой на окружающую среду; и, наконец, загрязнения и отходы производства»¹. Каждая из этих проблем может стать источником конфликтов и открытого противостояния между государствами с целью установления именно своего режима хозяйствования. Экологическая политика в связи с этим может быть направлена; во-первых, на экономию невозобновляемых ресурсов; во-вторых, на снижение техногенной нагрузки на природу; в-третьих, на борьбу с загрязнением окружающей среды. Понятно, что эти виды политик взаимосвязаны между собой. Они, согласно Т. А. Романовой, представляют предметную область политической экологии. Здесь не проводится различие между понятиями «экологическая политика» и «политическая экология», и они воспринимаются как синонимы.

Далее автор вычленяет виды политик, которые реализуются в современном мире с учетом экологической проблематики. Предлагается политэкономическую дихотомию «политика — экономика» заменить на треугольник ключевых понятий. «Итак, существует как минимум четыре варианта интерпретации зависимых и независимых переменных в треугольнике „политика—экономика—экология“. Наиболее примитивный и понятный — неореалистический способ. Более идеалистичные схемы — либеральный институционализм и неозекологизм. Наконец, самым перспективным сегодня представляется конструктивистский вариант исследования связей между тремя понятиями, а также разработка соответствующего компонен-

¹ Романова Т. Что такое политическая экология? // Россия в глобальной политике. 23 октября 2010 URL: <http://globalaffairs.ru/number/Chto-takoe-politicheskaya-ekologiya-15022> (дата обращения: 03.05.2012).

та внешней политики»¹. Эти виды политик уже нельзя назвать видами собственно экологической политики, поскольку только один вид — неозекологизм — удерживает предметную область, да и то довольно абстрактно.

Виды политики возникают вследствие того, что независимыми переменными по очереди становятся «политика — экономика — экология», либо они все трактуются независимыми переменными, как в случае с либеральным институционализмом. В конечном итоге речь идет о том, чтобы выяснить, что же является основанием, и есть ли оно для политики.

Толчком для предложенной классификации послужила интерпретация позиции С. Якуцени и А. Буровского, представленная в их монографии «Политическая экология» [1]. «Было время, когда экономика определяла войны — и было время политической экономики. Настало время, когда экология определяет войны — и настало время политической экологии», — отмечают они [1, с. 2]. Выдвинув этот тезис в первых строках монографии, авторам не удается последовательно объяснить свою позицию, и они постоянно ей противоречат.

С самого начала они утверждают: «говорить о политической экологии возможно лишь с того момента, как только возникает культура — то есть возникают не генетические, а культурологические системы регуляции поведения в среде обитания и деятельности в этой среде» [1, с. 3]. Это означает, что политическая экология существует в контексте всей человеческой истории. Причем же тогда «время политической экономии»? Не делая акцента на критическом разборе текста, заметим лишь, что авторы не придерживаются последовательной интерпретации основных понятий.

Уместно было бы сегодня согласиться с тезисом известного французского философа и социолога Б. Латура: «С концептуальной точки зрения политическая экология еще и не начала существо-

вать; просто были соединены два слова — „экология“ и „политика“, каждое из которых так и не получило нового осмысления»².

Для того чтобы продвинуться в вопросе о видах экологической политики, необходимо уточнить основные термины проблемного поля экологической политики. Как соотносятся термины экологическая политика и политическая экология, и что в этом контексте понимается под политикой? Рассматривая проблему экологического кризиса как проблему кризиса ценностей, В. Хесле опирается на концепцию морально-политических парадигм, описывающую политическую историю и историю политической мысли. Такой подход является аналогом концепции научных парадигм, разработанной Т. Куном в работе «Структура научных революций».

Парадигма, согласно Т. Куну, — это способ мышления, принятый в научном сообществе в определенную историческую эпоху. Члены научного сообщества, за исключением мыслителей-революционеров, не вольны выбирать или менять парадигму. Парадигма — это образец, которому следуют с очевидной необходимостью все причастные конкретному сообществу.

Под политической парадигмой следует понимать способ осмысления основания, по которому человеческое сообщество делится на политические единства. Она отражает единство мышления и тех форм действительности, которые продуцируют определенность мышления. Смена политических парадигм влечет за собой крах реальных социально-политических институтов и является небезобидным процессом, сопровождающимся глобальным отказом от целей и ценностей прежней эпохи. Характер и тип политической парадигмы определяются тем основанием, по которому общества раскалываются на политические единства. В каждую эпоху противоборство политических сил, выражающее сущностное противоречие эпохи, стремится завершиться победой

¹ Романова Т. Что такое политическая экология? Россия в глобальной политике. 23 октября 2010 URL: <http://globalaffairs.ru/number/Chto-takoe-politicheskaya-ekologiya-15022> (дата обращения: 03.05.2012).

² Латур Б. Политика природы // Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (46). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/la3.html> (дата обращения: 10.06.2012).

и верховенством одной из сторон этого конфликта. Идеологически это интерпретируется как борьба за власть прогрессивных сил против сил реакции. В то же время историческим результатом борьбы сторон становится разрешение, снятие противоречий, структурирующих данную эпоху, и освобождение общества как от данного типа противоречий, так и от их носителей.

Если античность основное политическое различие проводило по цивилизационно-этическому основанию, отделяя свободных, цивилизованных греков и римлян от варваров; если средневековые различало политические сообщества по религиозному основанию; то в центре современности лежат противоречия национально-экономического характера: «хозяйство стало политикой <Politicum>, и в силу этого — „судьбой“» [2].

Таким образом, феномен политики возникает в тех сферах общественной жизни, которые становятся судьбоносными для цивилизации, и по своей природе не имеет отдельной социальной ниши. Политика производит такие структуры, которые несут в себе универсальный посыл разрешения противоречий в особенных сферах человеческой жизнедеятельности. Экологический кризис указывает на тотальный кризис целей национально-экономической парадигмы. Экологическая парадигма, либо через катастрофу, либо через преобразовательную управленческо-политическую деятельность человеческого сообщества с необходимостью начинает подчинять себе поведение и мышление в мире политики. Исходя из представленного понимания политического развития, необходимо принципиально различать

термины «политическая экология» и «экологическая политика».

Под политической экологией следует понимать совокупность концепций, раскрывающих содержание экологической политической парадигмы. Экологическая парадигма идет на смену национально-экономической парадигмы, и политическая экология призвана подвергнуть рефлексии и выявить принципы, по которым будет структурирован мир политического.

Под экологической политикой следует понимать деятельность социальных институтов по разрешению конфликтов, противоречий, угрожающих свободе политических сообществ в сфере взаимодействия общества и природы. Экологическая политика — относительно старое изобретение, и она может опираться на разные парадигмы. Свою современную форму экологическая политика приобрела в XX веке, развиваясь в лоне национально-экономической парадигмы, но развитую, адекватную форму она должна приобрести в рамках экологической парадигмы.

Таким образом, мы можем говорить о двух типах экологической политики: экологической политике, опирающейся на принципы национально-экономической парадигмы, и экологической политике, опирающейся на принципы экологической парадигмы. Субъектами этих политик могут быть самые различные образования, цели и ценности. Деятельность их может быть довольно противоречива. Однако дальнейшая классификация и типология экологической политики должны опираться на понимание происходящих политических процессов. Определить существо этих процессов и является задачей политической экологии.

Литература

1. Буровский А., Якуцени С. Политическая экология. СПб., 2010.
2. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 67.
3. Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993.

References

1. Burovsky A., Yakutseni S. Political ecology of Saint-Petersburg. 2010 .
2. Schmitt K. Concept of political // Sociology Questions. T. 1. No. 1. 1992. P. 67.
3. Hesle V. Philosophy and ecology. M.: Science, 1993.

Е. Г. Серебрякова

E. G. Serebryakova

Мир глазами диссидента (по книге В. Буковского «И возвращается ветер...»)

World through the eyes of a dissident
(about the book of V. Bukovsky «The wind returns...»)

Серебрякова Елена Геннадьевна

Воронеж
Воронежский государственный университет
Доцент кафедры культурологии
Кандидат филологических наук
serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Ключевые слова:

либеральная советская интеллигенция 1960-х годов, молодое поколение неконформистов, политическая борьба в конце 1960-х годов, взгляды на действительность и современника, смена идей внутри либеральной советской интеллигенции, истощенность мировоззренческого и лексического тезауруса

Статья посвящена анализу книги В. Буковского «И возвращается ветер...». Автор утверждает, что книга отражает взгляды на действительность и современника молодого поколения неконформистов, вступивших на путь политической борьбы в конце 1960–1970-х годов. Исследователь вскрывает идеологическую и мировоззренческую связь диссидентов 1970-х годов и старшего поколения шестидесятников: Л. Чуковской, А. Сахарова, А. Солженицына. Автор показывает динамику идей внутри шестидесятиничества и обнаруживает ряд различий в восприятии мира и человека двумя поколениями неконформистов. В статье сделан вывод об истощенности мировоззренческого и лексического тезауруса диссидентства в 1970-е годы.

В культуре диссидентского поведения особое место занимала идея тождества слова и дела. Ограниченные властью в возможности реализации своих гражданских прав, убежденные в необходимости гласности и отмены цензуры, диссиденты расценивали устное и письменное слово как средство борьбы за

Serebryakova Elena Gennadievna

Voronezh
Voronezh state university
Associate professor of the Chair of cultural science
Candidate of Philology
serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Key words:

liberal Soviet intelligentsia of 1960 years, young generation of nonconformists, the political struggle in the end of 1960-s, the views on reality and contemporaries, the changes of the ideas inside the liberal Soviet intelligentsia, the exhaustion of mental and lexical thesaurus

The article is devoted to the analysis of the book of V. Bukovsky «The wind returns...» (in English version the book is titled «To Build a Castle»). The author maintains, that the book reflects the views of the young generation of nonconformists, who began the political struggle in the end of 1960-s on the reality and contemporaries. The author of the article finds the ideological and mental connection between dissidents of 1970-s and the older generation of liberal Soviet intelligentsia: A. Solzhenitsyn, L. Chukoskaya, A. Sakharov. The author presents the changes of the ideas inside the liberal Soviet intelligentsia and defines the differences in their views on reality and contemporaries.

The author makes the conclusion about the exhaustion of mental and lexical thesaurus of the dissidents in the 1970-s.

политические свободы. Неудивительно поэтому, что в наследии 1960–1980-х годов значительный пласт составляют диссидентские тексты — автобиографии, дневники, мемуары и проч. По меткому замечанию А. Даниэля, диссиденты «только и делали, что порождали тексты» [1, с. 115]. В архиве Научно-инфор-

мационного и просветительского центра «Мемориал», как отмечал исследователь, хранится около 25 000 документов по истории диссидентства, авторы которых — сами диссиденты. В Будапештском Институте истории послевоенного коммунизма и холодной войны при Центрально-Европейском университете таких материалов еще больше [1, с. 125]. Книга В. Буковского «И возвращается ветер...» — одно из многочисленных авторских свидетельств эпохи. Вступивший на путь политической борьбы в 1960-е годы, автор по своему мировоззрению и модели поведения относился к более позднему — молодому — поколению шестидесятников, для многих представителей которого, включая Буковского, диссидентство стало не только гражданской позицией, но и профессией. Изданная в 1978 году в Англии, книга весьма показательна для оценки диссидентской модели мира и человека, многократно ретражированной в автобиографиях нонконформистов, и эволюции взглядов шестидесятников — от раннего (конец 1950-х — 1960-е гг.) до позднего (1970-е — 1980-е гг.) периода.

Фундаментальные позиции этой модели мира обозначены в книге на первых же страницах: «...Причины, которые загнали меня в тюрьму, загонят и во второй, и в третий. Они, эти причины, неизменны, как неизменна и сама советская жизнь, как не меняешься и ты сам. Никогда не позволят тебе быть самим собой, а ты никогда не согласишься лгать и лицемерить. Третьего же пути не было» [2, с. 13]. Мы видим биполярный мир, расколотый на два враждебных лагеря — «свой» и «чужой», оцененный с этических позиций. «Чужой» — стан врагов, лживый, враждебный естественной потребности человека в правде и праве на самореализацию. «Свой» — внутренний мир духовно свободной личности, не допускающей компромисса. Конфликт сторон представлен как неизбежный и неотвратимый. Данное мировосприятие, сформированное ранними шестидесятниками, в 1970-е годы воспринималось как единственно верное и не поддающееся переосмыслению. Л. Чуковская, представительница старшего поколения,

в статье «Гнев народа» (1973 г.) высказывала схожие мысли: «У нас действует один неписанный закон, тот, который сильнее всего свода наших законов вместе взятых, тот, от которого власть не отказывается никогда; у нас существует лишь одно преступление, которого власть никогда и никому не прощает; этот единственный, соблюдаемый строжайше закон: каждый человек должен быть сурово наказан за малейшую попытку самостоятельно думать. Думать вслух» [3, с. 167]. Как видим, профессиональный диссидент В. Буковский и околодиссидентский литератор Л. Чуковская вписывают себя в одну систему координат «личность—государство» и создают схожую картину мира, на двух полюсах которого существуют непримиримые враги.

Этический приговор требует постоянного подтверждения, поэтому в сферу авторского внимания втягиваются все новые и новые человеческие судьбы, общественные отношения и механизмы государственного устройства. Автобиография диссидента — это не повествование о персональной судьбе, но всегда панорама жизни народа и страны сквозь призму частной биографии. Антропоцентризм и гражданственность — качества, не разделимые в сознании нонконформиста, потому персонажи книги избираются не по принципу личной симпатии или дружественных связей, а по их значимости в общественно-политической деятельности: с одной стороны «свои», сплоченные борьбой, — А. Есенин-Вольпин, П. Григоренко, политзаключенные в тюрьмах и психбольницах; с другой — многочисленные «чужие» — следовательно, агенты КГБ, врачи-психиатры и проч. А между врагами — безликое, молчаливое большинство советских людей, смирившихся с всеобщей ложью.

Это знание о мире видится автору самодостаточным и исчерпывающим. Одномерность мировосприятия — обязательный базовый принцип автобиографий диссидентов. Он с неизбежностью влечет за собой искажение и тенденциозность всей картины мира (А. Солженицын «Бодался теленок с дубом», Л. Чуковская «Процесс исключения», А. Марченко «Мои показания» и др. примеры

можно множить). Официальная позиция в них оценивается не как иная, с которой можно спорить, а как лживая, требующая безоговорочного разоблачения и отвержения. Без сомнения, категоричность позиции диссидентов спровоцирована беспрецедентным политическим давлением и неослабевающей социальной травлей. В условиях ожесточенной идеологической борьбы каждая из сторон руководствовалась классовым пониманием нравственно-этических норм, по которым идейно противостояние порождает военную тактику, не допускает психологических колебаний и сомнений в собственной правоте.

Все прогнило в советском государстве, убеждает читателя Буковский: во внутренней политике — партноменклатура боится реформ; в искусстве — подлинная художественная жизнь, стесненная системой управления, реализуется в подпольных выставках художников, чтении стихов у памятника Маяковскому, самиздате; в экономике — КГБ сражается с хозяйственными преступлениями, пытаясь задавить стихийно развивающийся частный капитал — оппозицию госсобственности; в психиатрии — концепция профессора Снежневского о вялотекущей шизофрении есть способ борьбы КГБ с инакомыслящими. Масштаб изображения свидетельствует о стремлении автора дать всесторонний анализ действительности, убедить читателя в невозможности улучшения прогнившего социального строя.

Эта позиция принципиально отличает Буковского от поколения «старших шестидесятников» — Л. Чуковской, А. Сахарова, А. Солженицына, убежденных в возможности построения социализма «с человеческим лицом». Реформирование строя бессмысленно — вывод, рожденный в 1970-е годы, приписывается автором общественному сознанию 1960-х: *«Вдруг стала очевидна нежизнеспособность всей системы»*¹, некомпетентность руководства. <...> Думаю, он (Хрущев. — Е. С.) был последним коммунистическим правителем, который действительно верил в возмож-

ность построить коммунизм и пытался осуществить это. Но никому его коммунизм был уже не нужен, никто, кроме него, в такую возможность уже не верил. Всем был настолько очевиден обман, что даже кроты прозрели» [2, с. 129]. Заявлений, подобных этому, претендующих на разъяснение логики событий социальной истории, а по сути квазиисторических, в книге Буковского предостаточно. Например: «Здесь же (в ленинградской психбольнице. — Е. С.) сидел Михаил Александрович Нарича, *первый писатель, передавший свою рукопись для публикации за границу*» [Там же, с. 203]; *«Давно уже стало ясно, что при нашей системе случайная смерть фюрера (речь идет о возможном физическом устранении руководства страны. — Е. С.) не влечет за собой перемен в политике»* [Там же, с. 147] и тому подобные. Вместо объективного исследования подлинных фактов, взвешенной оценки причинно-следственных связей явлений, системности изложения читателю предлагается квазиистория, в которой глубокий анализ подменен изначально заданной концепцией. Проще всего было бы найти причину этого в полемическом пыле и публицистическом пафосе автора. Однако это объяснение не кажется вполне убедительным. Буковский издал автобиографию в 1978 году, через два года после высылки из Советского Союза. Адресованная в первую очередь западному читателю, она дает ту модель советского общества, которая была востребована на Западе в период «холодной войны». Кроме того, концепция «история и культура», предложенная Буковским, воспроизводит наиболее типичные логические умопостроения и стереотипы массового сознания советского диссидента 1970-х годов.

Носитель массового сознания воспринимает социальную историю как травматичную для частного человека, враждебную индивидуальной судьбе. Именно такую трактовку находим у Буковского: «...Я <...> родился в самый разгар войны, когда миллионы людей убивали друг друга ради того, какие будут на свете концлагеря: коричневые или красные» [2, с. 79]. Массовое сознание, сохраняя глубинную связь с архаически-

¹ Курсивом выделены фразы, способные, на наш взгляд, вызвать наибольшее недоумение.

ми архетипами, осмысливает социальную историю как цикличную, повторяющуюся, а в итоге — неизменную, лишённую возможности корректировки. В тексте Сталин равен Ленину, Хрущев неотличим от Сталина, система всегда верна своей репрессивной сущности.

Вновь очевидна разница между двумя поколениями шестидесятников: «старички» воспринимали историю как линейную, движущуюся от тоталитаризма к демократии. Неосталинизм конца 1960-х — 1970-х годов виделся им явлением временным, преодолеваемым волевым усилием граждан. «Молодежь» не считала события социальной истории темпоральными, была убеждена в изначальной заданности социалистического строя как порочного и преступного.

Но есть и очевидное сходство — мифологизация государства. Солженицын, излагая в «Теленке» историю своих взаимоотношений с редакцией «Нового мира», создал картину политической системы, развращающей всякого, допустившего даже мысль о возможности сотрудничества с ней. Нравственная ущербность и авторитаризм Твардовского, трусость и приспособленчество сотрудников его журнала — вот неизбежный итог компромисса. Вышедшая за границу после смерти Твардовского, книга Солженицына потрясла и глубоко ранила всех участников описанных событий. В. Лакшин, А. Кондратович, А. Твардовский в посмертно изданных дневниках опровергают не факты, сам дух и смысл рассказанной Солженицыным истории. Фальсификация, без сомнения, не входила в творческую задачу автора. Он стремился создать и представил выверенную, логичную концепцию взаимоотношений личности и государства, по которой государство либо истребляет непокорных, либо пытается превратить их в рабов. Уничтожение лучших граждан отечества представлено в книге Солженицына, как и в других текстах диссидентов, главной функцией государства, репрессивного по самой природе социалистического строя.

Ту же мысль высказывает Буковский. Мифологизация государства ощутима на уровне концепции книги и в поэтике: «На

самом деле самое большое испытание норовят навязать, когда ты болен, когда ты устал, когда особенно нужна передышка. Тут-то берут тебя и хрясь об колено! Именно в такой момент тебя, ошалелого, вытаскивает из подвала кум, ловец душ человеческих» [Там же, с. 25]. Власть как символ вселенского зла, ее служитель как воплощение дьявольской силы — такая мифологема в диссидентских кругах 1970-х годов стала универсальной.

При извечном противостоянии народа и власти автор видит лишь две возможные модели поведения: служение режиму или сопротивление ему. Политическая система, где ложь возведена в главный идеологический принцип, нравственно обречена и исторически бесперспективна. Это, по мнению Буковского, осознают даже представители власти, многие из которых в глубине души сочувствуют диссидентам, но продолжают выполнять служебные обязанности из страха террора. Борцы-одиночки, решившиеся на борьбу, вызывают уважение у народа, утверждает Буковский. Наряду с травлей в официальной печати диссиденты получают письма поддержки со всех концов страны, в тюрьмах уголовники уважают политзаключенных, среди юристов появляются честные адвокаты, специализирующиеся на защите инакомыслящих, психиатры начинают осознавать, что участвуют в травле непокорных, и все чаще проявляют принципиальность — отменяют клеветнические диагнозы коллег-конформистов. Словом, борьба, кажущаяся безнадежной, способна принести победу. Показательно, что реальная, подробно описанная картина взаимоотношений диссидента и власти утверждает мысль о возможности для неконформиста переиграть режим, одержать тактическую и стратегическую победу. А значит, история все же движется поступательно, от диктатуры к демократии (идея «старших шестидесятников»). Эта внутренняя логика поведения расходится с многократно продекларированной в тексте статичностью советской истории, а шире — неизменностью российской истории в целом.

Сопоставление текстов неконформистов позволяет обнаружить их неожидан-

ное сходство с образцами официальной печати. Официальный текст (передовица в газете, постановление правительства и т. п.) всегда представляет собой обращение «сверху — вниз», от власти к народу. Это проповедь, наставление, повествование дидактического характера. Тот же характер взаимоотношений автора и читателя обнаруживаем в диссидентских текстах. Автор дает образец личного поведения, диктует современникам верную, по его мнению, модель мировосприятия и создает, как и официальная печать, нормативный документ. Лишь на первый взгляд в нем воспроизводятся «горизонтальные» связи — от личности автора к единомышленникам-читателям. В действительности перед нами «вертикальные» взаимодействия: подлинный адресат книги — одурманенные советской идеологией современники, которых создатель текста стремится разбудить, освободить от духовного рабства. Из официальной печати проникли в книги нонконформистов и некоторые стилистические приемы: например, введение в текст фрагментов из лично полученных дружественных писем рядовых советских граждан. «Письма гнева» или «письма поддержки», имитирующие в официальной печати связь «снизу вверх», от народа к власти, считались безусловным аргументом в идеологическом споре. Диссиденты используют этот прием с той же целью, что выявляет единство речи, сознания и в целом культурного кода противоборствующих сторон.

С требованием «Жить не по лжи» (1974 г.) обращался к современникам А. Солженицын. Статья, ставшая манифестом шестидесятников, развивала тему личной причастности ко всеобщей лжи. Мораль, по мнению Солженицына, требует не слов, а дела. Жить не по лжи — значит ежедневно доказывать способность действовать в соответствии с гражданской совестью: не участвовать в кампании политических выборов, не посещать собраний, не голосовать за сомнительных кандидатов, не читать газет и журналов и проч. Начать нравственное очищение с себя — традиционное требование в русской классической литературе. Коллективная спячка в противостоянии

идеологии, как считает писатель, изменит общество.

В книге Буковского есть очевидные переключки со статьей Солженицына: «Так или иначе. Все вовлечены в преступления власти, все работают на государственных предприятиях, укрепляя этим систему, создавая ей ценности. Все поднимают руки на собраниях, голосуют на выборах и — самое главное — не протестуют» [2, с. 70]. Как и Солженицын, Буковский сосредоточен на идее коллективной ответственности и не переводит ее в план экзистенциальный. Лишь однажды он замечает: «Презирал я советского человека. <...> Трагедия же заключалась в том, что сидел он в каждом из нас, и, пока мы не преодолеем в себе этого советского человека, — ничего не изменится в нашей жизни» [Там же, с. 74]. Замечание «сидел он в каждом из нас» позволяет предположить, что автор и с себя не снимает вины. Однако тема личной ответственности не развита в тексте, что сближает его с Солженицыным, но отличает от большинства представителей «старшего» шестидесятничества, акцентировавших тему нравственного выбора человека и его персональной ответственности за существующий миропорядок.

В оценке современника обнаруживается очевидное различие позиций двух поколений. «Старшее», исходя из центральной для русской культуры идеи общности судьбы интеллигенции и народа, выражает либеральные просветительские воззрения: духовная слепота преодолима, долг свободомыслящей интеллигенции — помочь труженикам нравственно освободиться. Советский человек сегодня достоин сострадания, завтра — сможет заслужить уважение. Солженицын, предлагая в статье «Жить не по лжи» проект гражданского общества, был убежден в возможности его реализации.

Буковский, как представитель молодой генерации шестидесятников, гораздо категоричнее в своих оценках: «Презирал я советского человека. Не того, который изображен на плакатах или в советской литературе, а того, который существовал на самом деле, у которого нет ни

честь, ни гордости, ни чувства личной ответственности, который *может один на медведя с рогами ходить*, а мимо милиции идет — робеет, аж пот его прошибает. Который предаст и продаст отца родного, лишь бы на него начальник кулаком не стучал» [2, с. 74]. Высокомерие и презрение к современнику — качества, чуждые российской либеральной интеллигенции, разрывающие преемственность между поколениями нонконформистов. Буковский этого не осознает. Его позиция не предполагает попыток опереться на современника. Создание гражданского общества в стране рабов невозможно. Борьба с режимом в таком случае — дело отчаянных одиночек, обреченных романтиков. Но и Солженицын изобразил, по сути, не способ преобразования общества, а метод отпадения от него. Асоциальность и маргинальность личности — естественные последствия предложенной им гражданской позиции — не страшат старшего современника Буковского. Так мы вновь обнаруживаем идейную переключку двух поколений шестидесятников.

Буковский убежден: борьба с режимом — единственно возможная для честного человека модель личного поведения. Ее цена — положение вне социума. Изгойство оценивается старшим и младшим поколением шестидесятников неравнозначно. Убежденные в исторической и нравственной обреченности неосталинизма, «старшие шестидесятники» переживали гонения как факт величайшей социальной несправедливости. Книга Л. Чуковской «Процесс исключения» (1978 г.) проникнута гневом и горечью. Повествуя о своей судьбе и участи других литераторов, исключенных из состава СП СССР за свободомыслие (А. Солженицына, В. Войновича, В. Аксенова, Л. Копелева, В. Максимова и др.), писательница многократно обращается к авторитету русских классиков, также гонимых при жизни. А. Солженицын в книге «Бодался теленок с дубом» (1975 г.) осмысливает собственные злоключения в традициях русского юродства — духовного подвига самоотречения во имя истины. Культурные аллюзии в обоих текстах укрупняют позиции авторов, свидетельствуют

о предельной серьезности, с которой литераторы убеждают читателей в значимости и нравственной безупречности гражданской позиции нонконформиста.

Осмысление Буковским собственной маргинальности не лишено драматизма. Многие страницы книги посвящены рассказу о душевных страданиях автора. Однако его самоидентификация включает в себя явно выраженный игровой момент. Борьба с режимом есть состязание, ведущееся каждой из сторон с переменным успехом. Государство сделало героя изгоем, зато не может лишить работы — ее и так нет. Его профессия — диссидентство, а потому Буковский не стремится социализироваться. Подробно описывая свое участие в разнообразных акциях протеста, он лишь однажды упоминает, как между отсидками обеспечивал себя: «подрабатывал переводами с английского, работал секретарем у писателя Максимова» [2, с. 353]. Тут же следует комментарий, заставляющий читателя усомниться в правдивости сказанного (в эпизоде речь идет о психиатрической экспертизе в Институте Сербского): «Я врал напропалую, сам удивляясь своему нахальству» [Там же, с. 353]. Дискредитация собственного заявления свидетельствует, что асоциальность не является темой глубокой рефлексии автора, не вызывает душевного дискомфорта. Напротив, он настаивает: позиция изгоя — единственный вариант неучастия во всеобщей лжи. Тактика диссидента сводится к парадигме протеста: участие в уличных акциях и демонстрациях, составление/подписание писем протеста, неподчинение распоряжениям КГБ, отказ сотрудничать со следствием, составление жалоб на бесчинства администрации тюрем в вышестоящие инстанции, голодовки, привлечение внимания западных СМИ и проч. Со своей стороны власть действует в соответствии с парадигмой репрессий: вызов на допрос/беседу в КГБ, увольнение с работы/исключение из вуза, арест, суд, тюрьма/лагерь, психбольница и в итоге, как признание собственного нравственного бессилия, высылка инакомыслящего из страны.

Не является источником мучительных размышлений автора и отсутствие

собственной семьи. Вопросы экспертов-психиатров о причинах несостоявшейся семейной жизни вызывают у автора очевидную иронию. Логика политической борьбы, согласно Буковскому, требует от диссидента готовности ни с кем не сближаться, никому не доверять. Тревога за близких — тяжкий груз, она лишает мобильности, делает человека уязвимым. Семья — либо непопозволенная роскошь, как в его случае, либо боевая единица (такую трактовку семьи встречаем у А. Солженицына в «Теленке...»). И здесь перед нами уже не социальная, а бытийная неукорененность, не осмысленная Буковским как психологическая драма, воспринятая как норма жизненного поведения. Судя по другим текстам профессиональных диссидентов (А. Марченко «Мои показания», Ю. Орлов «Опасные мысли», Н. Горбаневская «Полдень» и др.), трактовка изгойства как своеобразного козыря являлась общим местом в системе ценностей нонконформистов. Действительно, власть стремится расправиться с непокорным любыми средствами. А если человек не имеет ни работы, ни семьи, он силен или слаб? В состязании «кто кого?» он свободен и неуязвим. Так в игровой логике диссидентской модели мира маргинальность из недостатка превращается в преимущество, аутсайдер ведет и выигрывает.

Для Буковского характерна неукорененность и другого рода — в культурных традициях. Самоидентификация

«стариков», как отмечалось выше, производилась с опорой на русскую культуру — мировоззрение и социальную практику революционных демократов, либеральной интеллигенции, глубже — юродивых. Объединенные в сознании шестидесятников в плеяду борцов за политическую и духовную свободу, они включались нонконформистами в одну с ними генерацию. Буковский среди идейных учителей называет лишь современников — А. Есенина-Вольпина, П. Григоренко, А. Синявского и Ю. Даниэля и др. Даже практика ближайших предшественников — нелегальных молодежных групп антисталинистов конца 1940-х — начала 1950-х годов — отвергается автором: «К демократии не идут подпольным путем. Нельзя учиться у врагов, если хочешь быть не таким, как они. Подполье рождает только тиранию, только большевиков любого цвета» [2, с. 115]. Опора на «ближний круг», нигилизм в отношении к традициям русской интеллигенции — явление закономерное для всего поколения «молодых шестидесятников». Герметизм сознания — логичный итог одномерности мировосприятия и типологии личностного поведения поколения. Стереотипность, повторяемость основных мотивов, тем и образов книги в сравнении с текстами «старших шестидесятников» свидетельствует об исчерпанности мировоззренческого и лексического тезауруса диссидентства в 1970-е годы.

Литература

1. Даниэль А. Диссидентство: культура, ускользающая от определений // Россия — Russia. Новая серия. Вып. 1 (9): Семидесятые как предмет истории русской культуры / Под. ред. К. Ю. Рогова. М., 1998. С. 111–125.
2. Буковский В. И возвращается ветер... СПб.: Захаров, 2007. 339 с.
3. Чуковская Л. Сочинения: В 2 т. М.: Гудьял-Пресс, 2000. Т. 2. 464 с.

References

1. Daniel A. Recusancy: the culture escaping definitions // Russia — Russia. New series. N 1 (9): The seventieth as a subject of history of the Russian culture / Ed. by of K. Yu. Rogov. M., 1998. P. 111–125.
2. Bukovsky V. I. Also the wind comes back... SPb.: Zakharov, 2007. 339 p.
3. Chukovskaya L. Collected works in 2 vol. M.: Gudyal-Press, 2000. Vol. 2. 464 p.

Я. Ю. Ильяшенко

Ya. Yu. Ilyashenko

Модели культуры и их отражение в современной литературе

Models of Culture and Their Reflection in Modern Literature

Ильяшенко Яна Юрьевна

Великий Новгород
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
Аспирант кафедры русской и зарубежной
литературы
www2022@yandex.ru

Ключевые слова:

литературный жанр, литературная сказка, система персонажей, художественный образ, герой, сюжет, мифология

В статье рассматривается один из важнейших аспектов сюжетно-композиционной структуры художественного произведения — система персонажей. Раскрываются особенности персонажной системы в жанре литературной сказки и функционирование сказочных моделей культуры на примере сборника А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла „соловьиный глаз“».

Жанр литературной сказки в процессе своей кристаллизации из фольклорной системы сохранил жанровую доминанту фольклорной сказки — фиксирование в своеобразной форме народного опыта, сказочных ментальных моделей и в целом моделей культуры. Модели культуры представляют собой стандартные коммуникативные ситуации со стандартными поведенческими реакциями, которые находят свое отражение в пафосе и системе персонажей произведений.

Система персонажей — один из важнейших аспектов сюжетно-композиционной структуры произведения, которую С. Н. Зотов определяет как «один из аспектов художественной формы литературного произведения, художественное единство, в котором персонажи объединены взаимными симпатиями и антипатиями, совпадением идейных устремлений и антагонизмом, родственными связями, лю-

Ilyashenko Yana Yurievna

Veliky Novgorod
The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Graduate student of chair of the Russian and foreign
literature
www2022@yandex.ru

Key words:

literary genre, literary fairy tale, system of characters, image, character, plot, mythology

In the article the system of characters is considered as one of the most important aspects of plot and composite structure in a work of literature. Features of character's system in a genre of the literary fairy tale and functioning of culture fantastic models are revealed on an example of the collection of A. S. Byatt «The Djinn in the Nightingale's Eye».

бовными и дружескими привязанностями; они вступают во взаимоотношения и соотносятся друг с другом, и эта их соотнесенность в сюжете служит одним из выражений — иногда важнейшим — идейного содержания произведения, которое воплощено посредством сопряжения групп и отдельных персонажей в определенном отношении к миру автора и объективной действительности» [1, с. 3]. Согласно этому определению, литературные персонажи зачастую составляют основу художественного текста, и развитие сюжетных линий произведения во многом зависит от их взаимоотношений, складывающихся с учетом социальных ролей, идеологических установок и характеров.

Прежде всего, следует обратить внимание на терминологию, которая характерна для общего понятия «персонажная система»: «литературный герой», «персонаж», «действующее лицо» и «образ». Разгра-

ничивая эти термины, В. И. Масловский пишет, что понятие «литературный герой» имеет «господствующее положение действующего лица в произведении (как главного героя в сравнении с персонажем), указывая, что данное лицо несет основную проблемно-тематическую нагрузку» [2, с. 195]. Однако стоит учесть, что по определению некоторых исследователей (Е. П. Барышников, Э. Б. Магазанник) эти два понятия взаимозаменяемы: «Однозначно с „литературным героем“ нередко употребляются понятия „действующее лицо“ и „персонаж“» [3, с. 697]. При этом примечательно, что термин «действующее лицо» приоритетно для произведений драматического жанра литературы.

Понятие же «художественного образа» представляет собой одну «из основных категорий эстетики, которая характеризует присущий только искусству способ отображения и преобразования действительности. Образом также называется любое явление, творчески воссозданное автором в художественном произведении»¹.

В материале данной статьи используются дефиниции, данные В. И. Масловским.

Итак, особый интерес при рассмотрении вопроса системы образов персонажей представляет литературная сказка, в связи с наличием в ней определенной иерархии персонажей (главные и второстепенные), а также или кроме того параллелей между сказочным и реальным миром, где встречаются ирреальные (иногда inferнальные) образы и те, которые являются отражением существующего в действительности социума. Зачастую такое сочетание персонажей говорит о двунаправленности литературной сказки, т. е., с одной стороны, она адресована детской аудитории, с другой — предназначена для взрослых: ее глубокий философский смысл нередко кроется в подтексте.

Одним из показательных примеров такого сочетания вымышленных и правдивых персонажных образов является сборник А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла „соловьиный глаз“». Он состоит из пяти рассказов, в которых писательница-филолог создает собственный литературный жанр, синтезирующий волшебный, сказочный и реалистический планы повествования [4, с. 167].

Так, одна из сказок сборника «Дыхание дракона» начинается с описания жизни жителей деревни, для которых характерна духовная глубина и всечеловеческие начала (чувства любви, переживаний, соучастия), литературные образы, которые по своему образу и подобию близки читателю. При этом в повествование постоянно вводятся выдуманные сказочные персонажи: «огромные черви с толстыми головами <...> Их противные влажные двенадцать глаз скрывались в пещерках грязной плоти и блестели кровью...» [5, р. 80–81]. Следует отметить, что в литературных сказках автор, проводя параллели между реальным и сказочным миром, «стремится подчеркнуть негативные стороны существующей действительности»², и в данном примере очевидна параллель между сказочными чудовищными червями и огненной лавой извергающихся вулканов — разрушительной силой природы. Таким сближением А. С. Байетт подчеркивает неотвратимость человеческих бед из-за разгула природной стихии, метафоризируя последнюю как монстра, сметающего все на своем пути. В основу сказочного образа заложено «отвлеченное соотношение реальных явлений — понятие, идея — выступает здесь в осязаемой, зримой материальной форме» [6]. Сказка претворяет понятия в образы живых персонажей. В рамках одного сюжета происходит взаимодействие сказочно-литературных персонажей (жителей деревни) со сказочными (огромными червями), что является изображением реальных чело-

¹ Литературный глоссарий // Художественный образ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bukinistu.ru/hudozhestvennyiy-obraz.html> (дата обращения: 03.10.2012).

² Сказки бывают разные [Электронный ресурс]. URL: <http://ceteratura.ru/skazki-byivayut-raznyie> (дата обращения: 26.09.2012).

веческих судеб в борьбе с враждебной природой.

Сказка с названием, одноименным сборнику «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”», также яркий пример параллельного существования в тексте «двух миров» и персонажей, населяющих эти миры. В основе сюжета — история вполне обычной, перешагнувшей пятидесятилетний рубеж женщины — Джиллиан Перхольт, которая, будучи фольклористом, отправляется на конференцию в Анкару. Именно в Турции происходит неожиданное знакомство Перхольт с очаровательным джинном, с которым главная героиня начинает вести беседы на литературоведческие темы. Происходит непосредственное взаимодействие героев, один из которых — женщина, обладающая всеми признаками, характерными для внешности, поведения и психологии реально существующего человека (осознание временности бытия; наличие возрастных изменений в организме; особенности жизненного уклада), и джинн — герой очевидно вымышленный: «Джиллиан вышла и увидела джинна, который теперь поднялся в половину ее большой комнаты, свернувшись вокруг самого себя словно змея, упираясь огромной головой и плечами в потолок. Его руки вытянулись вдоль стен, а нога и тело окружили ее кровать в задней комнате (пер. с англ. — Я. И.» [7, р. 189].

Посредством волшебного-фантастического развития событий и взаимодействия вымышленного сказочного и несказочного героев высвечиваются, раскрываются духовно-нравственные и этические проблемы реальных людей. Так, например, героиня Джиллиан Перхольт, будучи обеспокоенной наличием возрастных морщин на своем лице и растянутой кожи на теле, просит джинна помочь ей обрести былую молодость для «тела, чтобы оно нравилось» [Ibid, р. 197]. Вопрос увядания красоты был актуален для женщин во все времена, и А. С. Байетт, заострив внимание именно на этой эстетической проблеме, передает типологические человеческие волнения посредством фиксации индивидуальных переживаний героини. Сказочным мотивом здесь является те-

ма «вечной молодости», которая отражает вполне «человеческие переживания» в реальности бытия: «Непреклонные и прекрасные, неизменные в своей красоте звезды Джоан Коллинз и Барбара Карлленд — вот символы нашего стремления к вечной жизни и молодости»¹.

Будучи также подверженной стремлению стать вновь молодой, Перхольт прибегает к помощи сказочного джинна, чьи действия направлены на осуществление мыслимой возможности приобретения героиней желаемого. Таким образом воссоединяются реалистичное (мысль) и фантастическое (действие джинна) начала. При этом важно отметить, что в литературной сказке существенное внимание уделяется телесности персонажей, что нехарактерно для сказки традиционной: «Я могу сделать твоё тело таким, каким оно было <...> и Джиллиан отступила в ванну, где открыла халат и увидела в зеркале упругую тридцатипятилетнюю женщину, чьи груди были полными, а живот подтянутым...» [7, р. 198].

Смещение акцента в сторону телесности героини проявляется в том числе и благодаря наличию научного дискурса в повествовании, который отсутствует в фольклорной сказке: «...У нас теперь есть и научные способы обеспечения некоего псевдостасиса — протезирование, гормоны, пластическая хирургия, имплантация волос; то есть мы можем превращать людей в произведения искусства или ремесла»².

Стоит отметить, что в этой сказке, «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”», действия волшебного джинна способствуют созданию и традиционной сказочной композиции, формируя сюжет: «Я обязан тебе за свое освобождение, — сказал джинн. — Теперь я могу выполнить три твоих желания» [7, р. 192]. Готовность

¹ Байетт А. С. Джинн в бутылке из стекла «соловьиный глаз» [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/351364/read> (дата обращения: 09.03.2012).

² Байетт А. С. Джинн в бутылке из стекла «соловьиный глаз» [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/351364/read> (дата обращения: 09.03.2012).

джинна исполнить три желания Джиллиан Перхольт является отправной точкой для последующего развития событий, этот мотив фундирован в истории мировой литературы именно как динамический, устойчивый в сюжетной схеме, можно сказать, характерный для канона фольклорной и литературной сказки. При этом сам джинн является традиционным образом в мифологии Ближнего Востока, где существует три его разновидности: пернатый, земляной и водяной. И здесь автор вновь заостряет внимание на описании внешнего облика героя: «Сзади него было большое мерцающее пространство перьев разных цветов, павлиньих перьев, перьев попугая, перьев из птицы Паради, которая являлась частью плаща, которая была частью его самого» [7, р. 189–190]. Подробное описание джинна позволяет читателю отнести его именно к первой разновидности этих существ — пернатым джиннам, которые обычно выглядят «как парящие в воздухе люди восточного вида»¹, что еще больше сближает реальность и вымысел. Джинн — персонаж восточной сказки, где традиционно мир фантазии не отделен от реального мира, т.е. появление в тексте волшебного героя не переключает тумблер читательского восприятия на «вымысел», а является специфической чертой национальной картины мира. Таким образом, вымышленные герои, взаимодействуя с героями, имеющими реальные прототипы, создают настолько тесный симбиоз, что реальность становится неотделимой от вымысла.

Примечательно, что в восточной мифологии джинны были, прежде всего, демоническими сверхъестественными существами, которые сулили людям большие неприятности и даже смерть. Например, один из самых первых памятников восточной литературы, получивший популярность в Европе — «Тысяча и одна ночь», — неоднократно подвергался переводам с арабского языка на языки мира,

¹ Ролевая энциклопедия. Джинн: [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.rpg.wikia.com/wiki/%D0%94%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D0%BD> (дата обращения: 26.09.2012).

в процессе чего трансформировались и литературные образы. Так, демонические представления о джинне у восточных людей сменились восприятием его у европейцев, как звена между человеком и высшей ангельской иерархией.

Кроме того, важно отметить, что неслучайно героиня Джиллиан Перхольт по роду своей деятельности является фольклористкой, так как именно она привносит в повествование возможность интеллектуальной дискуссии по вопросам литературоведческого характера (литературные произведения и герои в них) и становится связующим звеном между вымыслом и реальностью.

Также стоит обратить внимание, что в сказке «Джинн в бутылке из стекла „соловьиный глаз“» помимо сказочных (джинн) и несказочных, но все же выдуманных (Джиллиан Перхольт), встречаются и персонажи, которые являются не просто реалистическими образами, но и исторически достоверными персонажами, существующими в действительности. Например, теннисист Борис Бейкер: «„Scheiss“, — сказал крохотный Бейкер. <...> Бейкер на экране замер, подняв ракетку, откинув голову и поджав одну ногу» [7, р. 196]. Как видим, на страницах художественного произведения мира, выдуманный, реальный и прототипический сближаются за счет внедрения в сказочный текст реальных, исторически существующих лиц.

Обращая внимание на характерные признаки сказочных персонажей, Т. В. Зуева пишет, что их «отличает широкое обобщение: это не характеры, а типы, носители какого-то главного качества, определяющего образ <...> Сказочные персонажи раскрываются прежде всего в действии, и это — главный прием их изображения. Они целиком и полностью зависят от своей сюжетной роли. Одновременно действия сказочных героев создают содержание и композицию сказки» [8, с. 135]. Возвращаясь в первом случае к сказочным огромным чудовищам, а во втором — к джинну, можно говорить о них как о динамических мотивах повествования, т.е. о персонажах, которые являются катализатором раз-

вития всего повествования. Например, в «Дыхании дракона» сползающие с гор смертоносные черви служат источником возникновения определенной реакции у жителей деревни (страх, ужас, паника), которая предопределяет дальнейшее развитие сюжета: бегство сельчан в лес, их попытка остановить хаос и т. д.

Примечательно, что сюжетобразующая динамика — результат взаимодействия персонажей, причем если в двух сказках, рассмотренных ранее, волшебные персонажи (огромные черви, джинн) были центральными фигурами в развитии сюжета, то в сказке «История старшей принцессы» включенные в сюжет представители сказочного животного мира (скорпион, жаба, таракан) — второстепенные участники событий, благодаря воздействию которых на главную героиню (старшая принцесса) происходит выявление у последней ранее скрытых качеств.

Именно взаимодействие персонажей указывает на соотношение их ролей в художественном произведении; как отметил М. М. Бахтин, «когда дело идет об определении главного и второстепенного героев, то нужно решить, кто вплетается в чью судьбу; тот, в чью судьбу вплетаются другие персонажи, и есть главный герой»¹. Основа сюжетобразующей линии произведения зависит от мотивов и целей главного героя, чья история находится в центре событий. Второстепенные же персонажи могут влиять на развитие сюжета, оказывая воздействие на главных, при этом их личная история не является центральной темой.

Так, в сказке «История старшей принцессы» главная героиня — старшая принцесса, вынуждена отправиться на поиски серебряной птицы и пепельного гнезда, чтобы вернуть жителям своего королевства синее небо, составляющее основу душевного спокойствия горожан. В дороге ей предстоит встреча со сказочными персонажами, которые оказы-

вают существенное воздействие на главную героиню и периодически влияют на ход событий: «Однажды, пройдя долгий путь, они услышали что-то похожее на веселое человеческое насвистывание, смешанное с птичьими криками. Принцесса была готова повернуть в этом направлении, но скорпион сказал, что это свистит цветок, пытаюсь привлечь неосторожных птиц, которые попадают в невидимые нити и удушаются там <...> Принцесса, несмотря на то что не была птицей, наполнилась страхом и последовала советам скорпиона уйти подальше от терновника» [9, р. 57].

Необходимо подчеркнуть, что именно действия выявляют волшебные свойства персонажей, переводят их в сознании читателя в разряд сказочных (вымышленных, фантазийных). Читатель, знакомый с фольклорными сказками, готов к перемене статуса персонажа. Так, скорпион, жаба и таракан, являясь обычными обитателями реального животного мира, в художественном произведении наделяются речью и способностью мыслить, что дает им возможность функционировать в условиях социального общения с человеком. Благодаря подобному взаимодействию раскрываются поведенческие характеристики главной героини — принцессы (сопереживание, соучастие). Как отмечает В. А. Грехнев, «второстепенные персонажи нередко являют собой искусно организованную систему „зеркал“, отражающих основные душевные стихии, запечатленные в центральных героях. Те душевные начала, которые в этих характерах слиты в органически нераздельное и многогранное целое, персонажи второго ряда иногда укрупняют до размеров гипертрофированной и односторонней страсти или идеи. В таком укрупнении карикатурно искажается то душевное начало, которое в главном герое было уравновешено и застраховано от искажения переплетением многих влечений или противоборством страстей» [10, с. 130].

Взаимодействие главных и второстепенных персонажей, сказочных и несказочных, способствует не только развитию сюжета, но и более углубленному

¹ Издательство «Лицей» // Герой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.licey.net/lit/slovar/geroi> (дата обращения: 04.10.2012).

раскрытию их психологии. Литературная сказка использует и одновременно дополняет поэтику фольклорной сказки более детальным описанием внутреннего мира героев. Например, наблюдая процесс коммуникации героев произведения, читатель получает возможность проследить динамическое состояние их души, смену оттенков их эмоций. Когда герой литературной сказки подробно говорит о своих переживаниях, «писатель показывает героя „изнутри“, как бы проникая в сознание, душу, непосредственно показывая, что происходит с ним в тот или иной момент»¹. Принцесса рассказывает попутчикам о боязни не оправдать возложенных на нее надежд, о своей неуверенности и о том, что ей не удастся найти спасительную птицу и гнездо: «Я могу выйти из этой истории и продолжить свой путь. Я могу покинуть дорогу и искать собственные приключения в лесу <...> я не справлюсь с заданием» [9, р. 52]. Стоит отметить, что здесь можно наблюдать внутренний монолог героини, что является тенденцией усиления психологического начала, что особенно характерно для литературной сказки.

Таким образом, персонажи — составляющий элемент всей структуры произведения, которая представляет собой «художественно целенаправленную соотносительность всех „ведущих“ героев и всех так называемых „второстепенных“ действующих лиц в литературном произведении. Через структуру произведения и литературных персонажей выражается единое авторское представление о человеке в его взаимоотношениях с природой, обществом и историей, а также о типах человека — в связи с различиями рас, национальностей, сословий, профессий, темпераментов, характеров, социальных ролей, психологических установок и идеологических позиций» [11, с. 162]. При этом появление опреде-

ленных волшебных персонажей (говорящие животные, ведьмы-старухи и т. д.) традиционно разворачивает сюжет в сторону сказочной реальности.

Итак, для литературной сказки А. С. Байетт характерна не только система образов, заимствованная из фольклорной (добро и зло), но и типичные волшебные персонажи устного народного творчества (прекрасная принцесса, джинн). При этом сказочные персонажи представлены психологически углубленно, благодаря чему формируется их характерологический портрет. Образуя тесный симбиоз с героями несказочного формата, вымышленные персонажи становятся приближенными к миру реальному.

В сборнике сказок А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла „соловьиный глаз“» в едином контексте функционируют и объединяются персонажи двух миров. При этом, взаимодействуя посредством различной повествовательной техники (например, научный и литературный дискурсы), персонажи сказочного фольклора и литературные герои — отражение реальных прототипов, создают двойственность произведений, где одновременно сочетаются волшебная составляющая и научно-познавательное начало. Такой двойственности также способствует и то, что персонажи сказок А. С. Байетт обладают высокой степенью психологизма, что делает повествование эмоционально насыщенным, а герои предстают перед читателем с разных поведенческих сторон (сочетание положительных и отрицательных качеств в одном персонаже), что нехарактерно для традиционной сказки, где роли персонажей четко разграничены.

Также стоит отметить, что в традиционной сказке конфликт между персонажами ожидаемо должен привести к безоговорочной победе добра над злом. Глубокое же проникновение А. С. Байетт в психологию своих героев предполагает наличие философской подоплеки для всего повествования и непредсказуемый финал, при этом зачастую взаимодействие сказочных и несказочных, главных и второстепенных героев образует симбиоз, благодаря которому затрагиваемая в сказке проблематика становится еще

¹ Теория литературы: Анализ художественного произведения // Психологизм и его формы [Электронный ресурс]. URL: <http://tezaurus.oc3.ru/docs/3/articles/2/5/> (дата обращения: 03.10.2012).

более ощутимой. Так, в сказке «Джинн в бутылке из стекла „соловьиный глаз“» вопрос о смертности и бессмертии А. С. Байетт развивает благодаря двум героям: Джиллиан Перхольт — смертная женщина и джинн — сказочный персонаж, живущий вечно. Вступая во взаимодействие, герои рассуждают о любви, искусстве, превратностях судьбы, при этом они настолько гармонично сочетаются, что граница между сказочным и несказочным персонажами размывается, и джинн становится более реалистичным.

Таким образом, персонажная система в сказках А. С. Байетт представляет собой цепь сложных взаимоотношений вымышленных и реальных, главных

и второстепенных героев. Их синтез, взаимоотношения и различная техника повествования порождают жанровое своеобразие сборника, отдаляющегося от канонов сказочного фольклорного повествования. При этом в литературной технике английской писательницы максимально активны культурные архетипичные модели: волшебные помощники (скорпион, жаба, таракан — «История старшей принцессы»), спор (дочь мельника и моряк — «История Бога»), стремление к молодости (Джиллиан Перхольт — «Джинн в бутылке из стекла „соловьиный глаз“»), что является отражением изменившихся коммуникативных ситуаций в современной литературной сказке.

Литература

1. *Зотов С. Н.* Система персонажей в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. 19 с.
2. *Масловский В. И.* Литературный герой // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.
3. *Магазаник Э. Б.* Персонаж // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1968. 976 с.
4. *Конькова М. Н.* Проблема повествования в сборнике рассказов А. Байетт «Джинн в бутылке из стекла „соловьиный глаз“» // Гуманитарные исследования: Журнал фундаментальных и прикладных исследований. № 4 (32). Астрахань: Астраханский университет, 2009. С. 167–171.
5. *Byatt A. S.* Dragons' breath // *The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories.* New York: Random House, 1994. P. 73–93.
6. *Бажов П. П.* Собрание сочинений в трех томах. Том первый. М.: Правда, 1976. 350 с.
7. *Byatt A. S.* The Djinn in the nightingale's eye // *The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories.* New York: Random House, 1994. P. 93–277.
8. *Зуева Т. В., Кирдан Б. П.* Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. М.: Флинта; Наука, 2002. 400 с.
9. *Byatt A. S.* The story of the eldest princess // *The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories.* New York: Random House, 1994. P. 39–71.
10. *Грехнев В. А.* Словесный образ и литературное произведение: Книга для учителя // Литературное произведение. Композиция. Персонажи в композиции. М., 2000. 248 с.
11. *Тамарченко Н. Д.* Теоретическая поэтика: понятия и определения // Хрестоматия для студентов филологических факультетов университетов и пединститутков. М.: РГГУ, 1999. 286 с.

References

1. *Zotov S. N.* System of characters in M. Yu. Lermontov's novel «Hero of our time» Dissertation Abstract. M.: MSPI named by V. I. Lenin, 1989. 19 p.
2. *Maslovsky V. I.* Literary hero // *Literary encyclopedic dictionary.* M.: Soviet encyclopedia, 1987.
3. *Magazanik E. B.* Character // *Short literary encyclopedia.* T. 5. M.: Soviet encyclopedia, 1968. 976 p.
4. *Konkova M. N.* Problem of a narration in the collection of stories of A. Bayett «The genie in a bottle of "nightingale's eye"» glass Humanitarian researches. Magazine of basic and applied researches. N 4 (32). Astrakhan. Astrakhan university, 2009. P. 167–171.

5. *Byatt A. S.* Dragons' breath // *The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories.* New York: Random House, 1994. P. 73–93.
6. *Bazhov P. P.* Collected works in three volumes. Т. 1. М.: Pravda, 1976. 350 p.
7. *Byatt A. S.* The Djinn in the nightingale's eye // *The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories.* New York: Random House, 1994. 93–277 p.
8. *Zuyeva T. V., Kirdan B. P.* Russian folklore: The textbook for higher educational institutions. М: Flinta: Science, 2002. 400 p.
9. *Byatt A. S.* The story of the eldest princess // *The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories.* New York: Random House, 1994. P. 39–71.
10. *Grekhnev V. A.* Verbal image and literary work: the book for the teacher // *Literary work. Composition. Characters in composition.* М., 2000. 248 p.
11. *Tamarchenko N. D.* Theoretical poetics: concepts and definitions // *Anthology for students of philological faculties of universities and teacher's colleges.* М.: RGGU, 1999. 286 p.

Г. Н. Боева

G. N. Boeva

Культурология как искусство чтения

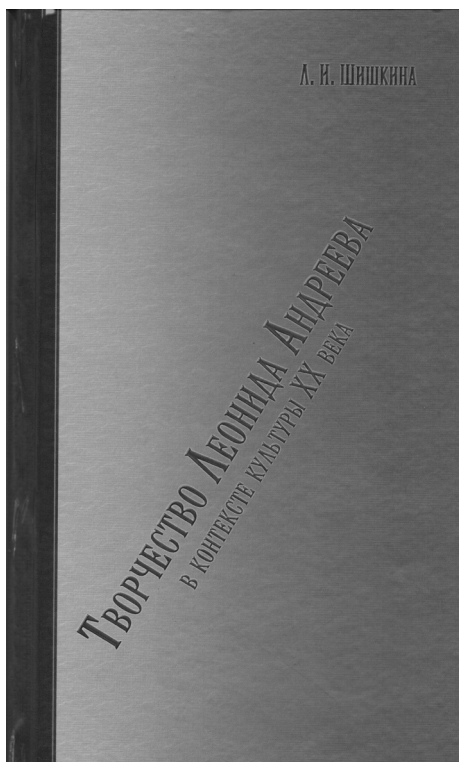
Cultural science as the art of reading

Боева Галина Николаевна

Санкт-Петербург
Невский институт языка и культуры
Заведующий кафедрой культурологии и
общегуманитарных дисциплин
Кандидат филологических наук
Доцент
G_boeva@rambler.ru

Boeva Galina Nikolaevna

Saint-Petersburg
Nevsky Institute of Language and Culture.
Head of the Chair of Culturology and
Humanitarian disciplines
Ph. D. in Philology
Associate professor
G_boeva@rambler.ru

Шишкина Л. И.

Творчество Леонида Андреева в контексте культуры XX века: Монография. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2009. 222 с.

ISBN 978-5-89781-356-8

В гуманитаристике последних десятилетий наблюдается стойкая тенденция: культурология, не столь давно получившая статус отдельной науки, активно вторгается в «пограничные территории», демонстрируя продуктивность своих методов и подходов в исследовании самых разных направлений. Происходит «культурологизация» филологии, лингвистики, истории, социологии и других сфер знания. Будучи от самого своего рождения перекрестком традиционных гуманитарных наук, культурология помогает выявить типологические узлы, стягивающие континуальное пространство культуры.

Особенно продуктивен курс на сотрудничество культурологии и филологии, причем в самых разнообразных практиках: в анализе ключевых концептов культуры, реконструкции культурного контекста литературных феноменов, рецептивных под-

ходах и интерпретациях. Напомним, что в словоцентричном отечественном научном дискурсе культурологические штудии изначально были ориентированы на Слово, и все выдающиеся культурологи (с оговоркой, что «культурологами» они себя не называли) в российской традиции были и талантливыми филологами. Так, «Беседы о русской культуре» Ю. М. Лотмана — и блестящая реконструкция русского культурного универсума, и глубокое исследование его главной составляющей — отечественной классики. Припомним и слова Л. Я. Гинзбург: «Литература несомненно может плодотворно изучаться на разных уровнях. Но смысловой ее уровень — это уже уровень исторический. Невозможно прочитать произведение как систему знаков, не понимая того, что они означали для создавшего их художника, т. е. не раскрыв

значений, порождаемых исторически сложившимся, социально определенным комплексом культуры» [1, с. 5–6].

Все сказанное в полной мере применимо к автору рецензируемой книги, в которой явлен органический союз культурологического и литературоведческого подхода к интерпретации творчества одной из ключевых фигур начала XX века — Леонида Андреева.

Позволим себе не согласиться с высказанным в предисловии мнением автора, согласно которому книга не претендует на статус «традиционной систематизирующей монографии» и ограничивается рассмотрением отдельных аспектов творчества Андреева в контексте культуры XX века. В итоге целостность и систематизация все же получились — и вследствие репрезентативности самого объекта исследования в качестве художественной стенограммы духа времени, и вследствие успешного сочетания глубокого литературоведческого анализа с выявлением культурологических закономерностей эпохи. Динамичный, сложный и противоречивый литературный процесс начала XX столетия предстает как часть культуры, а представление о культуре, в свою очередь, обогащается за счет внимательного вчитывания в андреевские тексты.

Хотя книга состоит из статей, написанных в разные годы, стройность, продуманность и органичность их «цементирования» в составе книги не подлежит сомнению. В первой части рассматриваются общие культурологические проблемы и концепции рубежа XIX–XX веков, преломленные в творчестве Андреева. Вторая часть, посвященная вопросам соотношения исторических реалий и художественного вымысла, вновь возвращает читателя к поднятым проблемам, но концентрируется на вопросах соотношения факта и вымысла в прозе Андреева — в силу их принципиальности для творческого метода писателя, как поясняет исследователь. Наконец, в третьей части нас ожидает третий слой погружения в творчество Андреева — связанный преимущественно с его новаторской поэтикой: к рубежу веков стало очевидно, что о *новом* времени, чреватом потря-

сениями и катастрофами, нужно писать *новым* языком.

Плодотворно само обращение к творчеству Андреева при исследовании культуры начала XX века, поскольку писатель идеально совмещает в себе, казалось бы, несовместимое: интерес одновременно и к болевым точкам современности, будь то терроризм, русско-японская война или смертная казнь, — и к универсальным, вневременным проблемам; органичную вписанность в отечественную классическую традицию (метафизичность и психологизм экспериментов, экзатичность духовных поисков, склонность к художественным философским построениям) — и стилевое новаторство, предвосхищающее многие направления современного искусства. Творчество Андреева действительно оказывается идеальным материалом при попытке реконструкции культурной картины эпохи рубежа веков.

Во всех трех главах книги объектом «культурологического прочтения» писателя становятся самые известные, «леонидандреевские» произведения: «Бездна», «Жизнь Василия Фивейского», «Красный смех», «Рассказ о семи повешенных» — самые репрезентативные, «скандальные», принесшие в свое время ему всероссийскую славу — и, разумеется, бесчисленное количество раз подвергавшиеся критическому и литературоведческому анализу. Не раз предпринимались и попытки соотносить их с отдельными философскими учениями — прежде всего Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, влияние которых на мировоззрение писателя не подлежит сомнению и им самим не раз декларировалось. Однако ни разу проза Андреева не подвергалась глубокой, системной интерпретации в предложенном Л. И. Шишкиной аспекте — во взаимодействии художественных произведений с культурным контекстом прошедшего столетия.

Так, исследуемые Андреевым проблемы соотношения в современном человеке природного и культурного начал («Бездна») и соотношения индивидуальной воли человека с управляющим его жизнью «роком» («Жизнь Василия Фивейского») сопрягаются Л. И. Шишкиной с ключевым принципом историко-культурного

процесса — *природа—культура*, отразившимся и в исследованиях В. Бехтерева о биосоциальности человека, и в теории З. Фрейда. Ницшевское определение культуры как «тонкой яблочной кожуры вокруг бушующего хаоса» воспринимается как эпиграф к скандально знаменитому рассказу Андреева «Бездна», а шопенгауэровский «трансцендентный фатализм» позволяет в ином свете увидеть трагедию сельского священника Фивейского.

Изображение русско-японской войны в рассказе Андреева «Красный смех» расценивается автором монографии не только как факт культурного сознания России рубежа веков, но и как свидетельство смены культурных парадигм. В столкновении белой и желтой рас автор усматривает центральный концепт шпенглеровского «заката Европы» — крушение европейской гуманистической парадигмы, вступившей на своем завершающем, цивилизационном витке эволюции в период самоистребления. Обращаясь к андреевскому видению войны и как к аргументу, и как к иллюстрации, автор продолжает традиционный для отечественной философии разговор об историософской миссии России и соотношении ее пути с западным и восточным сценариями развития. Кстати, особенностями национального философского дискурса, начиная с Чаадаева, можно счесть его культурологическую направленность — задолго до оформления культурологии как отдельной науки. В этом смысле художественная философия андреевской прозы — неотъемлемая часть русской культуры, что делает очевидным рецензируемая нами книга.

Еще одной актуальной плоскостью пересечения андреевской прозы и саморефлексии российского социума становится в монографии проблема терроризма. Исследование этой болевой точки российской жизни рубежа веков для Л. И. Шишкиной неотъемлемо от русского религиозного сознания, которое мифологизирует образ террориста, возводя его к культу жертвенности. Специфически русская ментальная особенность — нерасторжимая связь

религиозности и бунта — находит художественное воплощение в целом ряде произведений Андреева, в том числе «Губернаторе» и «Рассказе о семи повешенных», которым посвящены отдельные главы книги. Фиксируя катастрофический разлад между высотой помыслов и ужасом «практики», между бескорыстием цели и цинизмом ее реализации, автор монографии заставляет задуматься о печальной роли мифов в коллективном сознании и проецирует ситуацию начала XX века на рубеж следующего столетия, тем самым приближая ее к современному читателю. Запечатленные в прозе Андреева кровавые итоги религиозно-общественного максимализма — повод для раздумий о дне сегодняшнем, когда непростые отношения народа с властью вновь становятся взрывоопасными и чреватými социальными катастрофами.

Столь же актуальной представляется и другое трагическое противоречие современного культурного индивидуума, на котором подробно останавливается Л. И. Шишкина в своем анализе рассказа «Губернатор», — противоречие между человеческой сущностью и социальной ролью. Реконструируя эволюцию замысла этого рассказа, основанного на реальном факте — убийстве уфимского генерал-губернатора, автор монографии одновременно и возводит свою интерпретацию к шопенгауэровской этике «вечного правосудия», перенесенного в общественный опыт, и детально исследует поведение героя в кризисной ситуации с точки зрения социальной психологии. Демонстрируемый в этом рассказе интерес писателя к социально-биологической стороне бытия личности — еще одно подтверждение его самопрезентации в «Автобиографии» (1910), где он называет себя «социологом, философом, естественником». Автор монографии убедительно показывает органическую связь художественного исследования социальной психологии Андреевым с научными достижениями конца XIX — XX века, прежде всего «коллективной рефлексологией» В. Бехтерева и теоретическими построениями Г. Тарда. Таким образом,

рассказ Андреева попадает в далекий, на первый взгляд, от художественной литературы социально-психологический контекст и «подбрасывает» материал для полемики между французскими социологами Г. Тардом или Г. Лебоном: массовое общество — это «век публики» или «век толпы»? В любом случае, убеждает нас автор монографии, социальный человек несвободен в своих поступках, как несвободны в них герои андреевского рассказа, — и логика этих поступков подчиняется совершенно особым законам коллективного/массового сознания. Отметим, что этот концептуально-культурологический аспект интерпретации сочетается, как и на протяжении всего исследования, с другим: пристальным вниманием к художественным деталям, ключевым образам-концептам, смене заглавия рассказа в связи с эволюцией замысла.

Литературоведческий метод «побеждает» в последней главе книги, предлагающей анализ образной системы произведений Андреева, концептуально осмысленных в главах предшествующих.

Останавливаясь на специфике портретных характеристик, библейских аллюзий, особенностях повествования, автор логически завершает разговор о творчестве Андреева, ведь в художественном тексте *как едва ли не важнее о чем.*

Книга Л. И. Шишкиной — блестящая демонстрация филологического метода при «дешифровке» культурной семантики эпохи: художественный текст оказывается универсальным средоточием смыслов, живым самосознанием культуры. Пожалуй, следует признать, что стирание дисциплинарных границ в гуманитарной сфере и появление обширного культурного фронта, к которому принадлежит рецензируемая книга, имеет своим следствием перспективное и плодотворное сотрудничество и взаимообогащение наук, методов и подходов. Не удивимся, если по пути, предложенному Л. И. Шишкиной, пойдут другие современные исследователи — и в ближайшее время появятся книги, вписывающие творчество русских писателей в культурный универсум эпохи.

Литература

1. *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1971.

References

1. *Ginzburg L. Ya.* On the psychological prose. L.: Sovietyky Pisatel. Leningrad office, 1971.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются научные материалы, соответствующие основной научной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления сложными социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления.

ПОРЯДОК ЭКСПЕРТИЗЫ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, поступающие в редакцию от авторов, принимаются в установленном порядке. Автор(-ы) готовит и представляет в редакцию:
 - экземпляр статьи на бумажном носителе, подписанный автором и заверенный подписью руководителя подразделения, а также электронную версию статьи.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору(-ам) по его запросу направляется аргументированный отказ. Основанием для публикации является предоставление двух положительных рекомендаций от рецензентов журнала — докторов наук по специальности.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - сведениями об авторе, которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - аннотациями на русском и английском языках, раскрывающими основное содержание статьи (не более 400 знаков с пробелами каждая);
 - ключевыми словами (не более 100 знаков с пробелами каждая) на русском и английском языках.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - шрифт — «Times New Roman»;
 - аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
 - основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
 - ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы в алфавитном порядке), 12 кегль, междустрочный интервал — 1.
3. Порядок расположения материалов:
 - инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - название статьи. Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - аннотация на русском языке;
 - аннотация на английском языке (идентична аннотации на русском языке);
 - ключевые слова на русском языке;
 - ключевые слова на английском языке;
 - основной текст статьи.

4. Требования к оформлению:

- абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
- расстановка переносов не применяется;
- все примечания (в том числе сведения об авторе) оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
- все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
- выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем не допускаются);
- нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
- маркированный список пунктов начинается только в виде тире.

5. Оформление ссылок:

- ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
- краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (количество страниц либо конкретные страницы)¹. Области

¹ Примечание: ссылки на электронные ресурсы содержат следующие элементы: фамилия, имя, отчество автора (если приводится); основное заглавие документа; сведения, относящиеся к заглавию; название сайта, пор-

блиографического описания разделяются точкой;

- для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Китин Евгений Александрович
СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ
(Санкт-Петербург)

Заведующий кафедрой государственного управления и государственной службы

Кандидат юридических наук, доцент.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004.

тала; сведения об ответственности (указание принадлежности, назначения сайта); год размещения материала в сети (если указан); режим доступа (URL); дата обращения.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ *монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ *статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

♦ *публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ *статьи в научных журналах:*

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственному наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

3. Федорков А. И. Управление процессами обеспечения качества подготовки специалистов в СЗАГС // Материалы научно-методической конференции СЗАГС. 2011. Вып. 1. С. 42–51.

4. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Российско-Шведские отношения в контексте европейских интеграционных процессов // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2010. Т. 1. Вып. 1. С. 61–66.

♦ *статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ *правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взятках и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ *архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):*

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ *электронные ресурсы:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства. [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2009).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде». [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2008).

3. Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс] // Нет наркотикам: информационно-публицистический ресурс. URL: http://www.narkotiki.ru/jrussia_6800.html (дата обращения: 28.12.2010).

4. Ссылки на таблицы и рисунки (приводятся внутри текста).

2012. № 4 (48)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит четыре раза в год
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий редакцией научной периодики
С. В. ТАИРОВА
Ответственный секретарь редакции
Е. В. АНТОНОВА

Научные редакторы
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН

Сдано в набор 20.12.2012 г.
Подписано к печати 29.12.2012.
Формат 70×100/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 12,4. Тираж 650 экз.
Заказ №

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 12971

Комплекс издательских и полиграфических работ
выполнен ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел.: (812) 235-15-86, e-mail: manager_nestor@bk.ru